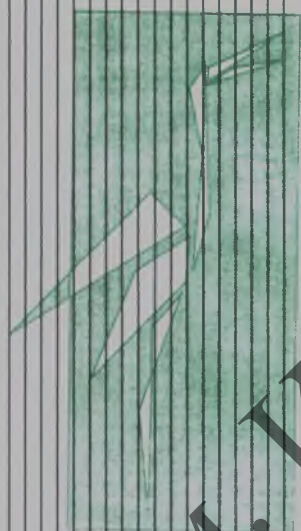


ВЕСНІК

Мазырскага
дзяржаўнага
педагагічнага
універсітэта



8

2003

МГПУ ім. М.П. Шамякіна

Галоўны рэдактар:
В.В. Валетаў

Рэдакцыйная калегія:
С.Б. Кураш (намеснік галоўнага рэдактара), Э.Я. Грачаннікаў (адказны сакратар), Н.Н. Ягораў, Л.В. Ісмайлава, Л.М. Іванова, В.В. Шапялевіч, Э.В. Каламыс, С.В. Целяпень, Я.І. Сафанкоў, В.І. Анісімаў

Заснавальнік
Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт
Рэгістрацыйны № 1508

Адрас рэдакцыі:
247760 Рэспубліка Беларусь,
Гомельская вобласць, г. Мазыр,
вул. Студэнцкая, 28.
Тэл.: (02351) 2-46-29

Здадзена ў набор 08.04.2003. Падпісана ў друк 06.06.2003.
Фармат 60x84 1/8. Папера афсетная.
Гарнітура Times New Roman Cyr.
Тыраж 110 экз. Заказ 49.

Ліцэнзія ЛВ № 428 ад 30.10.2002 г.

Карэктары Т.М. Ліпская, Л.М. Бажэнка, С.І. Солахава
Камп'ютэрная верстка І.Ю. Лявоненка

Надрукавана на тэхніцы выдавецкага аддзела
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
247760 г.Мазыр, Гомельская вобл., вул.Студэнцкая, 28
Тэл.: (02351) 2-46-29

Меркаванні, выказаныя аўтарамі, могуць не супадаць з пунктам
погляду рэдакцыі.

© Веснік Мазырскага дзяржаўнага
педагагічнага ўніверсітэта, 2003

ВЕСНИК

Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта

Навуковы часопіс
Выходзіць 2 разы ў год

№ 1 (8)

2003

ЗМЕСТ

МАТЭМАТЫКА

Л.А. Іваненко

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ
ВНЕАУДИТОРНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПО
МАТЕМАТИКЕ.....3

А.Г. Федосенко

О РАСПРОСТРАНЕНИИ СВОЙСТВА ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКОЙ
ФУНКЦИИ, ПРИНАДЛЕЖАЩЕЙ КЛАССУ L , НА МНОГОМЕРНЫЙ СЛУЧАЙ.....7

В.В. Шкут

КАЧЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОДНОЙ АВТОНОМНОЙ
ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ВТОРОГО ПОРЯДКА.....11

М.Д. Юдин

ОБ АППРОКСИМАЦИИ РАСПРЕДЕЛЕНИЙ СУММ m -ЗАВИСИМЫХ
СЛУЧАЙНЫХ ВЕЛИЧИН С ОГРАНИЧЕННЫМИ ДИСПЕРСИЯМИ В МЕТРИКЕ
П. ЛЕВИ.....16

ФІЗІКА

В.С. Савенка, О.А. Троицкий

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭЛЕКТРОПЛАСТИЧНОСТИ МЕТАЛЛОВ
В СЛОЖНЫХ ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ.....21

В.С. Савенка, О.А. Троицкий

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПЛАСТИФИКАЦИИ МЕТАЛЛА
В СКРЕЩЕННЫХ ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫХ ПОЛЯХ.....25

А.А. Фирсов, В.В. Шенелевич

ПОПЕРЕЧНО-ПОЛЯРИЗОВАННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СВЕТОВЫХ
ВОЛН В КУБИЧЕСКИХ ФОТОРЕФРАКТИВНЫХ ПЬЕЗОКРИСТАЛЛАХ.....28

ГЕАГРАФІЯ

В.А. Горкунов

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ МИКРОСТРУКТУРА СКЛОНА КАК ИСХОДНАЯ
ЕДИНИЦА ПОЧВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СИСТЕМ.....33

ФІЛАЛОГІЯ

С.М. Антонова

ГЛАГОЛЫ ГОВОРЕНИЯ КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЫ МИРА.....39



<i>Н.А. Барысенка</i> УСТАРЭЛЫЯ НАЗВЫ ПАДАТКАЎ У БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЧНАЙ ПРОЗЕ 80-90-х ГАДОЎ XX СТАГОДДЗЯ.....	50
<i>А.А. Валасенка</i> ЛЕКСІКА-ГРАМАТЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ САСТАЎНЫХ ВЫТВОРЧА- ПРАМЫСЛОВЫХ ТАПОНІМАЎ БЕЛАРУСІ.....	53
<i>А.В. Ваньковіч</i> “І СВЕТА ПІД ВЯСЁЛКАЙ ШЧАСЛІВАЙ...”: КОЛЕРАВАЯ ПАЛІТРА ПАЭЗІІ У. ВЕРАМЕЙЧЫКА.....	58
<i>М.А. Карлова, В.В. Кузьмич</i> ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ КАК ИНТЕРТЕКСТ.....	64
<i>Н.В. Сігай</i> КОМУНІКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ-НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.....	72
<i>А.В. Солахай</i> ПРЫСЛОЎІ-НАВАТВОРЫ Ё СУЧАСНЫМ БЕЛАРУСКІМ ПАЭТЫЧНЫМ МАЎЛЕННІ.....	78
<i>Л.В. Цалко</i> КРЫНІЦЫ ПУШКІНСКІХ МЕТАФАР.....	84
<i>В.В. Шур</i> ЭТЫМАЛАГІЗАЦЫЯ ОНІМАЎ ЯК МАСТАЦКІ ПРЫЁМ У ТВОРАХ БЕЛАРУСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ.....	90
<i>В.К. Шынкарэнка</i> НАРОДНА-ЛЕГЕНДАРНАЕ І МІФАЛАГІЧНАЕ Ё ТВОРЧАЙ СІСТЭМЕ У. КАРАТКЕВІЧА.....	95
ПЕДАГОГІКА І ПСІХАЛОГІЯ	
<i>А.Л. Голозубов</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ КОМПЬЮТЕРОВ В РАСЧЕТАХ КУРСОВОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПО ТЕХНИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ.....	101
<i>И.И. Капальгина</i> ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ.....	105
<i>И.Н. Крапевич</i> ОСНОВАНИЯ ГЕОМЕТРИИ: ОДИН ИЗ ПОДХОДОВ К ИЗЛОЖЕНИЮ.....	110
<i>И.М. Масло, Н.А. Заяц</i> МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ НОРМ ФИЗИЧЕСКОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ.....	113
<i>Э.М. Молчан</i> ДИАЛЕКТИКА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ.....	117
<i>В.П. Рева</i> КАТЕГОРИЯ КУЛЬТУРЫ МУЗЫКАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ ПЕДАГОГИКИ ИСКУССТВА.....	120
<i>В.Т. Чепиков</i> СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ.....	125
ПЕРСАНАЛП	131
ХРОНІКА	134
БІБЛІЯГРАФІЯ	137
РЭФЕРАТЫ	140
АЎТАРЫ НУМАРА	145

МАТЭМАТЫКА

УДК 51

*Л.А. Иваненко***КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ
ВНЕАУДИТОРНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ
ПО МАТЕМАТИКЕ**

Самостоятельная работа в вузовской дидактике трактуется как одна из ведущих форм обучения, помогающая развивать познавательную самостоятельность студентов. В соответствии с новыми образовательными стандартами на самостоятельную работу по математике для студентов специальностей «Технология» и «Профессиональное обучение» отводится от 28% до 45% часов от общего времени, выделяемого на изучение курса [1, 2]. При таком значительном объеме часов нет единого подхода к содержанию учебных пособий, дидактических и методических материалов, ориентированных на организацию самостоятельной работы, в том числе на основе современных образовательных технологий.

В научных исследованиях в основном разрабатываются подходы применительно к её аудиторной форме, организуемой в присутствии преподавателя. Однако внеаудиторная самостоятельная учебная деятельность студентов, являясь органическим продолжением аудиторной, правильно организованная и рационально спланированная, обеспечивает высокий уровень усвоения материала, служит средством активизации интеллектуальной деятельности, способствует развитию познавательных интересов, творческих способностей. «Проблемность ситуации самостоятельной работы студентов состоит в том, что вузовским коллективам необходимо найти и использовать новые способы и условия деятельности, которые отвечали бы как требованиям времени, так и потребностям студентов», считает В.А. Козаков [3, 29].

Она должна быть организована и реализована в учебно-воспитательном процессе как целостная система, проходящая через все этапы обучения, построенная с учетом дидактических требований к преподаванию математики (З.В. Лукашя [4]). Однако эта работа довольно трудоемка как при подготовке, так и при проведении.

Дифференциация студентов в зависимости от их индивидуальных особенностей и уровня овладения учебным материалом является одним из обязательных условий проведения самостоятельной работы. Это требует использования разноуровневых программ и учебников, разнообразного научно-методического обеспечения, направленного на организацию дифференцированного обучения. В настоящее время существует несколько учебных пособий, которые можно использовать во внеаудиторной самостоятельной работе. Однако в связи с введением новых образовательных стандартов содержание этих пособий не в полной мере соответствует предъявляемым к ним требованиям.

Усилиями ученых созданы условия и предпосылки для дальнейшего исследования проблемы повышения эффективности учебной деятельности студентов при организации внеаудиторной самостоятельной работы по математике. Пути её решения можно искать в использовании современных педагогических технологий, создание которых predetermined переменами в системе образования в рамках новой образовательной парадигмы [5].

С точки зрения И.А. Новик [6], теория и методика обучения математике – раздел педагогики, который в соответствии с целями обучения математики реализует содержание обучения этому предмету с использованием современных

образовательных технологий. В настоящее время в системе образования Республики Беларусь проводится работа по их комплексному внедрению во все сферы деятельности учебных заведений, о чем свидетельствуют диссертационные исследования последних лет. В перспективе новые информационные образовательные технологии (НИОТ) в учебном процессе предполагают реализацию следующих особенностей [6]:

- вместо традиционных форм работы со студентами предполагается разработка компьютерного учебного комплекса;
- компьютеризация всего набора дисциплин учебного плана;
- НИОТ станут основной частью системы дистанционного обучения.

Использование компьютерных технологий в учебном процессе позволяет выявить реальный уровень знаний студентов и на его основе осуществлять индивидуализацию процесса обучения за счет адаптации учебного материала по уровню сложности, темпу предъявления информации. Их применение позволяет осуществлять управление самостоятельной познавательной деятельностью студентов; контроль учебной деятельности с обратной связью, диагностикой ошибок; самоконтроль и самокоррекцию деятельности обучающихся; регистрацию и анализ показателей процесса усвоения материала как группы в целом, так и каждого; выполнять трудоемкие вычислительные работы, визуализировать и графически интерпретировать исследуемые закономерности.

Разработанная нами методика организации внеаудиторной самостоятельной работы по математике основана на использовании компьютерных технологий как средства обучения. При её создании было учтено следующее:

- внеаудиторная самостоятельная работа должна быть организована в качестве целостной системы, преподаватель в процессе планирования, организации, управления и связи со студентами должен обеспечить согласованность и целенаправленность всех этапов обучения;
- содержание электронных учебных и методических материалов должно позволять дифференцировать студентов в зависимости от уровня овладения учебным материалом и индивидуальных особенностей, быть ориентировано на требования образовательных стандартов;
- главная цель системы – формирование самостоятельности студентов; на это должно быть ориентировано как управление учебной деятельностью, так и самоуправление студентов;
- система контроля должна выявлять и оценивать знания в течение короткого времени в максимально полном объеме.

Для реализации данной методики нами разработан набор учебно-методических компьютерных программ, объединенных в автоматизированную обучающую систему (АОС) с единым интерфейсом пользователя.

Она включает взаимосвязанные блоки: сведения о предмете учебной деятельности, её основных этапах; обучающие программы; контрольные задания; систему методической помощи; сведения о работе каждого студента.

Для формирования интереса, положительного отношения к учению, побуждения к активной познавательной деятельности в АОС включены не только предметные и учебные знания и умения, но и сведения о самой познавательной деятельности, а именно:

- описание цели деятельности;
- описание предмета деятельности;
- предписания по выполнению нормативных требований к предполагаемому продукту действий;
- описание условий деятельности - предписания по использованию АОС;

- рекомендации по сокращению непроизводительных затрат – действий, которые не совпадают с целью конкретного задания.

Для осознания цели учебной деятельности, способов и средств её достижения АОС сообщает студентам о том, чему они должны научиться; ставит цель работы с программой; поясняет, как её достигнуть; предлагает иерархию задач; предписывает определенную учебную деятельность; указывает эталоны ожидаемых решений для сравнения с результатом и исправления возможных ошибок.

Обучающие программы содержат: *основные теоретические сведения (электронные варианты лекций); решение типовых задач; задания для самоконтроля и ответы к ним.* Теоретический материал по теме представлен дифференцированно, в зависимости от уровня сложности. Первый уровень предназначен для наименее подготовленных студентов. Учебный материал содержит основные теоретические сведения. Он излагается подробно, с большим количеством разъяснений и примеров. Обучающие программы второго уровня являются электронным вариантом лекций. Объем учебного материала определяется образовательным стандартом для специальности. Третий уровень обучающих программ наиболее трудный, предназначенный для самых подготовленных студентов. Теоретический материал содержит кроме обязательных еще и дополнительные сведения, не входящие в учебную программу. При иерархии учебных задач, предлагаемых для усвоения учебного материала, предусмотрено постепенное повышение степени их сложности. В качестве образцов решения рассматриваются задания как репродуктивного типа, так и продуктивного, а также творческого. При таком изложении материала обеспечивается индивидуализация обучения математике; создается положительная мотивация; активизируется мышление; устраняются перегрузки.

Обучающая часть системы предусматривает проверку качества усвоения знаний за счет заданий для самоконтроля. Предлагаемые здесь задания отражают систему требований, предъявляемых к знаниям, умениям и навыкам, которые студенты должны приобрести. Результаты их выполнения фиксируются в базу данных студента, но не оказывают влияния на итоговую оценку.

Эффективность внеаудиторной самостоятельной работы студентов по математике зависит от качества контроля за её выполнением со стороны преподавателя. Часть системы, предназначенная для контроля учебной деятельности, состоит из: *заданий «входного контроля»*, с помощью которых можно выявить, владеет ли студент учебным материалом, составляющим стартовый уровень для работы по программе, оптимальный для него уровень сложности, а также определяют, действительно ли он не владеет теми навыками и умениями, формирование которых входит в цель применения программы; *тестовых заданий*, которые служат для оперативного выявления и оценки знаний, получения в течение короткого времени представления о пробелах в них, а также помогают организовать работу по их предупреждению; *текстов индивидуальных домашних заданий (ИДЗ) и аудиторных контрольных работ.*

Самостоятельная работа, организованная с помощью АОС основана на контроле преподавателя и самоконтроле студента. Самоконтроль реализуется с помощью системы методической помощи, причем степень самостоятельности студентов в зависимости от уровня сложности увеличивается, а результаты работы оцениваются как системой, так и преподавателем.

Система методической помощи включает: *справочный материал, учебный материал, предлагаемый АОС при затруднениях или неверном ответе, справочник основных математических формул.* Обучающие программы, тестовые задания, ИДЗ, система методической помощи представлены в трех уровнях сложности, что позволяет проверять знания, умения и навыки на разных уровнях дифференциации.

При появлении ошибок в решении учебных задач предусмотрены различные способы их коррекции. Студент может воспользоваться специально разработанной системой методической помощи, содержащей несколько вариантов, начиная от предоставления ориентировочной основы действия и заканчивая подробным решением вызвавшего затруднение задания, использовать справочный материал или перейти к заданиям более низкого уровня сложности. Выбор вида методической помощи, так же, как и уровень сложности выбранной программы, оказывает влияние на итоговую оценку работы студента.

Использование АОС для организации внеаудиторной самостоятельной работы по математике студентов специальностей «Технология» и «Профессиональное обучение» позволило учесть наиболее значимые факторы, влияющие на эффективность обучения за счет:

- создания положительной мотивации, системы ориентиров, возможности АОС взять на себя функции дополнительных разъяснений и помочь довести решение учебной задачи до конца;
- учета результатов предыдущего этапа обучения, уровня учебной и общей подготовки, потенциальных возможностей студента, сложности учебного материала, времени восприятия и закрепления знаний;
- дифференцируемости объема учебной деятельности, регулярности и систематичности выполнения учебных заданий, сочетания управления самостоятельной работой со стороны преподавателя и самоуправления со стороны студента;
- регулярности и систематичности выполнения домашних заданий; периодичности контроля, интенсивности обратных связей в обучении, обоснованности корректирующих воздействий.

Литература

1. Образовательный стандарт. Высшее образование. Специальность П.03.02.00 Трудовое обучение. – Мн.: М-во образования РБ, 1998.– 40 с.
2. Образовательный стандарт. Высшее образование. Специальность П.02.04.00 Изобразительное искусство и черчение с дополнительной специальностью П.02.04.04 Трудовое обучение. – Мн.: М-во образования РБ, 1998.– 52 с.
3. Козаков В.А. Самостоятельная работа студентов и её информационно-методическое обеспечение: Учебное пособие. – Киев: Выш. школа, 1990. – 248 с.
4. Лукашя З.В. Модульное построение курсов дисциплин – основа дифференциации трудового обучения // Тэхналагічная адукацыя.- Адукацыя і выхаванне.– 1996.– № 2.– С. 33–51.
5. Пальчевский Б.В., Фридман С.Л. Концепция учебно-методического комплекса / Мин-во образования Республики Беларусь. Ин-т повышения квалификации. – Минск, 1993. – 50 с.

Summary

The problem of increasing of educational activity's efficiency at organization of student's independent work on mathematics is considered. Use of information technologies is offered as one of possible ways of its decision.

Поступила в редакцию 19.05.03.

**О РАСПРОСТРАНЕНИИ СВОЙСТВА
ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ, ПРИНАДЛЕЖАЩЕЙ КЛАССУ L,
НА МНОГОМЕРНЫЙ СЛУЧАЙ**

При оценке аппроксимаций распределений сумм случайных величин, в частности, зависимых (см. [1, 2]), распределениями из класса L часто используется теорема о свойстве характеристической функции (х.ф.) случайных величин, принадлежащей к этому классу: х.ф. $\varphi(t)$ принадлежит классу L тогда и только тогда, когда для любого S , $0 < s < 1$, отношение $\frac{\varphi(t)}{\varphi(st)}$ есть х.ф. (см., напр., [3-6]).

Может возникнуть необходимость в подобном свойстве и в случае многомерных распределений.

В данной работе доказывается, что указанное свойство выполняется и в многомерном случае.

Пусть $\{\xi_n\}_{n=1}^{\infty}$ – последовательность независимых случайных векторов, $\xi_n = (\xi_n^{(1)}, \xi_n^{(2)}, \dots, \xi_n^{(d)})$, $\{\alpha_n\}_{n=1}^{\infty}$ – последовательность положительных постоянных, $\{b_n\}_{n=1}^{\infty}$ – последовательность фиксированных векторов, $b_n = (b_n^{(1)}, b_n^{(2)}, \dots, b_n^{(d)})$, $t = (t_1, \dots, t_d)$, (t, \bullet) – скалярное произведение.

Как и в одномерном случае, классом L называется множество всех распределений, предельных для распределений сумм вида

$$S_n = \frac{1}{\alpha_n} \sum_{k=1}^n \xi_k - b_n, \quad (1)$$

где на слагаемые наложено условие равномерной бесконечной малости: для любого фиксированного $\varepsilon > 0$

$$\max_k P(|\xi_k| \geq \varepsilon \alpha_n) \rightarrow 0. \quad (2)$$

Как известно, если суммы равномерно бесконечно малых независимых случайных векторов имеют предельное распределение, то оно необходимо является безгранично делимым (см. [7]), т.е. его х.ф. является безгранично делимой. Х.ф. $\varphi(t)$ называется безгранично делимой, если для любого n существует х.ф. $f_n(t)$

такая, что $\varphi(t) = (f_n(t))^n$.

Лемма 1. Если $\varphi(t)$ – х.ф., заданная в R^d , то $|\varphi(t)|^2$ – также х.ф. в R^d .

Доказательство. Пусть $\zeta = \xi - \eta$, где ξ и η – независимые одинаково распределенные случайные вектора. Тогда

$$\begin{aligned} \varphi_{\zeta}(t) &= Me^{i(t,(\xi-\eta))} = Me^{i(t,\xi)} Me^{-i(t,\eta)} = \\ &= \int_{R^d} (\cos(t,x) + i\sin(t,x)) dF_{\xi}(x) \times \int_{R^d} (\cos(t,x) - i\sin(t,x)) dF_{\eta}(x) = |\varphi(t)|^2 \end{aligned}$$

Терема 1. *Безгранично делимая х.ф., заданная в R^d , нигде не обращается в нуль.*

Доказательство. Действительно, если $\varphi(t)$ безгранично делимая, то существует х.ф. $f_n(t)$ такая, что $\varphi(t) = (f_n(t))^n$. Следовательно,

$$|f_n(t)|^2 = |\varphi(t)|^{\frac{2}{n}} \rightarrow \begin{cases} 1, & \varphi(t) \neq 0, \\ 0, & \varphi(t) = 0 \end{cases} = g(t).$$

Х.ф. непрерывна при всех t и $\varphi(0) = 1$. Поэтому существует такое число a , что при $|t| \leq a$ $\varphi(t) \neq 0$, т.е. в области $|t| \leq a$ $g(t) = 1$, откуда следует, что $g(t)$ непрерывна при $t = \bar{0}$. Т.к. $|f_n(t)|^2$ – х.ф. согласно лемме 1, то $g(t)$ является пределом последовательности х.ф. Т.к. она непрерывна при $t = \bar{0}$, то, на основании теоремы непрерывности для многомерных распределений (см., напр., [8], с. 72), $g(t)$ – х.ф., поэтому она непрерывна при всех t . Следовательно, $\forall t$ $g(t) = 1$, т.е. $\varphi(t) \neq 0$ при всех t , что и требовалось доказать.

Лемма 2. *Для того чтобы распределения сумм (1) сходились к невырожденному распределению, необходимо чтобы при $n \rightarrow \infty$*

$$\alpha_n \rightarrow \infty, \quad (3)$$

$$\frac{\alpha_{n+1}}{\alpha_n} \rightarrow 1. \quad (4)$$

Доказательство аналогичной леммы для сумм независимых случайных величин (см., напр., [4, 5]) касается только последовательностей чисел, а аргументы функций распределения играют в доказательстве лишь формальную роль. Поэтому лемма очевидным образом может быть распространена и на суммы случайных векторов.

Теорема 2. *Характеристическая функция $\varphi(t)$ в R^d принадлежит классу L тогда и только тогда, когда для любого постоянного s , $0 < s < 1$, отношение*

$$\frac{\varphi(t)}{\varphi(st)}$$

есть х.ф.

Доказательство.

1) Необходимость. Сумму S_n представим в виде

$$S_n = \frac{\alpha_m}{\alpha_n} S_m + \frac{\alpha_m}{\alpha_n} b_m + \frac{1}{\alpha_n} \sum_{k=m+1}^n \xi_k - b_n, \text{ где } m < n.$$

Введем обозначения:

$$S_{(m,n)} = \frac{1}{\alpha_n} \sum_{k=m+1}^n \xi_k - b_n + \frac{\alpha_m}{\alpha_n} b_m.$$

Тогда

$$S_n = \frac{\alpha_m}{\alpha_n} S_m + S_{(m,n)}.$$

Пусть m и n стремятся к бесконечности так, что $\frac{\alpha_m}{\alpha_n} \rightarrow s < 1$. Этого можно добиться в силу условий (3-4).

Т.к. суммы S_m и $S_{(m,n)}$ независимы, то, согласно свойствам х.ф. (см., напр., [6, 9]),

$$\varphi_n(t) = \varphi_m\left(\frac{\alpha_m}{\alpha_n} t\right) \varphi_{(m,n)}(t).$$

Переходя к пределу, получим

$$\varphi(t) = \varphi(st) \lim_{\substack{n \rightarrow \infty \\ m \rightarrow \infty}} \varphi_{(m,n)}(t).$$

Здесь $\forall t \varphi(st) \neq 0$, т.к. $\varphi(t)$ – безгранично делимая функция, и, согласно теореме 1, $\forall t \varphi(t) \neq 0$. Следовательно,

$$\lim_{\substack{n \rightarrow \infty \\ m \rightarrow \infty}} \varphi_{(m,n)}(t) = \frac{\varphi(t)}{\varphi(st)},$$

т.е. последовательность х.ф. $\varphi_{(m,n)}(t)$ имеет своим пределом отношение $\frac{\varphi(t)}{\varphi(st)}$,

причем функция $\frac{\varphi(t)}{\varphi(st)}$ непрерывна при $t = \bar{0}$. На основании теоремы

непрерывности $\frac{\varphi(t)}{\varphi(st)}$ является х.ф. – необходимость доказана.

2) Достаточность. Т.к. $\forall t \varphi(t) \neq 0$, то допустимо представление:

$$\varphi(nt) = \frac{\varphi(t) \varphi(2t) \varphi(3t)}{1 \varphi(t) \varphi(2t)} \cdots \frac{\varphi(nt)}{\varphi((n-1)t)}.$$

Благодаря замене $t = \frac{\lambda}{k}$, видно, что $\forall k$ отношение $\frac{\varphi(kt)}{\varphi((k-1)t)} = \frac{\varphi(\lambda)}{\varphi(\frac{k-1}{k}\lambda)}$ есть х.ф. согласно предположению теоремы.

Следовательно, $\varphi(nt) = \prod_{k=1}^n \frac{\varphi(kt)}{\varphi((k-1)t)}$, где отношение $\frac{\varphi(kt)}{\varphi((k-1)t)}$ есть х.ф. некоторого вектора ζ_k , а $\varphi(nt)$ по свойствам х.ф. является х.ф. суммы

$S_n^* = \sum_{k=1}^n \zeta_k$ независимых случайных векторов. Тогда функция $\varphi(t)$ есть х.ф.

суммы $S_n = \frac{1}{n} \sum_{k=1}^n \zeta_k$ независимых нормированных случайных векторов ζ_k / n .

В силу произвольности числа n , $\varphi(t)$ есть х.ф., предельная для распределений сумм независимых нормированных случайных векторов. Т.е. $\varphi(t)$ принадлежит классу L по определению, что доказывает теорему.

Литература

1. Юдин М.Д. *К аппроксимации распределений сумм m -зависимых случайных величин распределениями из класса L* // Изд-во вузов, Математика. – 1989, № 10. – С. 87-89.
2. Юдин М.Д. *Об аппроксимации распределений сумм зависимых случайных величин распределениями из класса L* // Весці АН БССР. Сер. фіз.-мат. навук. – 1991, № 1. – С. 35-41.
3. Юдин М.Д. *Сходимость распределений сумм случайных величин*. – Мн.: изд-во «Университетское», 1990. – 254 с.
4. Гнеденко Б.В., Колмогоров А.Н. *Предельные распределения для сумм независимых случайных величин*. М.: ГИТТЛ, 1949. – 264 с.
5. Петров В.В. *Предельные теоремы для сумм независимых случайных величин*. М.: Наука, 1987. – 320 с.
6. Феллер В. *Введение в теорию вероятностей и ее приложения*. В 2-х томах. Том 2. – М.: Мир, 1984. – 738 с.
7. *Справочник по теории вероятностей и математической статистике* / В.С. Королук, Н.И. Петренко, А.В. Скороход, А.Ф. Турбин. – М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1985. – 640 с.
8. Билингсли П. *Сходимость вероятностных мер*. – М.: Наука, 1977. – 352 с.
9. Ширяев А.Н. *Вероятность*. – М.: Наука, 1980. – 414 с.

Summary

A theorem about characteristic functions that belong to L-class is considered.

Поступила в редакцию 23.10.02.

УДК 517.917

В.В. Шкут

КАЧЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОДНОЙ АВТОНОМНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ВТОРОГО ПОРЯДКА¹

Пусть для системы

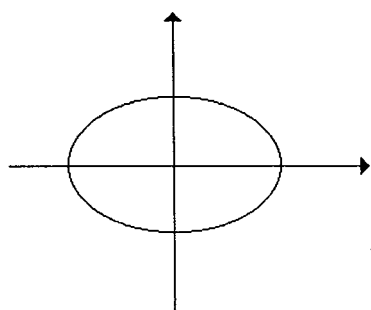
$$\frac{dx}{dt} = \sum_{i+j=1}^3 a_{ij}x^i y^j, \quad \frac{dy}{dt} = \sum_{i+j=1}^3 b_{ij}x^i y^j, \quad (1)$$

где $a_{ij}, b_{ij} \in R$, алгебраическая кривая

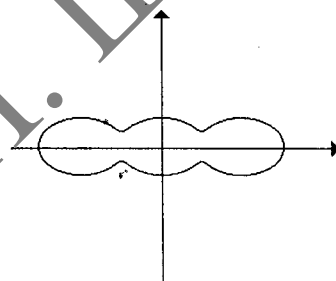
$$\omega(x, y) \equiv y^2 + (x^3 + px)^2 - q^2 = 0, \quad p \cdot q \neq 0 \quad (2)$$

является частным интегралом.

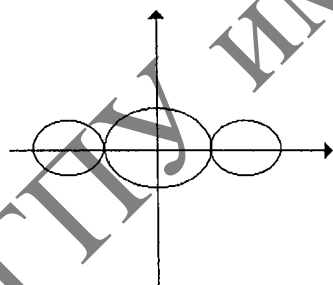
При различных соотношениях между коэффициентами p и q кривая (2) имеет вид, показанный на рисунках:



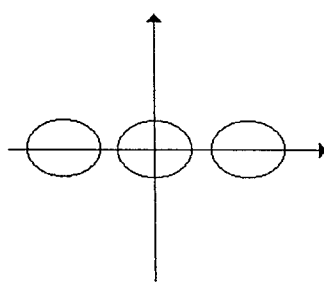
$$p < 0,$$



$$p > 0, \quad 4p^3 + 27q^2 > 0$$



$$4p^3 + 27q^2 = 0$$



$$4p^3 + 27q^2 < 0$$

Теорема. Для того чтобы кривая (2) была частным интегралом системы (1), необходимо и достаточно, чтобы система (1) имела вид:

¹ Работа выполнена при поддержке республиканской межвузовской программы фундаментальных исследований «Анализ и динамические системы», задание № 4.6.

$$\left. \begin{aligned} \frac{dx}{dt} &= 2py + 3x^2y \equiv P(x, y), \\ \frac{dy}{dt} &= -(2p^3 + 9q^2)x - 2p^2x^3 + 9xy^2 \equiv Q(x, y) \end{aligned} \right\} \quad (3)$$

Теорема доказывается с использованием метода, предложенного в [1].

Замечание 1. Если $p=0$, то $x=0$ – особая линия для системы (3). Считаем далее, что $p \neq 0$.

Замечание 2. Поле направлений системы (3) симметрично относительно обеих осей координат.

Замечание 3. Для уравнения траекторий системы (3) находится общий интеграл в виде $\omega_1(x, y) = C\omega_2^3(x, y)$, где $\omega_1(x, y) = 27y^2 - 9p^2x^2 - (8p^3 + 27q^2)$, $\omega_2(x, y) = 3x^2 + 2p$.

Легко проверить, что кривые $\omega_1(x, y) = 0$ и $\omega_2(x, y) = 0$ – частные интегралы системы (3).

Найдем возможные особые точки системы (3) в конечной части плоскости. Для этого приравниваем правые части системы (3) к нулю и решаем систему

$$\left. \begin{aligned} y(2p + 3x^2) &= 0, \\ x(-2p^3 - 9q^2 - 2p^2x^2 + 9y^2) &= 0 \end{aligned} \right\}$$

В результате получаем возможные особые точки системы (3) с координатами:

$$x_1 = 0, y_1 = 0; \quad (4)$$

$$x_{2,3} = \pm \frac{1}{p} \sqrt{\frac{2p^3 + 9q^2}{2}}, y_{2,3} = 0; \quad (5)$$

$$x_{4,5} = \pm \sqrt{\frac{2p}{3}}; y_{4,5} = \pm \sqrt{\frac{2p^3 + 27q^2}{27}}. \quad (6)$$

Числа $x_{4,5}$ и $y_{4,5}$ определяют координаты четырех особых точек:

$$(x_4, y_4), (x_5, y_5), (x_4, y_5), (x_5, y_4).$$

Соответствующие найденным особым точкам характеристические числа такие:

$$\lambda_{1,2} = \pm \sqrt{-2p(2p^3 + 9q^2)} \quad (4')$$

$$\lambda_{1,2} = \pm \sqrt{-2(2p^3 + 9q^2)(2p^3 + 27q^2)}; \quad (5')$$

$$\lambda_1 = \pm \frac{2}{3} \sqrt{-2p(2p^3 + 27q^2)}, \lambda_2 = \pm 2 \sqrt{-2p(2p^3 + 27q^2)}. \quad (6')$$

В выражениях для характеристических чисел (6') знак "+" соответствует точкам (6) в 1^й и 3^й четвертях, а знак "-" точкам (6) во 2^й и 4^й четвертях.

Находим особые точки системы (3) в бесконечной части плоскости. Для этого к системе (3) последовательно применяем преобразования Пуанкаре [2]:

$$x = \frac{1}{z}, y = \frac{u}{z} \text{ и } x = \frac{\vartheta}{z}, y = \frac{1}{z}, \frac{dt}{z^2} \rightarrow dt.$$

Получим системы:

$$\left. \begin{aligned} \frac{du}{dt} &= -2p^2 + 6u^2 - (2p^3 + 9q^2)z^2 - 2pu^2z^2, \\ \frac{dz}{dt} &= -3uz - 2puz^3, \end{aligned} \right\} (7)$$

и

$$\left. \begin{aligned} \frac{d\vartheta}{dt} &= -6\vartheta^2 + 2p\vartheta^2 + 2p^2\vartheta^4 + (2p^3 + 9q^2)\vartheta^2z^2, \\ \frac{dz}{dt} &= -9\vartheta z + 2p^2\vartheta^3z + (2p^3 + 9q^2)\vartheta z^3 \end{aligned} \right\} (8)$$

Полагая в правых частях системы (7) $z = 0$ и приравнявая их к нулю, получаем уравнение для определения координаты u особых точек $(u; 0)$:

$$3u^2 - p^2 = 0.$$

Получаем две особые точки $(\pm \frac{p}{\sqrt{3}}; 0)$ (9)

с характеристическими числами $\lambda_1 = \pm \frac{12p}{\sqrt{3}}$, $\lambda_2 = \mp \sqrt{3}p$.

Так как правые части системы (8) обращаются в нуль при $\vartheta = z = 0$, то «концы» оси OY являются особой точкой системы (3). Замечаем, что в системе (8) отсутствуют линейные члены.

Выясним характер особых точек системы (3) по их характеристическим числам при различных соотношениях между коэффициентами p и q . Сразу замечаем, что точки (9) – четырехсепаратрисные седла во всех случаях.

I. Пусть $4p^3 + 27q^2 > 0$.

1) Если $-\sqrt[3]{\frac{9q^2}{2}} < p < 0$, то точка (4) – четырехсепаратрисное седло, точки (6) – узлы, «концы» оси OY имеют индекс 0.

2) Если $2p^3 + 9q^2 = 0$, то система (3) запишется в виде

$$\frac{dx}{dt} = 2py + 3x^2y, \quad \frac{dy}{dt} = -2p^2x^3 + 9xy^2.$$

Сделав замену времени $2pdt \rightarrow dt$, получим систему

$$\frac{dx}{dt} = y + \frac{3}{2p}x^2y \equiv y + \xi(x, y), \quad \frac{dy}{dt} = px^3 + \frac{9}{2p}xy^2 \equiv \eta(x, y).$$

Точка (4) имеет характеристические числа $\lambda_{1,2} = 0$. Для уравнения $y + \xi(x, y) = 0$ очевидным решением будет $y \equiv 0$. Тогда

$$f(x) \equiv \eta(x, 0) = -px^3 = ax^\alpha \text{ и } g(x) = \xi'_x(x, 0) + \eta'_y(x, 0) \equiv 0.$$

Видим, что $a = -p > 0$ и $\alpha = 3$ нечетное. Следовательно [3, с.128], точка (4) – четырехсепаратрисное седло. Кроме этого, точки (6) – узлы, и «концы» оси ОУ имеют индекс 0.

3) Если $-3\sqrt[3]{\frac{q^2}{4}} < p < -\sqrt[3]{\frac{9q^2}{2}}$, то точка (4) – центр, точки (5) –

четырёхсепаратрисные седла, точки (6) – узлы и «концы» оси ОУ имеют индекс 0.

4) Если $p > 0$, то точка (4) – центр, «концы» оси ОУ имеют индекс 2.

II. Пусть $4p^3 + 27q^2 = 0$.

Система (3) запишется так:

$$\frac{dx}{dt} = 2py + 9x^2y, \quad \frac{dy}{dt} = -\frac{2p^3}{3}x - 2p^2x^3 + 9xy^2. \quad (10)$$

Для системы (10) точка (4) – центр, точки (5) – четырехсепаратрисные седла, точки (6) – узлы, «концы» оси ОУ имеют индекс 0.

III. Пусть $4p^3 + 27q^2 < 0$.

1) Если $-3\sqrt[3]{\frac{q^2}{2}} < p < -3\sqrt[3]{\frac{q^2}{4}}$, то точка (4) – центр, точки (5) –

четырёхсепаратрисные седла, точки (6) – узлы, «концы» оси ОУ имеют индекс 0.

2) Если $p = -3\sqrt[3]{\frac{q^2}{2}}$, то система (3) примет вид:

$$\left. \begin{aligned} \frac{dx}{dt} &= 2py + 3x^2y, \\ \frac{dy}{dt} &= -\frac{4p^3}{3}x - 2p^2x^3 + 9xy^2 \end{aligned} \right\} \quad (11)$$

Для этой системы точка (4) является центром, а точки (5) имеют характеристические числа $\lambda_{1,2} = 0$. Исследуем эти точки. Для этого перенесем начало координат в точки (5) и сделаем в системе (11) замены

$$x \rightarrow x \pm \sqrt{-\frac{2p}{3}}, \quad y \rightarrow y, \quad \frac{8p}{3}dt \rightarrow dt.$$

Получим системы

$$\left. \begin{aligned} \frac{dx}{dt} &= \pm \frac{9}{4p^3} \sqrt{-\frac{2p}{3}} xy + \frac{9}{8p^3} x^2 y \equiv \eta(x, y), \\ \frac{dy}{dt} &= x \mp \frac{9}{4p} \sqrt{-\frac{2p}{3}} x^2 \pm \frac{27}{8p^3} \sqrt{-\frac{2p}{3}} y^2 - \frac{3}{4p} x^3 + \frac{27}{8p^3} xy^2 \equiv x + \xi(x, y) \end{aligned} \right\} \quad (12)$$

Находим решение уравнения $x + \xi(x, y) = 0$ в виде $x = \alpha_2 y^2 + \dots \equiv \varphi(y)$.

$$\text{Получим } x = \mp \frac{27}{8p^3} \sqrt{-\frac{2p}{3}} y^2 + \dots \equiv \varphi(y).$$

Тогда

$$f(y) = \eta(\varphi(y), y) = \frac{81}{16p^5} y^3 + \dots \equiv ay^\alpha + \dots \text{ и}$$

$$g(y) = \xi'_y(\varphi(y), y) + \eta'_x(\varphi(y), y) = \pm \frac{9}{p^3} \sqrt{-\frac{2p}{3}} y + \dots \equiv by^\beta + \dots$$

Видим, что α, β – нечетные, причем $\alpha = 2\beta + 1$. Кроме этого, $-b^2 \leq 4a(\beta + 1) < 0$. Согласно [3], для системы (11) точки (5) являются особыми точками с одним гиперболическим, двумя параболическими и одним эллиптическим секторами Бендиксона. «Концы» оси OY имеют индекс 0.

3) Если $p < -3\sqrt[3]{\frac{q^2}{2}}$, то точки (4) и (5) – центры, «концы» оси OY имеют индекс 0.

По результатам исследования нетрудно построить качественные картины поведения траекторий системы (3) в круге Пуанкаре.

Литература

1. Еругин Н.П. Построение всего множества систем дифференциальных уравнений, имеющих заданную интегральную кривую // ПММ. – 1952. – Т.16. Вып. 6 – С. 650-670.
2. Андронов А.А., Витт А.А., Хайкин С.Э. Теория колебаний. – М: Наука, 1981. – 568 с.
3. Андреев А.Ф. Особые точки дифференциальных уравнений. – Минск: Выш.шк., 1979. – 136 с.

Summary

Qualitative research of cubic system of the second order having private integral as one algebraic curve of the sixth order is carried out.

Поступила в редакцию 29.11.02.

УДК 519.240

М.Д. Юдин

**ОБ АППРОКСИМАЦИИ РАСПРЕДЕЛЕНИЙ СУММ m -ЗАВИСИМЫХ
СЛУЧАЙНЫХ ВЕЛИЧИН С ОГРАНИЧЕННЫМИ ДИСПЕРСИЯМИ
В МЕТРИКЕ П. ЛЕВИ**

Рассматривается случай, когда сумма ковариаций случайных величин положительна. Известно (см., например, [1-4]), если предел суммы ковариаций случайных величин положителен, то он поставляет в предельное распределение их суммы нормальный компонент. Это обстоятельство позволяет более эффективно использовать неравенство Эссеена (см., например, [5] (стр. 616), [6] (стр. 137)).

1°. Пусть $\{X_{nq}\}_{q=1}^n$, $n = \overline{1, \infty}$ — система серий случайных величин,

определенных при каждом n на общем вероятностном пространстве, имеющих конечные дисперсии и равные нулю математические ожидания (м. о.): $MX_{nq}=0$, $q = \overline{1, n}$

и пусть $S_n = \sum_{q=1}^n X_{nq}$.

Сделаем разбиение суммы S_n по методу Бернштейна:

$$u_{ni} = \sum_{q=(i-1)m+(i-1)k+1}^{(i-1)m+ik} X_{nq},$$

$$v_{ni} = \sum_{q=(i-1)m+ik+1}^{im+ik} X_{nq}, \quad i = \overline{1, v}, \quad k = [n^\rho], \quad (1)$$

где $0 < \rho < 1/4$.

Положим: $S_{n1} = \sum_{i=1}^v u_{ni}$, $S_{n2} = \sum_{i=1}^v v_{ni}$. Тогда $S_n = S_{n1} + S_{n2}$ (можно

считать, что n кратно $k+m$ (см. [1], §1.10)).

Выпишем величины, вошедшие при разбиении (1) в S_{n1} , в порядке возрастания их индексов. Получим систему серий

$$\xi_{n1}, \xi_{n2}, \dots, \xi_{n\ell}, \quad \ell = vk, \quad n = \overline{1, \infty}. \quad (2)$$

Положим для системы (2)

$$K_n(x) = \sum_{s=1}^{\ell} M(\xi_{ns}^2; \xi_{ns} \leq x),$$

$$a_n = \sum_{s \neq r} M \xi_{ns} \xi_{nr},$$

$$\psi_n(t) = \int_{-\infty}^{\infty} (e^{itx} - 1 - itx) \frac{1}{x^2} dK_n(x) - \frac{a_n t^2}{2}. \quad (3)$$

Согласно результатам, полученным при решении центральной предельной проблемы для сумм зависимых случайных величин [1-4], распределение, логарифм

характеристической функции (х.ф.) которого выражается по формуле (3), сыграет роль сопровождающего для распределения суммы S_n .

Обозначим через $F_n(x)$ функцию распределения (ф.р.), логарифм х.ф. которой выражается по формуле (3). Справедлива

Теорема 1. Пусть величины системы серий $\{X_{nq}\}_{q=1}^n, n = \overline{1, \infty}$

m -зависимы, найдутся постоянные H_1, H_2 и n_0 такие, что при $n \geq n_0$ $\alpha_n \geq \sigma^2 > 0$,

$$\max_q M X_{nq}^2 \leq \frac{H_1}{n}, \quad \max_{s,p,r} M |X_{ns} X_{np} X_{nr}| \leq \frac{H_2}{n^{3/2}},$$

где $0 < p-s \leq n^p, 0 \leq |p-r| \leq n^p$. Тогда при любом фиксированном $\varepsilon > 0$ и $n \geq n_0$ будет выполняться неравенство

$$F_n(x - \varepsilon - 0) - \frac{c_0}{n^{1/2-2p}} - \frac{H_1 m^2}{\varepsilon^2 n^p} \leq P\{S_n \leq x\} \leq F_n(x + \varepsilon + 0) + \frac{c_0}{n^{1/2-2p}} + \frac{H_1 m^2}{\varepsilon^2 n^p} \quad (4)$$

где c_0 -независимая от n постоянная.

2°. Прежде чем доказывать теорему 1, рассмотрим вспомогательную лемму.

Пусть B_{ns} - σ - алгебра, порожденная величиной ξ_{ns} . Положим для системы (2):

$$S_{n(s,p)} = \xi_{n(s+1)} + \dots + \xi_{np}, \quad S_{n(p,p)} \equiv 0 \pmod{P},$$

$$f_{ns}(t, B_{ns}) = \frac{M(\exp it S_{n(s,\ell)} / B_{ns})}{M(\exp it S_{n(s,\ell)})}, \quad (5)$$

$$\alpha_n(t) = \sum_s M(\xi_{ns} f_{ns}(t, B_{ns})),$$

$$\gamma_n(t, x) = \sum_s M(\xi_{ns} f_{ns}(t, B_{ns}); \xi_{ns} \leq x),$$

$$\varphi_{ns}(t) = M(e^{i \xi_{ns}} f_{ns}(t, B_{ns})).$$

Очевидно, х.ф. суммы S_{n1}

$$\varphi_n(t) = \prod_{s=1}^{\ell} \varphi_{ns}(t),$$

$$\varphi_{ns}(t) = \frac{M(\exp it S_{n(s-1,\ell)})}{M(\exp it S_{n(s,\ell)})}. \quad (6)$$

В [1] (стр.53) показано, что если, $q_n(t) = \ln \varphi_n(t)$ и $|\varphi_{ns} - 1| < 1$, то

$$q_n(t) = \int_{-\infty}^{\infty} (e^{itx} - 1 - itx) \frac{1}{x^2} d_x \gamma_n(t, x) + it \alpha_n(t) + \sum_{s=1}^{\ell} \sum_{r=2}^{\infty} \frac{(-1)^{r-1}}{r} (\varphi_{ns} - 1)^r.$$

Лемма 1. Пусть величины системы серий $\{X_{nq}\}$ m -зависимы, найдутся постоянные H_1, H_2 и n_0 такие, что при $n \geq n_0$

$$\max_s M \xi_{nq}^2 \leq \frac{H_1}{n}, \quad \max_{s,p,r} M |\xi_{ns} \xi_{np} \xi_{nq}| \leq \frac{H_2}{n^{3/2}} \quad (7)$$

где $0 < p-s \leq n^p$, $0 \leq |p-q| \leq n^p$. Тогда при $|t| \leq An^{1/2-2p}$, где при $A^2 \leq \frac{1}{4H_1}$ и $n \geq n_0$

будет выполняться неравенство

$$\sup_t |q_n(t) - \psi_n(t)| \leq \frac{C|t|^3}{n^{1/2-2p}}, \quad (8)$$

где $C \leq H_1^{3/2} + 2H_2 + 6H_1^2 A$.

Доказательство. В силу m -зависимости в разбиении (1) части u_m независимы. Поэтому в функциях (5) и (6) можно делать сокращения, в результате чего получим

$$f_{ns}(t, B_{ns}) = \frac{M(\exp it S_{n(s,p)} / B_{ns})}{M(\exp it S_{n(s,p)})}, \quad \text{где } p=p(s)\text{-индекс последней величины } \xi_{np}$$

той части u_{ni} , в которую вошла величина ξ_{ns} .

Из разбиения (1) и (7) следует, что

$$\begin{aligned} \sum_s M \xi_{ns}^2 |S_{n(s,p)}| &\leq \frac{H_2 \sqrt{k}^2}{n^{3/2}}, \\ \sum_s M |\xi_{ns}| S_{n(s,p)}^2 &\leq \frac{H_2 \sqrt{k}^3}{n^{3/2}}, \\ |M(\exp it S_{n(s,p)})| &\geq 1 - \frac{H_1 k^2 t^2}{2n}. \end{aligned} \quad (9)$$

Оценим $|q_n(t) - \psi_n(t)|$. При $|t| \leq An^{1/2-p}$, где $A^2 < \frac{1}{H_1}$, из (9)

следует $|M(\exp it S_{n(s,p)})| \geq \frac{1}{2}$. Имея в виду, что $|e^{itx} - 1 - itx| \leq \frac{t^2 x^2}{2}$,

получаем

$$\begin{aligned} \left| \int_{-\infty}^{\infty} (e^{itx} - 1 - itx) \frac{1}{x^2} (d_x \gamma_n(t, x) - dK_n(x)) \right| &\leq \frac{t^2}{2} \sum_s M (\xi_{ns}^2 |f_{ns}(t, B_{ns}) - 1|) \leq \\ &\leq |t|^3 \sum_s (M \xi_{ns}^2 |S_{n(s,p)}| + M \xi_{ns}^2 M |S_{n(s,p)}|) \leq \frac{(H_2 + H_1^{3/2}) \sqrt{k}^2 |t|^3}{n^{3/2}} \leq \frac{(H_2 + H_1^{3/2}) |t|^3}{n^{1/2-p}}. \end{aligned} \quad (10)$$

Далее, пользуясь (7), находим при $|t| \leq An^{1/2-2p}$

$$\begin{aligned}
 \left| it\alpha_n(t) + \frac{a_n t^2}{2} \right| &= \left| it \sum_s M(\xi_{ns} f_{ns}(t, B_{ns})) + t^2 \sum_s M \xi_{ns} S_{n(s,p)} \right| \leq \\
 &\leq 2t^2 \sum_s M |\xi_{ns} S_{n(s,p)}| - M(\exp it S_{n(s,p)}) + |t|^3 \sum_s M |\xi_{ns}| S_{n(s,p)}^2 \leq \\
 &\leq \frac{2H_1^2 \nu k^4 t^4}{n^2} + \frac{H_2 \nu k^3 |t|^3}{n^{3/2}} \leq \frac{2H_1^2 A |t|^3}{n^{1/2-\rho}} + \frac{H_2 |t|^3}{n^{1/2-2\rho}}.
 \end{aligned} \tag{11}$$

Поскольку при $i = \overline{1, \nu}, k = [n^\rho], |t| \leq An^{1/2-2\rho}$, где $A^2 \leq \frac{1}{4H_1}$,

$$\begin{aligned}
 |\varphi_{ns}(t) - 1| &\leq \frac{2H_1 k^2 t^2}{n} \leq \frac{1}{2}, \text{ то} \\
 \left| \sum_{s=1}^{\ell} \sum_{r=2}^{\infty} \frac{(-1)^{r-1}}{r} (\varphi_{ns} - 1)^r \right| &\leq \frac{4H_1^2 A |t|^3}{n^{1/2-2\rho}}.
 \end{aligned} \tag{12}$$

Из неравенств (10), (11) и (12) следует (8). Лемма доказана.

3⁰. Приступим к доказательству теоремы 1. Используя неравенство (8), находим при $n \geq n_0$

$$\begin{aligned}
 |e^{g_n(t)} - e^{\psi_n(t)}| &\leq \exp\left(-\frac{\sigma^2 t^2}{2}\right) |e^{g_n(t) - \psi_n(t)} - 1| \leq |q_n(t) - \psi_n(t)| \times \\
 &\times \exp\left(-\frac{\sigma^2 t^2}{2} + |q_n(t) - \psi_n(t)|\right) \leq \frac{C|t|^3}{n^{1/2-2\rho}} \exp\left(-\frac{\sigma^2 t^2}{2} + \frac{C|t|^3}{n^{1/2-2\rho}}\right).
 \end{aligned}$$

Можно подобрать такое $A_0^2 \leq \frac{1}{4H_1}$, что при $|t| \leq A_0 n^{1/2-2\rho}$ и $n \geq n_0$

$$\text{будет выполняться неравенство } -\frac{\sigma^2 t^2}{2} + \frac{C|t|^3}{n^{1/2-2\rho}} \leq -at^2, \quad a > 0.$$

Пусть $G_n(x)$ - функция распределения (ф.р.) суммы S_n , $F_n(x)$ -ф.р., логарифм х.ф. которой выражается формулой (3). По условию теоремы $a_n \geq \sigma^2 > 0$, когда $n \geq n_0$. Наличие нормального компонента в распределении $F_n(x)$ обеспечивает существование и ограниченность производной: $|F'_n(x)| \leq C$. Это позволяет применить неравенство Эссеена:

$$\sup_x |G_n(x) - F_n(x)| \leq \frac{1}{\pi} \int_{-T}^T \left| \frac{e^{g_n(t)} - e^{\psi_n(t)}}{t} \right| dt + \frac{24C}{\pi T},$$

из которого при $T \leq A_0 n^{1/2-2\rho}$, учитывая, что интеграл от $t^2 e^{-at^2}$ конечен, получим

$$\sup_x |G_n(x) - F_n(x)| \leq \frac{C_0}{n^{1/2-2\rho}}, \quad (13)$$

где C_0 – независимая от n постоянная.

Как показано в [1] (§1.10), для фиксированного $\varepsilon > 0$ справедливо неравенство

$$P\{S_{n1} \leq x - \varepsilon\} - P\{|S_{n2}| \geq \varepsilon\} \leq P\{S_n \leq x\} \leq P\{S_{n1} \leq x + \varepsilon\} + P\{|S_{n2}| \geq \varepsilon\}.$$

Отсюда (13) и из неравенства Чебышева

$$P\{|S_{n2}| \geq \varepsilon\} \leq \frac{M S_{n2}^2}{\varepsilon^2} \leq \frac{H_1 m^2}{\varepsilon^2 n^\rho} \text{ следует (4). Теорема доказана.}$$

Замечания. 1. Теорема 1 допускает варьирование за счет применения других форм неравенства Чебышева.

Из проведенных оценок следует, что постоянная C_0 вычисляема, а постоянная C в (8) с ростом n может разве лишь убывать.

Литература

1. Юдин М.Д. Сходимость распределений сумм случайных величин. – Минск: «Университетское», 1990. – 254 с.
2. Юдин М. Д. Об обобщении формул Колмогорова и Леви-Хинчина на суммы зависимых величин // ДАН БССР. – 1986. – т. 30, № 1. – С. 29-31.
3. Юдин М.Д. О предельных законах для сумм слабозависимых величин с конечной дисперсией // Изв. вузов. Математика. – 1975. – № 5. – С. 113-114.
4. Юдин М.Д. Примеры применения обобщенной формулы Колмогорова к суммам зависимых случайных величин // Изв. вузов. Математика. – 1980. – № 9. – С. 65-70.
5. Феллер В. Введение в теорию вероятностей и ее приложения. – М.: «Мир», 1967. – т. 2. – 752 с.
6. Петров В.В. Суммы независимых случайных величин. – М.: «Наука», 1972. – 414 с.

Summary

The distribution of the sums of m -dependent random variables with restricted variances is approximated by the infinitely divisible distribution in the metrics of P. Levy.

Поступила в редакцию 7.04.03.

ФІЗИКА

УДК 539.3.620.23

В.С. Савенко, О.А.Троицкий

**СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭЛЕКТРОПЛАСТИЧНОСТИ МЕТАЛЛОВ
В СЛОЖНЫХ ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ**

В ряде работ все шире исследуется фактор увлечения дислокаций направленным потоком электронов на явление электропластичности металлов, в которых показано, что если электрическое поле совпадает с направлением движения дислокаций, то, как следует из [1-4], на дислокацию будет действовать со стороны потока электронов сила. Сила увлечения записывается в виде

$$F_e = \frac{b}{4} \left(-\frac{V_e}{V_d} - 1 \right) \frac{V_d}{V} \cdot \frac{\partial n_0}{\partial \mu} \Delta^2. \text{ Указанная сила положительна, если } \left(\frac{V_e}{V_d} - 1 \right) > 0, \text{ т.е. когда}$$

скорость дрейфа электронов V_e превышает скорость движения дислокаций V_d .

Диссипация энергии, которая будет проходить при движении дислокации, будет прямо пропорциональна коэффициенту динамического торможения дислокации B и ее скорости. Максимальная диссипация энергии равняется:

$$\varepsilon_{\max} \sim \rho \gamma^2.$$

И если сравнить эту энергию с джоулевым теплом $\varepsilon_{\text{дж}} = \frac{\gamma^2}{\sigma}$ (где σ – электропроводность металлов), то получится отношение:

$$\frac{\varepsilon_{\max}}{\varepsilon_{\text{дж}}} \sim \rho \sigma.$$

Следовательно, для металлов, обладающих большой электропроводностью, диссипация энергии, обусловленная движением дислокаций под действием электрического поля, может быть сравнима с джоулевым теплом.

В [1, 5] с сотрудниками изучалось электропластическое волочение стали, меди и вольфрама, где показано, что снижение напряжения волочения максимально в том случае, когда в зону действия тока входит область деформированного металла. В результате электропластического волочения проволоки из магнитотвердой стали происходит рост коэрцитивной силы, магнитной энергии, уменьшаются внутренние напряжения в металле [5]. Рентгеноструктурное исследование меди и стали, подвергнутых электропластическому волочению, показало, что после электропластического волочения увеличивается параметр решетки и расширяются области когерентного рассеяния, перераспределяется аксиальная текстура, а в случае нержавеющей проволоки происходит изменение соотношения между γ и σ - фазами в сторону уменьшения σ – фазы, что уменьшает вероятность преждевременного упрочнения стали в ходе волочения. Проволока, прошедшая волочение с током, получается практически лишенной завитков, что свидетельствует об уменьшении внутренних напряжений в металле [6]. Рассмотрим вклад пондеромоторных факторов на электропластичность металлов.

В случае деформации кристаллов под действием пинч-эффекта плотность силы, действующей на поверхность кристаллов, пропорциональна градиенту

напряжений: $\vec{f} = \nabla p [\text{кг}/\text{см}^3]$, где $\nabla = \frac{\partial}{\partial x}i + \frac{\partial}{\partial y}j + \frac{\partial}{\partial z}k$ – оператор Гамельтона.

Отсюда также следует, что эффективность пондеромоторного действия тока определяется распределением напряженности магнитного поля в приповерхностных слоях деформируемых кристаллов.

Сила, действующая на цилиндрический проводник с током под влиянием собственного магнитного поля, записывается в виде $F_x = -\frac{1}{8\pi} \frac{\partial (B_z^2)}{\partial x} = -\frac{\partial \sigma_x}{\partial x}$, где σ_x – механическое напряжение в металле. Основное уравнение гидромагнетизма [7-8] применительно к рассматриваемому случаю, являющееся обобщенным законом Ома, имеет вид $\frac{\partial B}{\partial t} = \frac{1}{4\pi} \nabla(p \nabla B + \nabla V B)$. Первый член приведенного выражения отражает диффузию магнитного поля через проводник с удельным сопротивлением ρ , а второй – изменение магнитного поля, вызванное движением проводника с относительной скоростью V .

На поверхности образца собственное магнитное поле тока принимает максимальное значение H_m , рассчитываемое по формуле $H_m = \frac{2I_a}{10r}$, где I_a – амплитудное значение тока и r – радиус образца. Поскольку $I_a = JS = \pi Jr^2$ (где J – плотность тока $\text{А}/\text{см}^2$ и S – сечение образца в см^2), то $H_m \approx 0,63 Jr$. Как уже указывалось, механическое давление на поверхность круглых образцов от пинч-эффекта составляет

$p = \mu \frac{H^2}{8\pi}$ [$\text{дн}/\text{см}^2$] или $p \approx 1,6 \cdot 10^{-7} \mu (Jr)^2$. Из последнего выражения следует, что при

одной и той же плотности тока, например, $J = 10^5 \text{ А}/\text{см}^2$, пинч-эффект будет выражен тем больше, чем больше радиус использованных образцов. На основе рассмотренных выше факторов можно предложить способ повышения пластичности проволоки при ее волочении за счет вибрации от пинч-эффекта за зоной деформации.

На рис. 1 приведено устройство для подведения импульсного тока в ходе волочения проволоки с теми же обозначениями элементов устройства, имеющее предназначение создавать активную вибрацию металла заготовки за счет пинч-действия импульсного тока за пределами зоны деформации проволоки и усиления его в скрещенных электромагнитных полях.

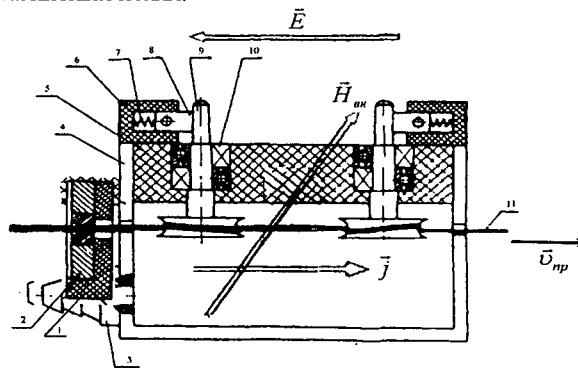


Рис. 1. Устройство для подведения тока в виде вращающихся латунных и меднографитовых щеточных контактов при ЭВП стальной проволоки:
1 – волокодержатель; 2 – волока; 3 – штуцер для подачи эмульсии; 4 – корпус;
5 – стенка; 6 – щеткодержатель; 7 – нажимная пружина; 8 – щетка; 9 – ось;
10 – подшипник; 11 – проволока, проходящая ЭВП

Подобное расположение мест поступления энергии от электрического и магнитного полей исключает электропластическое и тепловое действие тока и может быть применено, когда требуется лишь снизить трение в волоке и полностью исключить тепловое действие тока. Активная вибрация металла заготовки, снижающая ее трение в волоке, задается частотой импульсного тока. Для труднодеформируемых металлов и сплавов предлагается способ повышения пластичности проволоки при ее волочении за счет тепловой подготовки и пинч-эффекта.

На рис. 2 приведено устройство для подведения импульсного тока и создания скрещенных электромагнитных полей, имеющее предназначение создавать тепловую подготовку проволоки за счет Джоулева эффекта и активную вибрацию металла заготовки перед зоной деформации проволоки в волоке.

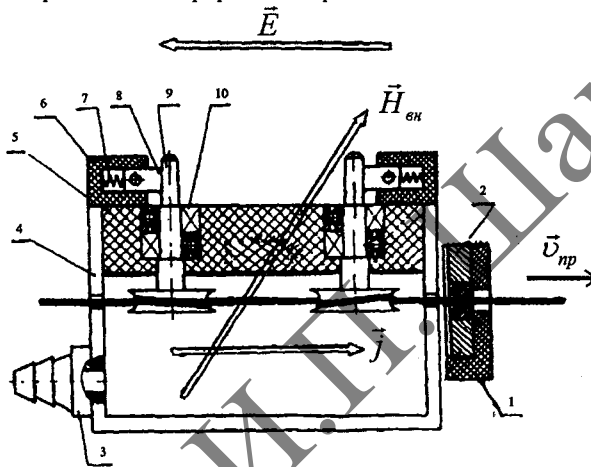


Рис. 2. Способ повышения пластичности проволоки при ее волочении за счет тепловой подготовки и пинч-эффекта

При таком расположении мест поступления энергии от электрического и магнитных полей по-прежнему исключается электропластическое действие тока, но возможна тепловая подготовка проволоки, что необходимо в процессе волочения для специальных видов стали, вольфрама, молибдена и ряда сплавов. Кроме того, при таком способе комбинированного воздействия эффективно снижается трение в волоке за счет активной вибрации металла перед зоной деформации, задаваемой частотой импульсного тока. Для локализации зоны действия тока предложен способ наложения скрещенных электромагнитных полей на зону деформации металла внутри разрезной волоки.

На рис. 3 приведена схема разрезной электропроводящей волоки с внутренним изоляционным слоем 6. Она устанавливается на стандартном стане вместо штатной волоки и позволяет осуществлять электропластическое волочение проволоки при подключении двух изолированных друг от друга половин волоки к источнику импульсного тока. В случае, если тело волоки выполнено из магнитотвердого материала, появляется возможность осуществлять электропластическое волочение проволоки в скрещенных электромагнитных полях, что, как и в предыдущих рассмотренных способах, создает дополнительный механизм пластификации материала и снижает усилия волочения проволоки за счет ее вибрации в зоне действия импульсного тока при наложении на волоку поперечного постоянного магнитного поля напряженностью $\vec{H}_{вн}$.

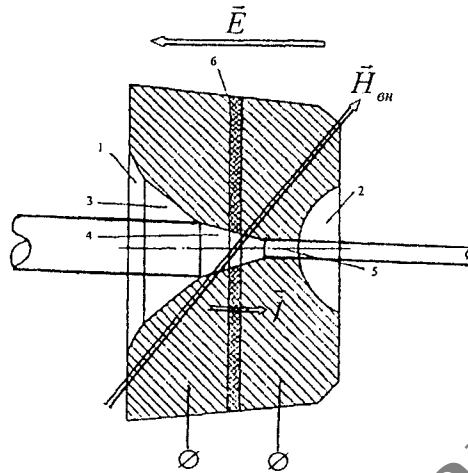


Рис. 3. Разрезная волока с внутренним изоляционным слоем:
 1 – входная распушка; 2 – выходная распушка; 3 – смазочный конус;
 4 – рабочий конус; 5 – калибрующий пояс; 6 – электрический слой.

Таким образом, этот способ интенсификации процесса волочения проволоки принципиально не отличается от способа волочения, схематически приведенного на рисунке 1, но он отличается максимальной локализацией зоны действия тока и вибрацией.

Литература

1. Климов К.М., Новиков И.И. Влияние градиента температуры и электрического тока высокой плотности на пластическую деформацию при растяжении металлических проволок // Изв. АН СССР, Металлы, 1978, № 6. С. 175-178.
2. Клыпін А.А. О пластической деформации металлов при наличии электрического воздействия // Проблемы прочности. 1975. № 7. С. 20-26.
3. Климов К.М., Новиков И.И. Особенности пластической деформации металлов в электромагнитном поле // Доклады АН СССР, 1980. Т. 235, № 3. С. 603-606.
4. Кравченко В.Я. Воздействие направленного потока электронов на движущиеся дислокации // Письма в Журнал экспериментальной теоретической физики, 1966, т. 51, вып. 6 (12), с. 1676-1678.
5. Савенко В.С. Исследование влияния энергетических воздействий на деформационные процессы в технически важных материалах // Веснік Мазырскага педагогічнага інстытута імя Н.К. Крупскай, – Мозырь: 1999, № 1, с. 27-30.
6. Троицкий О.А., Спицын В.И. и др. Рентгеноструктурное исследование меди и стали, подвергнутых электропластическому волочению // Физика металлов и металловедение, 1980, т. 50, № 1, с. 157.
7. T.G. Cowling, Magnetohydrodynamics, Interscience, 1957, N-Y.
8. Ю.В. Баранов, О.А. Троицкий, Ю.С. Авраамов, А.Д. Шляпин. Физические основы электроимпульсной и электропластической обработок и новые материалы. Изд. МГИУ, 2001; М.; с. 843.

Summary

The methods of increase of an electroplasticity of metals are considered at operating a pulse electric current and constant magnetic field with the different schemes of rendering of a current at a metal forming.

Поступила в редакцию 20.03.03.

В.С. Савенко, О.А Троицкий

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПЛАСТИФИКАЦИИ МЕТАЛЛА
В СКРЕЩЕННЫХ ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫХ ПОЛЯХ**

В последнее время появились работы, в которых явление электропластичности наблюдалось на тугоплавких и труднодеформируемых металлах [1, 2]. Резкое повышение пластичности и уменьшение сопротивления деформированию тугоплавких и труднодеформируемых сплавов связано с созданием градиента температуры и электрического потенциала в процессе деформации. Исходя из полученных данных, предложен способ изготовления тончайшей ленты из тугоплавких и труднодеформируемых металлов и сплавов [3].

С целью повышения пластических свойств прокатываемой ленты и получения высоких относительных обжатий за проход прокатки ведут с одновременным протеканием электрического тока через вальки с созданием градиента электрического потенциала. Величина градиента электрического потенциала составляла 10-100 В/см.

Резкое повышение пластичности при наличии в очаге деформации электрического тока высокой плотности обуславливается увеличением подвижности дислокаций под действием электронов проводимости, которые образуют "электронный газ", имеющий определенную величину вязкости:

$$\gamma = 1/3m^*n\lambda U\phi^*$$

где n – число электронов в единице объема,
 m^* – эффективная масса электрона,
 λ – длина свободного пробега электрона,
 $U\phi$ – истинная скорость электрона, определяющаяся энергией Ферми.

Если создать направленный поток электронов, то на единичную площадку будет действовать в направлении движения электронов сила

$$F=qd\omega_x/dz,$$

которая изменяет скорость электронов на расстоянии λ от 0 до U_q :

$$F = \frac{1}{3} m^* n U\phi^* U_q.$$

Смещение дислокаций определяется вектором Бюргерса b , а собственная скорость дислокации равна U_c^* , сила, действующая на единицу длины дислокации составит

$$F = \frac{1}{3} m^* n U\phi^* b (W_q - W_c).$$

Это выражение совпадает с квантомеханическим расчетом для силы, действующей на дислокацию [2].

Если $W_q - W_c < 0$, электрический ток тормозит движение дислокаций, при $W_q - W_c < 0$ – увлекает дислокации.

Одновременное наложение электрических и магнитных полей в условиях их ортогональности в процессе пластической деформации существенно интенсифицирует пластическую деформацию, не обуславливая тепловыми факторами и другими физическими эффектами. Принципиальным отличием электропластической деформации является значительное уменьшение энергетического воздействия. Плотность пластифицирующего импульса

уменьшается на один – два порядка, если сравнить ее со скоростью при обычном ЭПД, за счет дополнительного наложения магнитного поля. Этот эффект открывает возможность технического применения обработки металлов давлением при ортогональном наложении магнитных и электрических полей, что важно для деталей больших поперечных сечений.

Предложен запатентованный авторами [5] способ повышения пластичности детали, относящийся к технологиям обработки металла давлением при пластифицировании зоны деформации наложением электромагнитных полей при обработке металла резанием. Рекомендуются новая технология повышения пластичности проводящих материалов на основе эффекта Холла. Сущность предложенного способа заключается в следующем: при обработке образца деформированием во взаимно перпендикулярных направлениях прикладываются постоянные электрические и магнитные поля. Смещение электронной плотности образца за счет возникающего эффекта Холла в зону деформации приводит к пластифицированию этой зоны. Поскольку эффект пластификации при условии перпендикулярности электрического и магнитного полей достигается за счет изменения поверхностной энергии детали в результате появления поверхностного заряда при поляризации заготовки за счет эффекта Холла. Существенной особенностью предложенной технологии является использование обрабатываемого инструмента из непроводящего материала. Это может быть реализовано при электропластическом волочении медной проволоки, где фильера используется в качестве режущего инструмента, а медная проволока – в качестве проводящего материала. Если же между деталью и инструментом будет существовать проводящий контакт, то поляризационный заряд будет концентрироваться на инструменте, и, как следствие, пластифицирующий эффект будет отсутствовать.

В описанном способе повышения пластичности проводящего материала за счет наложения на зону деформации скрещенных электромагнитных полей реализуется интенсификация механизма электропластического эффекта за счет эффекта Холла. Общий принцип способа, который можно применять при любом виде обработки металлов давлением с участием тока, заключается в том, что к деформируемому образцу во взаимно перпендикулярных направлениях прикладываются постоянные электрическое и магнитное поля. При этом под влиянием эффекта Холла происходит смещение электронной плотности образца в зоне деформации, что усиливает электропластический эффект. Сопутствующим эффектом является появление заряда при поляризации образца за счет эффекта Холла.

При наложении на зону электропластической деформации металла скрещенных электромагнитных полей в соответствии с принципом суперпозиции полей может усилиться также пинч-действие импульсного тока и вызванная им активная вибрация металла заготовки, что создает дополнительный механизм и независимый канал пластификации металла. [4, 6]

Ниже приводится технологическая схема применения скрещенных электромагнитных полей в процессах электропластического волочения на основе способа повышения электропластичности проволоки при ее волочении за счет наложения на зону деформации скрещенных электромагнитных полей.

На рисунке 1. приведено устройство для подведения тока в ходе электропластического волочения проволоки, которое устанавливается на стандартный волочильный стан вместо штатного узла с волокой.

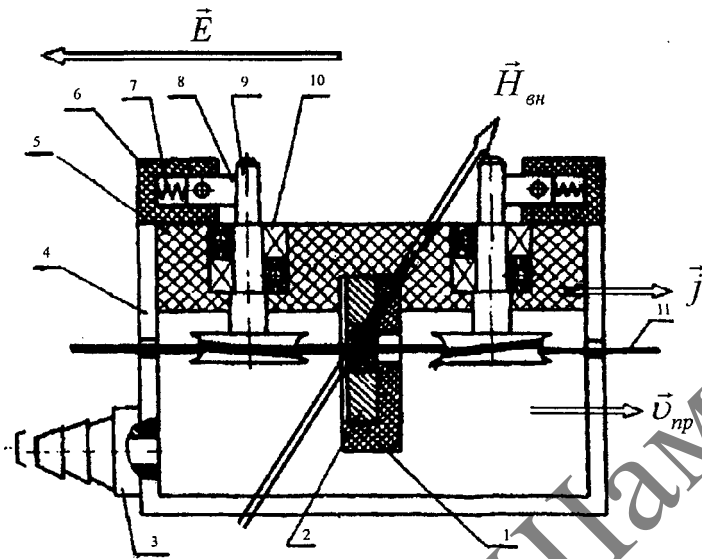


Рис 1. Устройство для подведения тока в виде вращающихся латунных и меднографитовых щеточных контактов при ЭВП стальной проволоки: 1 – волокодержатель; 2 – волока; 3 – штуцер для подачи эмульсии; 4 – корпус; 5 – стенка; 6 – щеткодержатель; 7 – нажимная пружина; 8 – щетка; 9 – ось; 10 – подшипник; 11 – проволока, проходящая ЭВП

Это устройство, реализованное на Белорезком металлургическом комбинате, содержит вращающиеся контактные ролики, изолированные от стана, и ванну для проточной охлаждающей жидкости. Волока при такой схеме подведения тока не включена в электрическую цепь, но механически деформирует внутри себя проволоку с током [6]. Направление движения проволоки указано вектором скорости $\vec{U}_{пр}$. В том же направлении указан вектор плотности импульсного тока \vec{j} , создающего электропластический эффект в зоне деформации проволоки. При этом электрическое поле направлено против движения проволоки, что указано вектором \vec{E} .

Для создания скрещенного электромагнитного поля перпендикулярно электрическому полю \vec{E} прикладывается внешнее постоянное магнитное поле, обозначенное на чертеже вектором $\vec{H}_{вн}$, направленное перпендикулярно плоскости чертежа.

Литература

1. Троицкий О.А., Спицын В.И., Рыжов В.Г. Электропластическое волочение стали, меди и вольфрама // Доклады Академии наук СССР, 1978, т. 243, № 2, с. 330-333.
2. Савенко В.С. Исследование влияния энергетических воздействий на деформационные процессы в технически важных материалах // Веснік Мазырскага педагогічнага інстытута імя Н.К. Крупскай. – Мозырь, 1999, № 1, с. 27-30

3. Климов К.М., Шнырев Г.Д., Новиков И.И. Способы изготовления тончайшей ленты из тугоплавких и труднодеформируемых металлов и сплавов // Авт. св. 547274 (СССР). – Оpubл. в Б.И., 1977, №7, с. 38.

4. Савенко В.С. Механическое двойникование металлов в условиях внешних энергетических воздействий // - Минск: «Технопринт», 2000. – 218 с.

5. Савенко В.С., Пинчук А.И. Способ повышения пластичности проводящих материалов на основе эффекта Холла // Способ повышения пластичности деталей. Патент Российской Федерации на изобретение № 2052514, 1996.

6. Баранов Ю.В., Троицкий О.А., Авраамов Ю.С., Шляпин А.Д. Физические основы электроимпульсной и электропластической обработок и новые материалы. Изд. МГПУ, 2001. – М., с. 843.

Summary

The simultaneous imposing (superposition) electrical and magnetic fields in conditions of their ortogonality during plastic deformation, not causing the thermal factors and other physical effects.

Поступила в редакцию 20.03.03.

УДК 535.42

А.А. Фирсов, В.В. Шепелевич

ПОПЕРЕЧНО-ПОЛЯРИЗОВАННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СВЕТОВЫХ ВОЛН В КУБИЧЕСКИХ ФОТОРЕФРАКТИВНЫХ ПЬЕЗОКРИСТАЛЛАХ

Явление энергообмена между взаимодействующими световыми волнами, наблюдаемое в фоторефрактивных кристаллах, позволяет усиливать слабые изображения с помощью более мощной волны [1, 2].

Процесс энергообмена можно условно разложить на процессы двух типов, зависящие от поляризационных состояний связанных волн. Первый тип – так называемое параллельно-поляризованное взаимодействие. В этом случае при взаимодействии двух световых пучков (сигнального и опорного) в одинаковом поляризационном состоянии происходит перераспределение энергии из опорного пучка к сигнальному, в то время как поляризационное состояние обоих пучков сохраняется (см., например, [1-4]). Второй тип – поперечно-поляризованное взаимодействие [5-7], когда энергия из одного поляризационного состояния сигнальной волны может быть перенесена в ортогональное состояние. На основе поперечно-поляризованного взаимодействия световых волн в работе [8] предложена схема непрерывного восстановления интерферограммы с усреднением во времени. Запись голограммы осуществлялась в кристалле титаносилленита висмута ($\text{Bi}_{12}\text{TiO}_{20}$).

Теоретические и экспериментальные исследования поперечно-поляризованного двухволнового взаимодействия в кубических

фоторефрактивных кристаллах проводились ранее как без учета [5, 6], так и с учетом [9] оптической активности кристалла.

Для отделения поперечно-поляризованной компоненты светового пучка от параллельно-поляризованной недифрагированную компоненту сигнального пучка S исключают с помощью поляризатора на выходе из кристалла. При этом дифрагированная компонента, поляризация которой ортогональна поляризации недифрагированной компоненты, проходит через систему «кристалл-поляризатор» без ослабления. В результате значительно улучшается контраст и отношение сигнал/шум усиливаемого изображения по сравнению со случаем, когда поперечно-поляризованная компонента светового пучка не отделена.

Сигнальный пучок S , покидающий кристалл в отсутствие голографической решетки, назовем прямым пучком. Азимут поляризации прямого пучка будет совпадать с азимутом поляризации недифрагированной компоненты сигнального пучка.

Поясним сказанное выше с помощью рис. 1, где показана схема взаимодействия световых волн в кубическом кристалле среза $(\bar{1}\bar{1}0)$. Здесь θ – ориентационный угол, образованный вектором голографической решетки \bar{K} с кристаллографическим направлением $[001]$ (отсчитывается по часовой стрелке, если смотреть в направлении распространения световых волн); OO' – ось, перпендикулярная плоскости среза кристалла; R и S^* – опорная и сигнальная световые волны; \bar{R}_0 , \bar{S}_0 – векторы напряженности опорной и сигнальной световых волн R и S ; ψ_{R0} и ψ_{S0} – азимуты поляризации световых волн R и S соответственно; \bar{S}_1 – вектор напряженности электрического поля прямого пучка; \bar{S}_2 – вектор напряженности электрического поля сигнального пучка; \bar{S}_3 – вектор напряженности электрического поля дифрагированной компоненты сигнального пучка; \bar{S}_4 – вектор напряженности электрического поля недифрагированной компоненты сигнального пучка; $\bar{5}$ – поляризатор. На выходе из кристалла в отсутствие голографической решетки (опорный пучок R перекрыт) будем иметь прямой пучок S_1 , который определили ранее. Направление поляризации этого пучка отличается от направления поляризации исходного пучка S , так как кристалл оптически активный и плоскость поляризации светового пучка при прохождении по кристаллу будет поворачиваться. Если открыть световой пучок R , то в кристалле возникает голографическая решетка, а вектор напряженности электрического поля сигнального пучка \bar{S}_2 будет иметь азимут поляризации, отличный в общем случае от азимута поляризации прямого пучка благодаря дифракции сигнального пучка на голографической решетке. Таким образом, возникает составляющая пучка S , перпендикулярная прямому пучку (дифрагированная компонента \bar{S}_3). Недифрагированная компонента \bar{S}_4

отсекается поляризатором 5, благодаря чему увеличивается отношение сигнал/шум фоторефрактивного изображения.

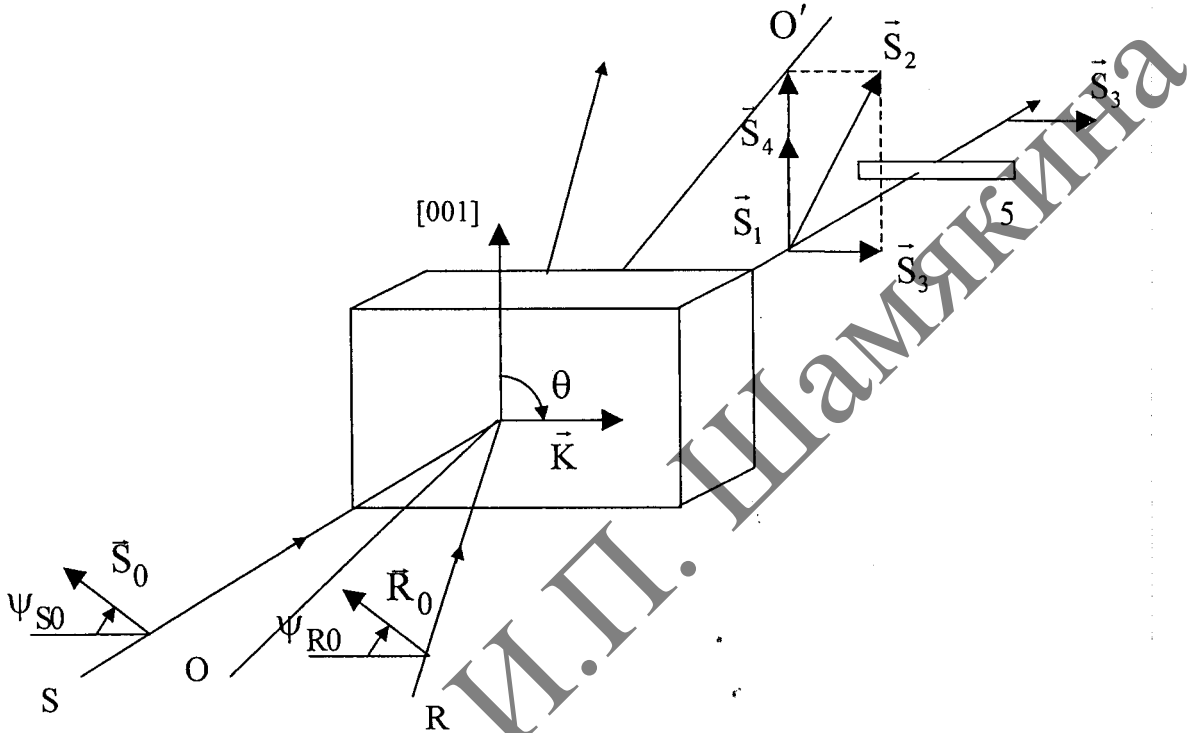


Рис. 1. Схема взаимодействия световых волн в кристалле

Следует отметить, что в названных выше работах исследования поперечно-поляризованного взаимодействия световых волн в кубических фоторефрактивных кристаллах проводились только для частных ориентаций вектора голографической решетки ($\vec{K} \perp [001]$ и $\vec{K} \parallel [001]$), а пьезоэлектрический эффект не рассматривался.

Целью данной работы является исследование поперечно-поляризованного взаимодействия световых волн [9] при произвольной ориентации вектора голографической решетки и одновременном учете пьезоэлектрического эффекта и естественной оптической активности кристалла.

Поставленная задача решалась в рамках феноменологической модели дифракции света в фоторефрактивных пьезокристаллах [10]. Решение системы уравнений связанных волн, описывающих процесс дифракции световых волн в кубическом фоторефрактивном пьезокристалле, было получено в приближении заданной решетки. Предполагалось также, что постоянные связи (κ_j , $j=1, 2, 3$) малы по сравнению с удельным вращением кристалла α ($\kappa_j/\alpha \ll 1$) и величиной $1/d$, обратной толщине кристалла d ($\kappa_j d \ll 1$). Углы Брэгга также принимались малыми. Это позволило получить следующее выражение для интенсивности дифрагированной компоненты I_{S_3} сигнального пучка:

$$I_{S_3} = \frac{I_{R0}}{4} \frac{\sin^2(\alpha d)}{\alpha^2} (2\kappa_2 \cos(\alpha d - 2\psi) + (\kappa_1 - \kappa_3) \sin(\alpha d - 2\psi))^2, \quad (1)$$

где I_{R0} и I_{S0} – начальные интенсивности световых пучков R и S соответственно, $\psi = \psi_{S0} = \psi_{R0}$ – азимут поляризации световых пучков, $\kappa_1, \kappa_2, \kappa_3$ – постоянные связи [11], учитывающие влияние пьезоэлектрического эффекта.

Выражение (1) в частном случае $\theta = 90^\circ$ и $\psi_{S0} = \psi_{R0} = 90^\circ$ в отсутствие оптической активности и пьезоэлектрического эффекта переходит в формулу, полученную в [5]. Рассмотрим зависимость интенсивности дифрагированной компоненты I_{S_3} от ориентационного угла θ при фиксированном значении поляризационного угла $\psi = 0$ кристалла титаносилленита висмута. На рис.2 представлен график относительной интенсивности $\frac{I_{S_3}(\theta)}{I_{S0}}$. Отношение начальных интенсивностей световых волн $\frac{I_{R0}}{I_{S0}} = 100$. При построении графика использовались параметры кристалла $Bi_{12}TiO_{20}$ на длине волны $\lambda = 632.8$ нм, приведенные в [12].

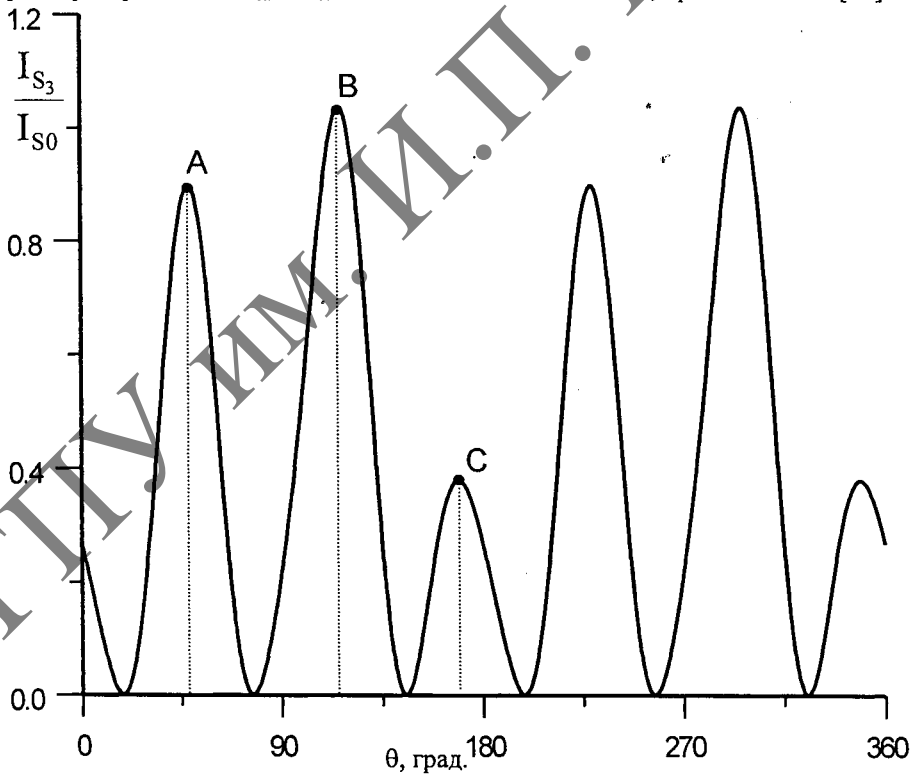


Рис. 2. Зависимость относительной интенсивности I_{S_3} / I_{S0} от ориентационного угла θ для кристалла титаносилленита висмута толщиной 10 мм

Из рис. 2 видно, что при произвольной ориентации вектора голографической решетки относительная интенсивность существенно зависит от ориентационного угла и достигает локальных максимумов при определенных значениях этого угла: $\theta \approx 47^\circ$ (точка А), $\theta \approx 127^\circ$ (точка В), $\theta \approx 175^\circ$ (точка С) и другие. Кроме того, выбором ориентационного угла θ можно достичь значений относительной интенсивности, значительно больших по сравнению с частными ориентациями $\vec{k} \perp (001)$ ($\theta = 90^\circ$) и $\vec{k} \parallel (001)$ ($\theta = 0$), которые исследовались ранее. Так, при $\theta \approx 127^\circ$ (точка В) коэффициент усиления возрастает более чем в 4 раза по сравнению с ориентациями $\theta = 0$ и $\theta = 90^\circ$.

Таким образом, полученные результаты позволяют определить условия улучшения контраста и отношения сигнал/шум фоторефрактивного изображения при двухволновом взаимодействии в кубических фоторефрактивных пьезокристаллах не только за счет выбора азимута поляризации световых волн, но и за счет изменения ориентации вектора голографической решетки.

Авторы выражают благодарность Белорусскому республиканскому фонду фундаментальных исследований (Ф02М-007) за частичную поддержку представленной выше работы.

Литература

1. Винецкий В.Л., Кухтарев Н.В., Марков В.Б. и др. Динамическая самодифракция когерентных световых пучков // УФН. – 1979. – Т. 129. – № 1. – С. 113-137.
2. Kuchtarev N.V., Markov V.B., Odulov S.G. et al. Holographic storage in electrooptic crystals. // Ferroelectrics. – 1979. – Vol. 22. – № 3-4. – P. 949-964.
3. Huignard J.P, Marrakchi A. Coherent signal beam amplification in two-wave mixing experiments with photorefractive BSO crystals // Opt. Commun. – 1981. – Vol. 38. – P. 249-255.
4. Chiou A.E., Yeh P. Beam cleanup using photorefractive two-wave mixing // Opt. Lett. – 1985. – Vol. 10. – P. 621-623.
5. Chang T.Y., Chion A.E., Yeh P. Cross-polarization photorefractive two-beam coupling in gallium arsenide // J. Opt. Soc. Am. B. – 1987. – Vol.5. – P. 1724-1729.
6. Cheng L. J., Yeh P. Cross-polarization beam coupling in photorefractive GaAs crystals // Opt. Lett. – 1988. – Vol. 13. – P. 50-52.
7. Yeh P. Photorefractive two beam coupling in cubic crystals // J. Opt. Soc. Am. B. – 1987. – Vol.4. – P. 1382-1387.
8. Kamshilin A.A., Petrov M.P. Continuous reconstruction of holographic interferograms through anisotropic diffraction in photorefractive crystals. // Opt. Commun. – 1985. – Vol. 53. – №1. – P. 23-26.
9. Vachss F., Chang T.Y. Cross-polarization two-beam coupling in optically active photorefractive media // J. Opt. Soc. Am. – 1989. – Vol. 6. – № 9. – P. 1683-1692.
10. Shepelevich V.V., Shandarov S.M., Mandel A.E. Light diffraction by holographic gratings in optically active photorefractive piezocrystals // Ferroelectrics. – 1990. – Vol. 110. – P. 235-249.
11. Shepelevich V.V., Egorov N.N., Shepelevich V. Orientation and polarization effects of two-beam coupling in a cubic optically active photorefractive piezoelectric $\text{Bi}_{12}\text{SiO}_{20}$ crystal // J. Opt. Soc. Am. – 1994. – Vol. 11 B. – P. 1394-1402.
12. Степанов С.И., Шандаров С.М., Хатьков Н.Д. Фотоупругий вклад в фоторефрактивный эффект в кубических кристаллах // ФТТ. – 1987. – Т. 29, вып. 10. – С. 1754-1758.

Summary

Cross-polarization two-wave coupling in cubic photorefractive crystals is investigated at any orientation of the holographic grating vector with regard to the piezoelectric effect. It is shown, that by the choice of the orientation angle the magnitude of the relative intensity of the diffracted component of the signal light beam can be reached considerably larger in comparison with one for partial orientations, which were investigated earlier.

Поступила в редакцию 27.02.03.

ГЕАГРАФІЯ

УДК 631.44.065

*В.А. Горкунов***ЭЛЕМЕНТАРНАЯ МИКРОСТРУКТУРА СКЛОНА КАК ИСХОДНАЯ
ЕДИНИЦА ПОЧВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

Уровни выявления неоднородностей почвенного покрова мы рассматриваем с позиции организации его как иерархической системы. Для этого необходимо определиться с такими понятиями, как почва, почвенный покров. Почвенный покров представляет собой совокупность всех почв исследуемой территории. Основным методом изучения почв был и остается профильный метод изучения совокупности генетических горизонтов и их свойств. Характеристики почвы являются основой для их классификации. Таксономические единицы почвенной классификации были в свое время перенесены и в область пространственного изучения и картографирования почвенного покрова. Это не совсем правомерно, так как почвенный покров характеризуется не только строением и свойствами всех составляющих его почв, но и обладает рядом специфических особенностей – пространственным взаиморасположением, характером взаимосвязи почв-компонентов, степени различия между ними. Как природное тело почвенный покров представляет собой непрерывное образование (континуум). В то же время географически, по своему внутреннему содержанию, он гетерогенен, что позволило В.М. Фридланду (1972) назвать почвенный покров прерывисто-непрерывным.

Сложность и многоярусность почвенного покрова как системы, его континуально-дискретный характер не позволяли в течение длительного периода разработать приемлемое понятие об исходной пространственной единице почвенного покрова, и, до 1980 года, это положение не рассматривалось даже в методических руководствах по почвенной съемке. Только в последних изданиях трактуется понятие об элементарных пространственных единицах, основанное на разработках В.М. Фридланда [4]. В 1965 году В.М. Фридланд [5] впервые предложил понятие предельно малой единицы системы территориальных (хорологических) выделов географии почв, названных им элементарными почвенными ареалами (ЭПА). ЭПА принимался им за первый уровень организации структуры почвенного покрова. Следующие уровни отводились последовательно: микроструктурам, мезоструктурам, почвенным районам, округам, провинциям, областям, подзонам, зонам.

Внутри ЭПА невозможно провести почвенно-географическую границу. Он не «организован», и считать ЭПА начальной единицей в иерархической системе неоднородностей почвенного покрова не совсем правомерно. ЭПА не больше чем почвенный индивидуум, слагающий ПК низшего уровня сложности. В своих последующих работах Фридланд [6] усложняет понятие об ЭПА как начальном уровне организации СПП, подразделяя их на: однородные, спорадически-пятнистые и регулярно-циклические. Последние две категории трактуются им как

ЭПА, включающие в себя ареалы почв, отличных от фона. Заметим, что это уже не ЭПА – почва низшего таксономического ранга, занимающая ограниченное другими ЭПА или не почвенными образованиями пространство, а почвенная комбинация, которая принимается за ЭПА. В последующем, в качестве элементарных пространственных единиц почвенного покрова, были предложены: почвенный ландшафт [9], педотоп [8], женон или генон [7], микрокатены [3]. В любом из предложенных вариантов в состав элементарных пространственных единиц почвенного покрова включается не один почвенный индивидуум (ЭПА), а несколько.

В процессе проведенных исследований нами выявлены и описаны ПК различного уровня сложности, различные по генезису морфоструктур. Установлено, что в условиях флювиального морфогенеза география ПК взаимосвязана со склоновыми процессами. Территории, даже с достаточно сложным рельефом, можно рассматривать как совокупность простых склонов с различными морфометрическими показателями. Простые склоны отличаются «однообразно ориентированным уклоном от вершины – самой верхней его части – и до подножия (или подошвы) относительно небольшими неровностями своей поверхности и тем, что склоновые процессы протекают однообразно и взаимно связанны на всей поверхности склона» [1]. Систематическое, однообразное и взаимосвязанное передвижение мелкозема на всей поверхности простого склона под воздействием определенного фактора определяет невысокую степень дифференциации почвенного покрова, однонаправленность изменения свойств почв-компонентов. Пространственное распространение почв на простых склонах показано на рис. 1-4; география ПК на уровне мезоструктур – на рис. 5-6. Склоновые закономерности пространственного расположения ПК наблюдаются и при невыраженных формах рельефа (равнина). В этом случае склоновый характер распространения ПК определяется уровнем залегания кровли водоупорных, карбонатных подстилающих пород, глубиной залегания грунтовых вод, засоленных горизонтов и т.д.

Исходя из этого, при исследовании СПП пахотных земель Могилевской области за исходную единицу пространственной организации почвенного покрова нами принят уровень элементарной микроструктуры склона (ЭМС). Элементарная микроструктура склона представляет собой пространственную единицу почвенного покрова простого склона или его сегмента, состоящего из двух почв-компонентов, преимущественно с однонаправленным изменением свойств, определяемым одним из факторов, дифференцирующих их в пределах почвенного ряда. ЭМС ограничиваются со всех сторон ЭПА, другими ЭМС или не почвенными образованиями. Обязательное постепенное изменение свойств почв, позволяющее выделить границу внутри ЭМС, может быть вызвано любым из факторов, но, что существенно, главным образом в пределах одного почвообразовательного ряда – гидроморфного, эрозионного, литогенного и т.д.

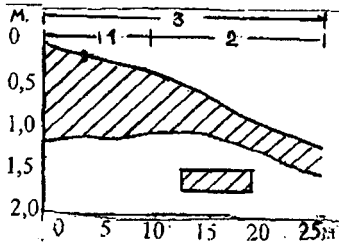


Рис. 1. Эрозионная элементарная микроструктура склона: 1. ЭПА слабосмытых почв; 2. ЭПА среднесмытых почв; 3. ЭМС слабо-, среднесмытых почв; 4. Мощность А+В горизонтов

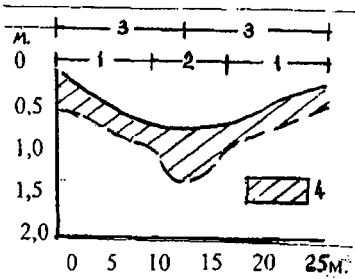


Рис. 2. Эрозионная элементарная микроструктура склона: 1. ЭПА слабонамытых почв; 2. ЭПА средненамытых почв; 3. ЭМС слабо-, средненамытых почв; 4. Мощность гумусовых горизонтов

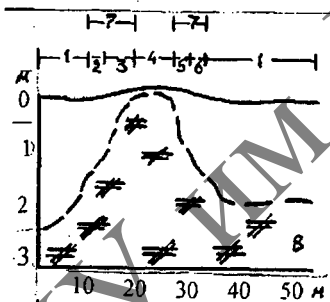


Рис. 3. Литогенная элементарная микроструктура склона: 1. ЭПА дерново-подзолистых почв; 2, 6 - дерново-карбонатных оподзоленных почв; 3, 5 - дерново-карбонатных выщелоченных и оподзоленных почв; 4. ЭПА дерново-карбонатных почв; 7. ЭМС дерново-карбонатных выщелоченных и оподзоленных почв; 8. Выходы карбонатных пород

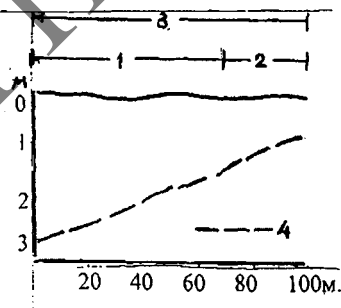


Рис. 4. Гидрогенная элементарная микроструктура склона: 1. ЭПА слабogleеватых почв; 2. ЭПА глееватых почв; 3. ЭМС слабogleеватых, глееватых почв

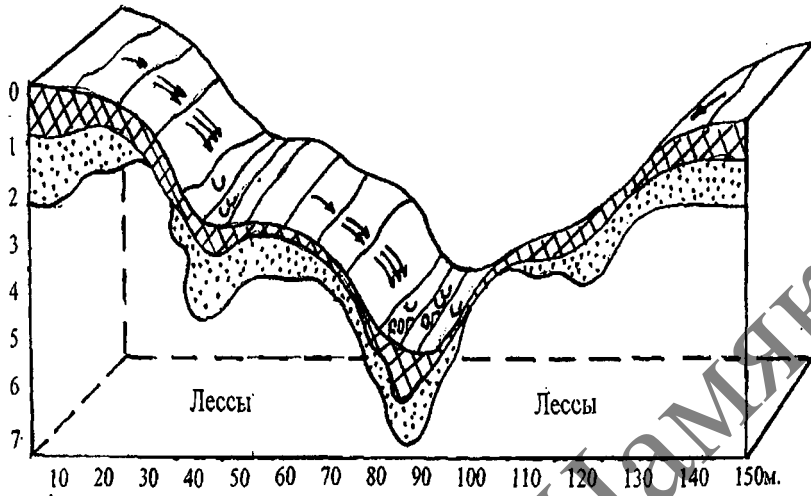


Рис. 5. Блок-схема флювиально-эрозийного сочетания дерново-палево-подзолистых слабо-, средне-, сильносыпых; слабо-, средненамытых; дерново-подзолистых слабogleеватых слабонамытых, глееватых средненамытых легкосуглинистых почв на мощных лёссах.

Условные обозначения: ↓ – слабосыпые; ↓↓ – среднесыпые; ↓↓↓ – сильносыпые; с – слабонамытые; сс – средненамытые; сог – слабogleеватые; ог – глееватые

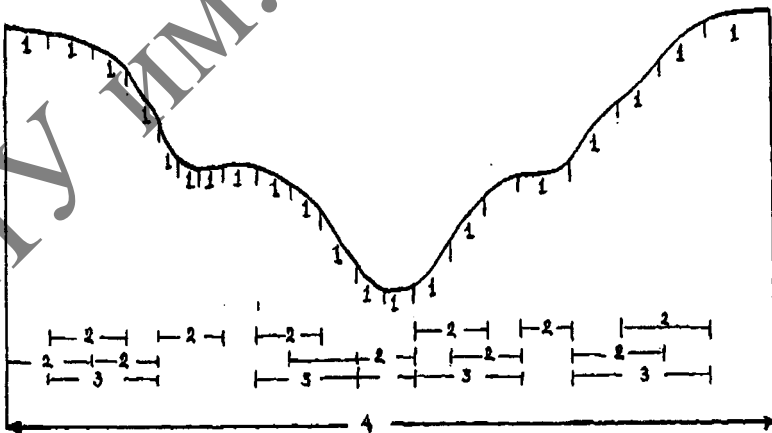


Рис. 6. Уровни выявления структур почвенного покрова (ПК на рис. 5). Условные обозначения: 1 – элементарные почвенные ареалы; 2 – элементарные микроструктуры склона; 3 – ПК низшего уровня сложности; 4 – ПК среднего, высшего уровня сложности

Поскольку ЭМС представляет собой ряд из двух почв, относящихся к определенным таксономическим единицам, в ее названии, наряду с генезисом, указывается и степень их классификационного различия. Например, эрозийная ЭМС дерново-подзолистых слабо-, среднесмытых почв; литогенная дерново-подзолистых и дерновых оподзоленных почв; гидрогенная ЭМС слабogleеватых, глееватых дерново-подзолистых почв.

Элементарная микроструктура склона состоит из двух ЭПА, поэтому по внутреннему содержанию она сложнее последних. В состав ЭМС могут входить почвы любой таксономической принадлежности, разделяющиеся между собой даже на уровне типа. Элементарная микроструктура склона является основной составной частью микроструктур, в состав которых могут входить ЭПА либо ЭМС, но различающиеся между собой свойствами почвенных компонентов. Например, почвенная комбинация низшего уровня сложности (микроструктура), состоящая из двух ЭМС – дерново-палево-подзолистых слабо-, среднесмытых и слабо-средненамытых почв, относится по генезису к одному типу – эрозийных, но резко отличаются по своим свойствам. Поэтому ЭМС являются своеобразными почвенными комбинациями, специфичность которых заключается в более высокой внутренней генетической взаимосвязи и взаимообусловленности ее компонентов.

Следующими уровнями пространственной организации СПП после ЭМС являются последовательно: микроструктуры, мезоструктуры, а используя иерархическую соподчиненность форм рельефа, предложенную В.П. Белобровым (1989), мезомакроструктуры, макроструктуры, макромегаструктуры, мегаструктуры.

ВЫВОДЫ: введение понятия об исходной пространственной единице при картографировании неоднородностей почвенного покрова пахотных земель – элементарной микроструктуре склона, состоящей из двух почв компонентов, преимущественно с однонаправленным изменением свойств, определяемых одним из факторов, дифференцирующих их в пределах почвенного ряда, целесообразно с двух позиций: первое – возможности построения иерархической типологии систем почвенно-географической таксономии на основе литоморфогенеза; вторым существенным моментом, подтверждающим целесообразность выделения начального таксономического уровня – ЭМС, является то, что в большинстве случаев простой склон является той минимальной территориальной единицей, на которой возможно ведение сельскохозяйственного производства (как минимум огородничества, садоводства и т.д.).

Литература

1. Ананьева Г.С., Симонова Ю.Г., Спиридонова А.И. Динамическая геоморфология. – Из-во МГУ, 1992. – 448 с.
2. Белобров В.П. Структура почвенного покрова гумидных и аридных областей субтропиков и тропиков / Диссер.на соиск. уч. ст. докт. с.-х. наук. – М., 1989. – 445 с.
3. Годельман Я.М. Исследование структуры почвенного покрова как научная основа его картографирования, оценки и организации сельскохозяйственного производства / Диссер. на соиск. уч. степ. докт. с.-х. наук. – Кишинев, 1983. – 376 с.

4. Евдокимова Т.И Почвенная съемка. – Из-во Моск. Университета, 1981. – С. 37-45.
5. Фридланд В.М. О структуре (строении) почвенного покрова // Почвоведение. – 1965. – № 4. – С. 15-28
6. Фридланд В.М. Структура почвенного покрова. – М.: Мысль, 1972. – 423 с.
7. Boulaine J. Sol pedon, et qepon // Bulleten de J. Association Francaise pour l'Etude du sol. – 1969/– p. 2.
8. Ehwald E. Leitende Gesichtspunkte einer Sistematik der Boden der DDR als Grundlage der land – und forsttwirte-chaftlichen Standortkartierung.-Sits.-Ber. Dt. Akad. Landwirt. Wissensch., 1966, 15, Hf. 18, Berlin.
9. Knox Ellis G. Soil individual and soil classification.-Soil ski. Soc/ America Proc., 1965, 29, № 1, p. 79-84/

Summary

The concept about the initial dimensional unity is inlet at mapping of non-homogeneities of the arable soils cover – elementary microstructure of the slope (EMS). EMS represents dimensional unity of the arable soil cover of a simple slope or its segment consisting of two soils where unidirectional changes of properties predominant that by one of the factors, differentiating them in limits of a soil series, are defined.

Поступила в редакцию 14.03.03

ФІЛАЛОГІЯ

УДК 801

С.М. Антонова

ГЛАГОЛЫ ГОВОРЕНИЯ КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Система языка существует и функционирует для обслуживания процесса коммуникации, а не процессов мышления. Языковые единицы, вследствие сказанного, номинируют и актуализуют в речи только такие мыслительные концепты, которые в данной лингвокультурной общности являются релевантными для общения, обмена информацией.

И.А. Стернин

Уникальность вербального отражения мира, предопределённая особенностями национального склада мышления и объективными составляющими пространственно-временного континуума этноса (вполне очевидными различиями природной среды и материальной культуры) [12, 150], дана каждому носителю языка как представителю своего этноса в непосредственных ощущениях – **сенсибилиях** (по терминологии Б. Рассела). Неотъемлемая часть ментально-лингвального комплекса человека, они являются информационными целостностями, вполне соответствующими статусу информем – базовых единиц ментально-лингвального комплекса человека. «Информема, прошедшая через семиозис, это именованная информема, или концепт. Становясь концептом, информема существенно изменяет свой статус: она является уже достоянием не только отдельного человека, но и соответствующего этнического языка...» [14, 44]. Именно концептам принадлежит роль тех прецедентных феноменов национального языкового сознания, которые формируют и определяют когнитивную базу любого национального языка в качестве основных структурообразующих элементов. Причём в этом качестве о концептосфере языка следует говорить как о такой «одежде» национального мировоззрения (= мироощущения, мирочувствования, мироосмысления, мирооценки) [12, 139], которая детерминирует нюансы самоощущения и поведения каждого носителя этого языка, т.е. становится составляющей языковой картины мира. Несомненно, законодателями языковой моды, а затем и языкового образа мира являются прецедентные носители языка (личности, тексты). И изощрённость творца языкового образа мира (= искущённость + профессионализм + видение тенденций развития вкуса + воля влияния, т.е. практически все то, что со времен Н.С. Лескова в превосходной степени обозначается как *говорить «с хитрым извитием слов» и «форсисто»*, а не только *понятно* для всякого члена языкового коллектива) здесь не менее значима, чем для модельера, чтобы стать законодателем моды. Однако не менее значима для языкового творчества и предметная область творения. Так, если судить по изощрённости и нюансированности категоризаций и концептуализаций, на острие вкуса и моды в русской языковой картине мира и в области постоянного внимания (и возможно, в этом ее национальная особенность) всегда находилось речевое действие. Думается, именно этим и объясняется высокая частотность номем, представляющих говорение во всех функциональных вариантах русского языка (от диалектного до литературного в каждой из его подсистем и

текстовых реализаций), сложность семантической структуры и системной организации глаголов говорения: например, только в современном русском литературном языке насчитывается, по данным З.В. Ничман, около 1500 лекс со значением говорения, а если судить по некоторым исследованиям¹, то это почти не постигнутая еще подсистема лексико-семантической системы русского языка, хотя и относится к числу наиболее описанных лингвистами.

Мы видим в лексико-семантической группе (ЛСГ) глаголов говорения такую сенсibiliю, благодаря которой осуществляется рефлексия и верификация эмпирического проживания всех видов речевого поведения всех говорящих на русском языке: глагольная лексика говорения, являясь в семиотическом отношении пропозитивной, в когнитивном отношении является метаязыковой – категоризирующей и концептуализующей речевую деятельность и человека говорящего. Рожденные из информем языкового восприятия и отражения действительности речевого события, прошедшие стадию концептуализации и приобщения к наименованию деятельности человека говорящего (каждая из номем речевой деятельности идентифицируется доминантой ЛСГ *говорить*), все единицы ЛСГ глаголов говорения, как и соответствующая ей модель когнитивного осмысления и описания деятельности человека говорящего в русском языке, прошли все этапы текстового и денотативно-когнитивного присвоения каждым из носителей русского этноса в пространстве и времени от древнерусской до великорусской народности и русской нации. Этот тысячелетний путь был отмечен для русского языкового сознания в целом и для каждого его носителя индивидуальным опытом вхождения в речемыслительное моделирование человека говорящего, что затем и вместили в себя как сенсibiliю и концептосферу лексико-семантическая система русского языка и запечатленная в ней картина мира. Индивидуальные (личностные, авторские), уникальные, и социальные (территориальные, профессиональные, социокультурные), универсальные, ментально-лингвальные результаты этих опытов – знаки-верификации – сформировали из них специализированную лексико-семантическую группу, которая сегодня и определяет законы языкового, концептуального, научного и художественного моделирования данного участка предсистемы.

Элемент ЯММ можно, конечно, видеть в каждом слове, именуемом говорением, – все единицы этой ЛСГ претендуют на статус целых когнитивных программ, как, например, общерусские *льстить*, *противоречить*, *клясться*, *процедить*, *чревоуещать*, *ехидничать*, *перемолвиться*, *ворковать*, *шелестеть*, *переброситься*, *усоветничать*, *изливаться*, *расточать*, *проповедовать*, *отбарабанить*, *благовестить*, *договариваться*, или диалектные *замаркать*, *горлопанить*, *буробить*, *безголосить*, *садёкать*, *тузоваться*, *турусить*, *плетухать*, *охваливать*, *нашельмиться*, *похвастоваться*, *закартавливаться*, *задачить*, *журчать*, не говоря уже о номемах-«ситуациях»: *мозги канифолить*, *развязать язык*, *засыпать речами*, *бланду травить*, *балендрасы разводиться*. Однако такое видение «разрушает» исследователя, пытающегося проникнуть в сущность формирования языковыми средствами образа мира: моделировать картину мира как нечто целостное, а не простую совокупность слов отдельного языка, воссоздать картину мира как «удобообозримое» и адекватное своему объекту целое нельзя без рассмотрения слова во всем богатстве его системных связей. Только системный подход к глаголам говорения, как и к слову вообще, дает инструмент для адекватного моделирования картины мира, поскольку, как известно, именно лексико-семантическая система языка в силу своей синтезирующей и отражательной природы формирует элементы, способные представлять языковую модель мира

¹ Вспомним замечания на этот счёт И.М. Кобозевой.

(семантические поля), а в основе языковой модели мира лежат знания, закрепленные в семантических категориях, семантических полях, составленных из слов и словосочетаний, по-разному структурированных в границах этого поля в каждом конкретном языке. В НЕОБХОДИМОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИСТЕМАТИЗИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ, концептуальной интерпретации результатов структурирования полей видится сегодня когнитологам лингвистический императив введения в научный обиход самого понятия ЯКМ [12, 90-132].

Единица системности и её концентрированное выражение, ЛСГ являет собой и самый исследованный из всех подсистем ЛСС участок, в силу чего по праву может быть и предельным воплощением человеческого фактора не только в языке, но и в представлении его модели.

Как носители информации и источник знания о ЯКМ, ЛСГ аккумулируют в своих единицах и системной организации:

знание (научное и бытовое) о действительности, отраженное в научных классификациях самой действительности и связанных с ней языковых системах в коллективном и индивидуальном практическом и речемыслительном опыте;

знание основного ядра лексической системы языка как системы номинативных единиц (номем), используемых для обозначения элементов и отношений реальной действительности;

знание результатов межуровневого синтезирования и способов языкового воплощения картины мира, отраженных в слове как единице ЛСС, зафиксированных в классификациях лексики и словарных дефинициях;

знание законов, средств и способов развития, распространения и модуляции ЯКМ, полученной через отдельное слово, по трем осям структурной организации языка.

Поскольку организующие глагольную ЛСГ связи и отношения актуализируются в реальном функционировании её единиц – в тексте, именно и только в нем, в функционирующем слове в динамике предстает интеграция всех уровней языковой системы и их живое взаимодействие. Причем наиболее информативным для познания этой динамики является функционирование слова на уровне текста. На этом уровне происходит актуализация и парадигматических, и эпидигматических, и синтагматических свойств и отношений слова; происходит перевод их из системы потенциальных возможностей, которые охватывают идеальные формы реализации языка, в систему потенций, конкретно реализуемых и принятых данным коллективом; осуществляется связь языка, языковой картины мира и моделируемой ими действительности.

Когда для каждого когнитолога ясна одна программа (стартовая и очевидная, поскольку она же естественная и главная, сколько бы других когнитологий ни открылось!) когнитивной науки («когницию следует изучать в облике лингвистики» [19, р. 12]), когда очевидно, что «язык – главный топик в когнитивной науке» [20, р. 259], начинается осознание того факта, что первичная программа есть одновременно и основной, главный и уникальный по богатству режиссерских и исполнительских возможностей сценарий когнитивной науки. Причем эта очевидность не относится к числу открытий нашего взорвавшего научную парадигмальность века, а просто является современным подтверждением еще древнейших восточных и античных философских и риторических аксиом и постулатов: мы и наш мир таковы, каковы наши мысли и наш язык. «Частично это происходит потому, – вчитаемся в аргументацию сегодняшних когнитологов, – что язык отражает познание, выступая как основное средство выражения мысли (выделено нами – С.А.), так что изучение языка – это косвенное изучение

познания. Возможно также, что язык воздействует на познание, ибо влияет на то, какие есть у нее или у него понятия и какие мысли «придут в голову ей или ему». Утверждение не столько шокирует идеалистичностью или абсолютизацией одного, хотя и сущностного источника, материала и объекта когнитивного исследования, сколько потрясает и вдохновляет интенцией признать язык еще и главной – магистральной – научной стратегией, методологией и технологией, а вместе с тем обнаружить объектность и ведомость субъекта когнитивного исследования. Образно говоря, язык – это и режиссер, и сценарист, и сценарий, и главный продюсер, и актерский состав, и оператор, и исполнительский дискурс, и зритель, и критик исполненного – когнитивной драмы когнитивной мысли о когниции. Говоря языком науки – материал, объект когнитивного изучения составляют, представляют и определяют (детерминируют, если уж строго научно говорить, потому что именно обуславливают, ставят в зависимость от себя) предмет (и его объем, и его существо, и его интерпретацию-верификацию) когнитивного знания. И, как концепт – языковой, культурный, научный – и одновременная его многоаспектная категоризация, язык ведет, организует и моделирует собою языковую личность (сознание – рефлексию и саморефлексию – в том числе) всякого когнитолога и ее технологическую исследовательскую проекцию диапазоном своего онтологического (системно-структурного) и прагматического (коммуникативно-функционального) полифонизма.

Ведомые и влекомые теми же интенциональными силами языковой модели и собственным языковым сознанием, констатируем, что современной лингвистикой, как и научным когнитивным фокусом видения мира, представляется и проецируется речевое событие (любой акт речемыслительной деятельности) как такой феномен, адекватной языковой моделью которого может и должна быть не научная или риторическая картина мира, а исключительно – и именно только одна! – художественная модель мира. Оснований для такого утверждения мы насчитали более двадцати. Остановимся на тех, которые являются в функционально-номинативном – дискретно-континуальном – пространстве русских глаголов говорения в литературном языке (в его реализации в языковом сознании автора и в художественной картине мира) и в диалекте (в наивной картине мира, созданной сознанием диалектоносителей и русскими старожильческими говорами средней части бассейна р. Оби), т.е. в самых главных и естественных «средах обитания» глаголов говорения.

Наш выбор и мера исследовательского произвола – осознание ведомости исследователя как блага свободы, интерпретаторства – как акта со-творения, авторства и креативной деятельности языковой личности, сознания и языка, а самой интерпретации (текста- и дискурса-интерпретации) – как вербального воплощения ткани мысли творца в момент откровения ему ткани Мысли Творца. В этой формулировке своего выбора мы представляем не только шаг первый в алгоритме моделирования действительности и знания о ней – исходные постулаты модели языка (вне моделируемой системы), но и делаем шаг второй – формируем модель-метафору, вживанию в которую помогает дискурс ведомого творца, осознавшего себя ведомым, но, как следствие, – ведомым творцом и Творцом.

Модель, апробируемая в рамках данного исследования, представляет понимание когнитивной природы языковой онтологии как такого отражения соответствующего участка действительности («предсистемы» языка), которое, будучи адекватным феноменологии, элементам предсистемы как «системе реалем», моделирует и методологические последствия взаимодействия языка и мышления (способы и средства диагностики системы языка и предсистемы), вне учёта которых

рождаются классификационные мифы, парадоксы и проблемы. Это модель системного многоаспектного динамического подхода. Именно системный подход, всесторонний анализ функционирования слова, тщательное исследование всех проявлений, маркирующих смысловые и формальные различия его семем и сем в морфемной структуре и дериватах, различия контекстуальные (лексическое, семантическое и синтаксическое окружение слова, способность его структур к деривации, трансформации, идентификации и т.д.), дают возможность адекватно и объективно выявить и описать внутренние структуры различных ЛСГ, взаимосвязи, взаимодействия и взаимоотношения их единиц на внутреннем и внешнем уровнях каждой из ЛСГ. Многоаспектность и синкретичность видения языковых явлений в предлагаемой нами интерпретационной модели (познания, представления и описания) функционирования – жизни – лексико-семантической группы, ядерной в ЛСС любого языка, которая категоризует и концептуализует своими единицами деятельность (тексто- и системоопределяющую и образующую) человека говорящего, позволяют обнаружить, раскрыть и описать грани этой жизни ЛСГ как грани динамики, а не остановленные (хотя, возможно, и прекрасные, но лишённые, вне динамики жизни, адекватности многомерному функционирующему объекту и, тем более, субъекту) мгновенья.

Слово, бывшее *всем² в Начале всего и Началом всему* в мире, остаётся таковым и в языковой системе, и в тексте, и в языковом сознании, и в любой из картин мира – единицей и центральной, и пронизанной межуровневыми отношениями, и калейдоскопически многогранной. Грани этой сущности слова – сложнейшая матрица отражённости в его элементах знаковой значимости и структуры всех граней языкового сознания: эмпирический компонент, вместивший в себя весь опыт чувственного «проживания» действительности (визуальный, осязательный, тактильный, акустический, и обонятельный), и рациональный, включающий в качестве своих компонентов денотативный, коннотативный, грамматический и, наконец, селективный, самый «жизнеобеспечивающий» для функционирования словесного знака (ответственный за континуальную память и текстуальную корректность встраивания слова в текст и формирующий интертекстуальность каждого словесного знака, его ментальную память и изоморфность этих граней словесного мышления, действительности Мира, действительности Мысли, действительности языкового сознания и действительности языка) на каждом из уровней каждой из отражённых в этом словесном компоненте структур. И всеми этими компонентами языковая единица несёт информацию о диктуме и модусе мысли и слова человека о мире (*манifestационный и информационный аспекты речевой деятельности*).

Информация концептуальной и совпадающей с ней ядерной части языковой картины мира, формируя универсальные понятийные категории и являясь инвариантной, независимой от того, на каком языке она выражена, требует для адекватности представления языковой картины мира учитывать не только ядро ее, но и периферию всех подсистем языка, явления пограничные и переходные, хотя сохраняет за ядерными структурами и единицами статус главных носителей информации о ЯММ и КММ. В особенности актуально это требование при рассмотрении синсемантических единиц языковой системы, которые, выражая дискретное знание о Мире (родственное изначальному, открывшемуся Человеку вместе с осознанием своего Божественного предназначения **давать имя всему сущему (номинативный аспект речевой деятельности)**), делая каждый элемент

² Такими в нашей культуре Мысли-Слова затем были и остались – наши всё! – М.В. Ломоносов, А.С. Пушкин. Е.Ф. Карский.

Мира тем, чем он и должен быть на земле), являются одновременно слепками-единицами знания континуального, несут на себе память о континууме типовых прецедентных текстов. В противном случае – опять «паноптикум идей», созерцание «замерзшего океана» с поднятыми волнами. Именно эта философско-логическая (концептуальная) составляющая моделирования (языковым сознанием, языковой системой и каждой единицей глагольной ЛСГ) феноменологии речевой деятельности человека (превращения знаков мысли в знаки говорения) кладется в основание нашей модели-схемы ЛСГ глаголов говорения (взятой во всех гранях ее экзистенции) как воплощения динамики языкового моделирования действительности в целом.

В качестве *модели-прогноза относительно реализации схемы в языковом сознании человека*, соответствующей феноменологии «предсистемы» языковой картины мира, мы предлагаем такую: **ядро несёт на себе всё беспредельное знание о языковой системе как целом и о ее функциях и жизни**. Причем применительно к глаголам говорения осмысления требует способность ЛСГ представлять не просто системные характеристики ЛСС (статус единицы системности за ней уже признан), но способность её единиц (ядерных и периферийных) моделировать когнитивную деятельность – **именовать** действительность (*номинативный* аспект говорения), **выражать** мысль и слово о мире (*манифестационный* аспект), **воплощать информацию** и **передавать** собеседнику (*коммуникативный* аспект речевой деятельности), **интерпретировать** ее, **воздействовать** (*императивный* аспект) ею на собеседника и действительность, мысль и слово.

Так, ядерный глагол говорения своей текстовой реализацией представляет речевое действие, участвуя в декодирующей и порождающей деятельности языковой личности всеми гранями своего коммуникативного поведения. Во-первых, он моделирует речевое событие как шестиаспектное, актуализируя и в литературном языке, и в диалекте одни и те же аспекты: *акустический* ('произносить членораздельные звуки речи', 'пользоваться устной речью'), *информационный* ('сообщать', 'повествовать', 'рассказывать'), *манифестационный* ('выражать мысли'), *коммуникативный* ('разговаривать', 'договариваться'), *императивный* ('просить', 'велеть'), *номинативный* ('называть', 'употреблять в речи'). Во-вторых, все аспекты говорения, релевантные для языковой картины мира, актуализуются всеми гранями системных свойств ядерного глагола:

семами – интегрирующими ('произносить', 'членораздельные звуки речи', 'выражать') и дифференцирующими ('оказать воздействие', 'назвать'); лексическими ('звуки речи') и грамматическими ('побуждая к действию', 'друг с другом', 'кому-либо'); денотативными ('обнаруживая мысли', 'чувства', 'в нормальном темпе', 'с нормальной степенью громкости'), коннотативными ('правильно', 'спокойно', 'доброжелательно') и синтагматическими ('адресат', 'собеседник', 'что-либо', 'о чем-либо', 'кому-либо', 'с кем-либо'); ядерными и периферийными; эксплицитными и имплицитными; системными и окказиональными; актуализованными и потенциальными ('вести себя' 'содержательно', 'подумав');

семантическими признаками ('отчётливо', 'между собой');

парадигматическими связями и отношениями – в пределах ЛСГ (гиперогипонимические *просить, приказывать, умолять, кричать, беседовать, рассказывать, называть, выражать, произносить, разговаривать*; антонимические *шептать, мямлить, тарыхтеть, ворковать*) и вне ее (синонимические *влиять, вести себя, звучать, думать, петь*; антонимические *молчать, пилить, зудить, ныть, паясничать*);

деривационными связями и отношениями (*говор, говорун, договор, сговор, приговор, поговорка, переговоры, оговорка, заговор, выговор, разговор, поговорка*,

отговорка; сказ, приказ, сказка, рассказ, сказитель; договорить, договориться, договариваться, выговорить, выговориться, выговариваться, заговорить, заговориться, заговариваться, наговорить, наговориться, наговаривать, наговариваться, оговорить, оговориться, оговаривать, оговариваться, отговорить, отговаривать, отговориться, отговариваться, понаговорить, переговорить, переговариваться, поговорить, приговорить, проговорить, проговаривать, проговориться, проговариваться, разговорить, разговоривать, разговориться, разговориваться, сговорить, сговаривать, сговориться, сговариваться, уговорить, уговориться, уговариваться);

валентностью на всех уровнях взаимодействия с другими единицами предложения и высказывания: внутренней³ (*разговаривать, поговорить, договориться, разговориться, переговариваться, сговорить, выговорить* и пр.) и внешней: лексической – *говорить воркуя* (но не курлыча), *туманно, светло, мрачно* (но не темно), *быстро* (но не стремглав, сломя голову), *с радостью* (но не с горем), *во весь голос* (но не во весь звук); семантической – *надоедливо, весело, долго, о погоде, правду, речь, с братом* (но не: *мокро, шероховато, со всех ног, стремглав*); морфологической – *говорить хриплым голосом* (но не *хриплостью*), синтаксической – *говорить русским языком* (но не *уговорить русским языком*).

Текстовое поведение глагольного слова вообще, как показывает сочетаемость глаголов одной ЛСГ, это функциональная проекция коммуникативно значимых характеристик микросистемы, которой это слово принадлежит, источник знания о моделируемой им предсистеме, внутреннем устройстве ЛСГ, системных свойствах и законах функционирования её единиц. Глаголы же говорения, взятые в общенациональном масштабе во всём диапазоне их семантических, ономазиологических и функциональных характеристик, с учетом всех имеющихся о них в науке сведений, для подобного исследования являются идеальным объектом.

Полевой подход к ЛСГ требует рассматривать системное устройство и функционирование ЛСГ «из центра», от доминанты, сквозь призму актуализации её системных свойств в сочетаемости. Чтобы выявить моделирующие способности единиц группы представлять ситуацию говорения, вести анализ необходимо с учетом всего объема глаголов, соотносимых в тексте с процессом говорения: ядерных и функционально-текстовых, общерусских, стилистически отмеченных и нейтральных, диалектных и авторских. Чтобы установить инвариантное и специфическое в отражении концептуальной картины мира средствами общенациональной системы языка, следует выявить структурную доминанту и периферию ЛСГ во всех функциональных разновидностях языка, семантическую структуру ЛСГ в целом: характер системной организации, микросистемы, входящие в ЛСГ, участки и формы взаимодействия этих подсистем внутри ЛСГ и вне её пределов.

Уникальная по отраженности в ней явлений языковой системности и межуровневых отношений, ЛСГ глаголов говорения ещё и центр всей глагольной лексико-семантической системы текстообразования. Причём такой, который позволяет познать закономерности и законы взаимодействия и превращения дискретных и континуальных единиц, а на основе познанного увидеть в динамике языковую, концептуальную и риторическую картины мира, моделирующие верификацию общечеловеческого, национального и личностного в представлении человека говорящего. Все отражённые в глаголах говорения картины мира и модели получают в ЛСГ концептуализацию и категоризацию: своей семантической структурой, а также ономазиологией, семасиологией, семантикой и самой феноменологией, как и онтологией, глаголы говорения задают механизмы

³ Внутренняя валентность понимается нами вслед за О.М. Соколовым.

кодирования и считывания информации о речевых действиях всех видов, о мыслеречедеятельности, риторике и когнитологии речевого события. Причём естественная среда обитания глаголов говорения та же, что и главный источник динамического моделирования речевой деятельности, человека говорящего, языковой и концептуальной картин мира – художественный и диалектный текст-дискурс. И это превращает вертикальное поле и ЛСГ глаголов говорения в структуры, изоморфные языковой личности на всех четырёх её уровнях: мышления как уровне бытия языка; сущности языка и языковой личности; репрезентации речи как явления языка и языковой личности; коммуникации как действительности языка и языковой личности. Следовательно, именно через познание функционирования глаголов речевого действия в нарративе возможно вхождение в законы концептуализации и категоризации речевого события в языке, адекватное действительности языка, предсистемы и языкового моделирования. Минимальная (и в этом исследовательски идеальная) динамическая модель языковой картины мира и идеальная ЛСГ – русский многозначный ядерный глагол говорения *говорить* (как и *сказать*), явленный во всеми красками жизни в своей лексико-грамматической сочетаемости, взятой также как полевая структура.

Текстовое поведение глагольного слова вообще (и прежде всего сочетаемость глаголов одной ЛСГ) – это всегда функциональная проекция его коммуникативно значимых характеристик, источник знания о моделируемой этой ЛСГ предсистеме, её внутреннем устройстве, системных свойствах и законах функционирования ЛСГ. Идеальным объектом для подобного исследования являются глаголы говорения, взятые в общенациональном масштабе во всем диапазоне их семантических, ономаσιологических и функциональных характеристик, с учетом всех имеющихся о них в науке сведений. Это превращает правомерность и целесообразность полевого подхода к ЛСГ из исследовательской возможности в технологический императив при когнитивном подходе: рассматривать системное устройство и функционирование ЛСГ необходимо только «из центра», от доминанты, сквозь призму актуализации её системных свойств в сочетаемости. Чтобы выявить моделирующие способности единиц группы представлять ситуацию говорения, вести анализ необходимо с учетом всего объема глаголов, соотносимых в тексте с процессом говорения: ядерных и функционально-текстовых, общерусских, стилистически отмеченных и нейтральных, диалектных и авторских. Чтобы установить инвариантное и специфическое в отражении концептуальной картины мира средствами общенациональной системы языка, следует выявить структурную доминанту и периферию ЛСГ всех функциональных разновидностей языка, семантическую структуру ЛСГ в целом: характер системной организации, микросистемы, входящие в ЛСГ, участки и формы взаимодействия этих подсистем внутри ЛСГ и вне её пределов. Искать общее и специфическое функциональных разновидностей языка в представлении ситуации говорения следует и в текстах: именно они, как результаты индивидуального языкового творчества, воплощают «особое видение мира», сложившееся в данном языковом коллективе (ассоциативные ряды, традиционные способы метафоризации и образности вообще, косвенных наименований и др.).

Анализ функционирования и системной организации ЛСГ глаголов говорения «проявляет» общезыковую природу глагольной ЛСГ: это динамическая модель ЛСС, языковой картины мира и языка в целом, поскольку все её элементы обнаруживают общность многоуровневого характера. **На уровне внеязыковой действительности** – моделируют единую систему реалем, сегментируя её на коммуникативно значимые фрагменты глагольной лексемой – ономаσιологически, словообразовательной структурой, грамматической формой. **На уровне**

лексического значения – обладают общим типом лексико-семантической структуры, который задается отражаемой предсистемой, концептуальной моделью мира и соответствует типу семантической структуры и характеру системной организации ЛСГ в целом. **На уровне сочетаемостного потенциала слова** – имеют единое поле сочетаемости: общие семантические классы, лексико-грамматические разряды и синтаксические формы слов, объединенных участием в погашении валентности единиц ЛСГ. **На уровне предложения** – моделируют единый тип конструкции – своеобразный синтаксический инвариант, варьирующий в каждом конкретном случае в зависимости от ономаσιологического выбора предиката, от коммуникативного задания и от способа синтаксической деривации эталонного типа конструкции.

В концентрированном виде все свойства единиц ЛСГ воплощает её доминанта. Эксплицируются тождество и различие элементов ЛСГ на каждом из уровней сочетаемостью слова-доминанты. Так, ЛСГ глаголов говорения предстает как функционально-семантическая, эпидигматическая и парадигматическая развертка доминанты ЛСГ многозначных глаголов *говорить* и *сказать*. Соотносимые своими лексико-семантическими вариантами и самой семантической структурой с шестью аспектами речевого действия (акустическим, манифестационным, коммуникативным, информационным, императивным и номинативным), эти глаголы не только задают тип семантической структуры каждого из глаголов говорения, выступают в роли функциональных эквивалентов, гиперонимов и идентификаторов всех единиц ЛСГ говорения, но и самой амплитудой своего текстового поведения и преобразования формируют концептуальное и функциональное (от номинативного до прагматического, от фатического до потенциального), предназначение каждого элемента этой макросистемы и правила взаимодействия этих элементов с актуализаторами их семантики и с элементами иных макросистем.

Семантический состав доминантных глаголов говорения эксплицируется эпидигматически – во внутренней их валентности. При этом каждый из их дериватов (а это 74 ЛСВ, деривационно соотносимых с *говорить*, и 52 производных от *сказать*) не выходит за пределы ЛСГ говорения ни номинативно, ни семантически, ни своими валентностными характеристиками. Все это раскрывает системообразующую функцию доминантных единиц в рамках ЛСГ как макросистемы.

Внешняя валентность доминантных глаголов речевого действия формирует функционально-семантическое поле их сочетаемости. В структуре этого поля доминантная роль в представлении содержания речи (манифестационного, информационного и прагматического компонентов семантики глагольной леммы) должна быть признана за конструкцией прямой речи. Далее на шкале – от доминанты к периферии – в системе способов сочетаемостного представления содержания речи располагается косвенная речь, редуцирующая представление о звучании речи, затем – объект содержания речи, выраженный вinitельным беспредложным субстантивом, а на периферии – объект темы (предмета) речи. Универсальным средством представления субъекта речевого действия является именительный субстантив – антропонима, доминантным в представлении адресата – дательный антропонима. Последнее место на шкале актуализаторов глагольной семантики и способов представления элементов предсистемы говорения занимают обстоятельственные распространители. Они соотносятся с акустическим, манифестационным, императивным и номинативным аспектами речи. Самыми информативными в диагностировании семантики говорения являются распространители со значением акустико-физиологической характеристики.

Таким образом, все выявленные нами и проанализированные глаголы, соотносимые в литературном и диалектном тексте с процессом говорения (ядерные и функционально-текстовые, общерусские, стилистически отмеченные и нейтральные, диалектные и авторские), представляют собою языковое системное образование – континуум дискретных языковых единиц, природа которого соответствует лексико-семантической группе глаголов говорения. Континуальная природа глаголов говорения обнаруживается их сочетаемостью. Общее и специфическое функциональных разновидностей языка в представлении ситуации говорения обнаруживает текст.

Следовательно, ЛСГ глаголов говорения – ярчайшее воплощение когнитивного «артефакта», философствования о языке, а значит, и надежный источник их специального исследования. Поэтому именно ЛСГ – языковая реальность и, одновременно, научный конструкт – представляет идеальную модель и ЛСС, и языковой системы в целом, и межуровневых отношений в ней, и всех их моделей: научной, концептуальной, языковой во всех ее вариациях (национальной, наивной, художественной, индивидуальной). Глагольные же ЛСГ в силу специфики (сигнификативности, синтагматичности, текстообразующего потенциала) знакового значения глагола, его многовалентности, конституирующей роли в предложении позволяют познать языковую систему и ЯКМ ещё и в динамике – в соотносительности дискретного и континуального компонентов – языковой картины мира и языкового сознания этноса.

И, если развить известную метафору философа Мартина Хайдеггера «Язык – дом бытия человека» и принять не менее известное ее лингвокультурологическое продолжение («Каждый этнический язык – это уникальное коллективное произведение искусства, неотъемлемая часть культуры народа, орган саморефлексии, самопознания и самовыражения национальной культуры» [12, 135]), закономерной должна быть признана категоризация языка как главного творения мысли, культуры и духа народа. Это лишает определение «артефакт» всякой метафоричности и превращает его в терминологическое, а художественный текст и языковую личность автора – в квинтэссенцию языкового сознания этноса – в достовернейший и информативнейший источник знания о языковой картине мира, в особенности при познании концептуализации и категоризации речемыслительной деятельности и человека говорящего.

Литература

1. Антонова С.М. Глаголы говорения как отражение модели речевого события и русского риторического идеала // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюл. – Красноярск: КГУ, 1998. № 3.
2. Антонова С.М. Говорение и мышление: языковое моделирование и источники его изучения // Вопросы функциональной грамматики. – Гродно: ГрГУ, 2002.
3. Антонова С.М. Глаголы говорения как часть художественной картины мира в новеллистике А.П. Чехова // Карский и современное языкознание. Материалы шестых научных чтений 25-26 января 1996г. – Гродно: ГрГУ, 1996.
4. Антонова С.М. Морфология речевого действия: ономаσιологический и функциональный аспекты // Вопросы функциональной грамматики. – Гродно: ГрГУ, 1998.
5. Антонова С.М. Предсистема и сочетаемость глаголов говорения // Русский язык: межведомственный сборник. Вып. 12. – Мн.: БГУ, 1992.

6. Антонова С.М. Речевое поведение в зеркале современного дискурса: диалектное и художественное моделирование // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы II Международной конференции 7-9 апреля 1999 г. Минск. В 3-х ч. – Ч. 2. – Минск: БГУ, 1999.
7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: (Логико-семантические проблемы). – М.: Наука, 1976.
8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999.
9. Бардина Н. Антропоцентризм как постулат и параметр языкового моделирования. // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови: Матеріали VII міжнародних Карських читань. 13-14 травня 1998 р. – Ніжин – Гродно: НДП, 1998.
10. Блинова О.И. Проблемы региональной лексикологии. Томск: ТГУ, 1975.
11. Кобозева И.М. О границах и внутренней стратификации семантического класса глаголов речи // Вопр. языкозн. – 1985. – № 6.
12. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: МАЛП, 1999.
13. Лотман Ю.М. Риторика. // Риторика, специализированный проблемный журнал. – М., 1995. – № 2.
14. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Язык как проводник и носитель знания // Русский язык за рубежом № 1-2, 1997.
15. Ничман З.В. Глаголы говорения (устной речи) в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Томск: ТГУ, 1980.
16. Соколов О.М. Вопросы префиксальной дивергенции // Вопросы языка и литературы. – Томск: ТГУ, 1970.
17. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 17. М., 1965.
18. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974.
19. Bever Th.G., Carrol J.M., Miller L. Introduction // Talking minds: The study of language in cognitive science. – Cambridge (Mass.), 1984.
20. Harman G. Cognitive science? // The making of cognitive science: Essays in honour of George Miller. – Cambridge (Mass.), 1988.

Summary

Examining the system and functioning of the lexical-semantic group «from the centre» (LSG), from the dominant, through the prism of the actualization of its system properties in their combinatory ability, the author reveals the modelling capability of the Russian verbs belonging to the LSG of speech verbs and presents the investigated group as an ideal dynamic model of the language picture of the world. The analysis is conducted taking into consideration the entire volume of the verbs used in a text to indicate the process of speech: nuclear and functional-textual, common stylistically marked, neutral, dialectical and occasional. The common and the specific between the functional variants of language in representation of a situation of speaking shows that the text is the result of individual language creative activity which embodies «a special vision of the world» developed in a given language group (associative sets, traditional ways of metaphorization and vividness in general, indirect nominations, etc.).

Поступила в редакцию 13.03.03.

УДК 808.26

Н.А. Барысенка

УСТАРЭЛЫЯ НАЗВЫ ПАДАТКАЎ У БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЧНАЙ ПРОЗЕ 80 – 90-х ГАДОЎ XX СТАГОДДЗЯ

Адну з груп устарэлай сацыяльна-эканамічнай лексікі ў гістарычнай прозе складаюць назвы падаткаў. Без іх ужывання немагчыма поўна адлюстраваць сацыяльна-прававое становішча людзей паднявольнага стану. Сяляне на працягу многіх стагоддзяў з'яўляліся асноўнымі вытворцамі прадуктаў, абкладаліся шматлікімі падаткамі. Усе назвы падаткаў, ужытыя ў мастацкіх творах гістарычнага жанру можна падзяліць на родавыя і відавныя. Першыя з іх валодаюць шырока акрэсленай семантыкай і выражаюць агульнае значэнне (*аброк, даніна, подаць, чыніш*). Другія характарызуюцца вузкім семантычным аб'ёмам і канкрэтнасцю (*дзесяціна, дзякло, замкавае, мезлева, падушнае, сярэбчына*).

Родавыя назвы падаткаў, абазначаючы адну і тую ж з'яву аб'ектыўнай рэальнасці (падатак наогул), выступаюць абагульняючымі ў адносінах да канкрэтных назваў падаткаў і знаходзяцца паміж сабой у сінанімічных адносінах. Паміж імі існуе розная ступень семантычнай блізкасці (поўная або частковая). Гэтыя сінонімы адрозніваюцца паходжаннем, магчымасцю спалучацца з пэўнымі словамі, некаторым адценнем, уласцівым для іх семантыкі.

Для рэалізацыі паняцця 'падатак наогул' ужываюцца лексемы *дань (даніна), подаць*.

Слова *дань* самае старажытнае ў падатковай тэрміналогіі. Узнікненне яго адносіцца да часоў утварэння старажытнай дзяржаўнасці. У старабеларускіх помніках ужывалася для агульнага абазначэння падатку з XIV стагоддзя [5, в.7, 242-243]. Але ў XVI стагоддзі значэнне слова *дань* пачало часткова супадаць са значэннем аднакаранёвага *даніна* 'падатак'. Апошняе, разам з тым, магло абазначаць 'паданне, падараванне'. З цягам часу слова *даніна* выцесніла слова *дань* [4, 166-167]. І.І. Насовіч у "Словаре беларускага наречья" прыводзіць у агульным абазначэнні падатку толькі слова *даніна* [12, 696]. У сучаснай беларускай гістарычнай прозе шырока ўжываецца гістарызм *дань (даніна)* 'натуральны або грашовы падатак, які ў старажытныя і сярэднія вякі збіраўся князем, феодалам са сваіх падданных або пераможцам з пераможанага народа' [13, т. 2, 133]: *Усе данямі абкладзены цяжкімі* [6, 169]; *Вольныя гэта і даніну не плоцяць! – задаволена вышчарыўся чорны дружынік* [10, 227]; *Альберт, праўда, яшчэ не бярэ даніну і царкоўную дзесяціну з ліваў* [7, 24]; *Аднаму не справіцца яму з данінай* [9, 339]. Даследчыкі мяркуюць, што слова *даніна* можна лічыць вытворным ад праславянскага **danь*. Аднак і форма **danina*, магчыма, таксама ўжо была праславянскай (параўн.: украінскае *даніна*, рускае *данина*, польскае *danina*) [16, т. 3, 125].

У сучаснай беларускай мове аналізуемая лексема ўжываецца са значэннямі: 'ахвяраванне, дар', 'тое, што неабходна аддаць як належнае, заслужанае' і 'вымушаная або мімавольная ўступка' [13, т. 2, 133]. У мастацкіх творах на гістарычную тэму яна выкарыстоўваецца і з пераносным значэннем: *Мяне магло не быць, бо маці дзюбаю раптам выкаціла адно яйка на самы край гнязда, кінула на цвёрдую страшную зямлю. Навошта яна гэта рабіла? Напэўна, жывыя аддавалі даніну небыццю* [7, 526].

Для абазначэння 'таго, хто плоціць дань (даніну)' ад асновы слова *дань* пры дапамозе суфікса *-нік* утвораны назоўнік *даннік*: *Лівы пакуль што лічацца даннікамі вялікага князя полацкага Уладзіміра Валадаравіча* [6, 24].

Формай збору даніны з княжацкіх васалаў з'яўлялася *палюддзе* [13, т. 3, 643]: *Часцей вяртаўся ён позна з палюддзя ці палявання; Неахвотна ездзіў на палюддзе* [10, 179]; *Палюддзе не зменшыў ты, а павялічыў* [10, 222]. Старажытнаруская *полюдие* 'подаць, якая збіралася князем з народа' паходзіць з выразу *по людьхъ* [14, т. 3, 321-322].

Сінанімічнымі, на думку складальнікаў Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы, з'яўляюцца гістарызмы *аброк* і *чыни*.

Аброк 'натуральны або грашовы падатак, які спаганяўся памешчыкам з прыгонных сялян' [13, т. 1, 72]: *На землях, якія належаць рыжскай царкве, крыху аслабіць царкоўную дзесяціну, замяніць яе больш лёгкім аброкам* [7, 199]; *А яшчэ вытрушваюць аброк* [11, 18].

Старажытнаруская *оброкъ* 'подаць, абет, абавязацельства' ўтварылася з **ob-rokъ* ад *реку* 'гавару, абяцаю' [14, т. 3, 108].

У сучаснай беларускай мове лексічная адзінка *аброк* ужываецца як дыялектызм са значэннямі: 'ахвяраванне рэлігійнага парадку', 'абяцанне, якое давалі богу, каб перасталі дзеці паміраць' [16, т. 1, 57].

Грашовы аброк на Беларусі і ў Літве ў XV-XIX стагоддзях называўся *чыни* [13, т. 5, 328]: *Дзвесце тысяч квіткаў за сплочаны чыни сабраў* [1, 197]; *Маці ж мая дамагалася, каб нам далі ў арэнду фальварак, за які наша сям'я плаціла чыни* [9, 233]. Старабеларускія формы *чынишь, цинишь, чинишь, чынишь* 'арэндная плата, чыниш' запазычаны ў XV стагоддзі з нямецкай мовы праз польскае пасрэдняства: старапольскае *czynsz* ад сярэдневерхнянемецкага *zins* 'подаць, дань' [3, 84].

Гістарызм *чыни* меў таксама значэнне 'рэгулярныя грашовыя плацяжы зямельнаму ўласніку за карыстанне зямлёй у феадальнай Еўропе' [13, т. 5, 328]. У Даля слова *чыни* мае значэнне 'аброк вольных сялян на памесных землях' [8, т. 4, 605].

Агульнарускі тэрмін *подаць* у старабеларускай мове меў прамое намінацыйнае значэнне 'ўсякага роду натуральны падатак' [4, 169]. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы падае гэты гістарызм са значэннем 'падушны падатак, што плацілі сяляне і мяшчане ў дарэвалюцыйнай Русі' [13, т. 4, 285]. З'яўляючыся экзатызмам, слова сустракаецца і ў творах пра Старажытную Беларусь: *Чакай сына з паходу і рыхтуй подаць* [9, 229]. Н.І. Гілевіч у артыкуле "Некаторыя назвы падаткаў у старабеларускай мове" лічыць яго ўтварэннем ад дзеяслова *даваць* [4, 166].

У творах гістарычнага жанру часта сустракаюцца відавыя тэрміналагічныя назвы падаткаў: *дзесяціна, дзякло, замкавае, мезлева, падушнае, сярэбчына*.

Дзесяціна 'падатак на карысць царквы ў памеры адной дзесятай часткі даходу' [13, т. 2, 170]: *Альберт, праўда, яшчэ не бярэ даніну і царкоўную дзесяціну з ліваў* [7, 24].

Першапачатковым лічыцца значэнне 'дзесятая частка ўраджаю', якое паходзіць ад лічэбніка *дзесяць* (праславянскае **desetъ*) [14, т. 1, 507].

У старабеларускіх помніках са значэннямі 'пабор, падатак, які складае дзесятую частку чаго-небудзь' і 'зборы, адлічэнні даходаў свецкіх уладароў на карысць царквы' аналізуемая лексема была пашырана з XVI стагоддзя [5, в. 8, 64-65]. *Дзесяцінай* называлася таксама 'мера зямельнай плошчы, роўная 2400 кв. сажням або 1,09 га, якою карысталіся да ўвядзення метрычнай сістэмы' [5, в. 2, 170].

Тэрмінам *дзякло* абазначаліся 'падаткі, якія збіраліся галоўным чынам збожжам (жытам, пшаніцай, аўсом) і сенам'. *Дзякло* – адзін з самых пашыраных натуральных падаткаў у Вялікім княстве Літоўскім: *Але, калі б ён не здаў паложанае дзякло і грошы за арэнду, то быць яму бітым; Дзякло ў гаспадарскі двор ён ужо адвёз* [9, 233, 325]. Тэрмін *дзякло* запазычаны з літоўскай мовы: літоўскае *duokle* – 'падатак' [2, 104]. Лексема *дзякло* ў старабеларускай мове зафіксавана ў тэкстах XIV

стагоддзя са значэннямі: 'падатак збожжам і сенам' і 'мера збожжавага падатку' [5, в. 9, 135].

Неабходна заўважыць, што лексема *дзякло* пад уплывам спецыфічных дыферэнцыраваных назваў магла тэрмінаафармляцца і выступаць у адпаведнай марфалагічнай форме *дзяклавае*: *Мікаш радаваўся – хопіць на дзяклавае, а чыни у яго гатовы* [9, 327].

Тэрмін *замкавае* абазначаў 'падатак на ўтрыманне замку': – *А квітавыя, а замкавыя!* [10, 254]. Можна меркаваць, што аналізуемая лексема ўтворана ад асновы слова *замак* пры дапамозе суфікса *-ав-*. Слова ж *замак* запазычана з польскай мовы: польскае *zamek* 'замак' [14, т. 2, 77]. У старабеларускай мове назоўнік *замковое* быў пашыраны з XVII стагоддзя [5, в. 11, 21].

Мезлева 'натуральны або грашовы падатак за ўтрыманне быдла' [3, 85]: *Мезлева ж трэба аплаціць грашыма* [9, 325]. Са значэннем 'падатак за кароў' тэрмін *мезлева* і яго фанетычны варыянт *мезлива* зафіксаваны ў слоўніку старабеларускай мовы з XV стагоддзя [5, в. 17, 315-316].

Назва *мезлева* з'яўляецца літуанізмам. У літоўскай мове *mezliava, mezliava < mesa* 'мяса' [4, 177-178].

Сярэбшчына 'грашовы падатак ваеннага прызначэння з усіх, без выключэння, саслоўяў' [4, 178-179]: *Маладая жанчына ў простым чэпчыку дапамагала бацьку лічыць сярэбшчыну, якую яшчэ трэба было здаць дзяржаўнаму войту* [9, 279]; *Зменшыць, напрыклад, сярэбшчыну – ваенны падатак* [15, 147]. Да паловы XV стагоддзя пад тэрмінам *сярэбшчына* разумеўся 'наогул усякі падатак, які спаганяўся срэбрам', і нават 'усякага роду грашовыя паборы'. Разам з тым, лексема *сярэбшчына* таксама служыла для абазначэння 'пастаяннай грашовай павіннасці на карысць вялікага князя ў цэнтральных абласцях Вялікага княства Літоўскага'. З другой паловы XV стагоддзя назва *сярэбшчына* была перанесена на 'надзвычайны, экстраардынарны падатак на ваенныя патрэбы, які рэгламентаваўся сеймам' [4, 178-179].

Пазней, ужо Пятром I, быў уведзены 'асабісты падатак з падатковых саслоўяў', які называўся *падушнае* [13, т. 3, 573]: *Накінуў нам падушнага – плацілі мы падушнае за жывых і умерлых* [11, 109]. Тэрмін *падушнае* – субстантыват ад прыметніка *падушны* 'які бярэцца з кожнага чалавека, з душы'.

Такім чынам, уся прааналізаваная лексіка-тэматычная група аб'ядноўвае назвы двух тыпаў: словы з агульным, адцягненым значэннем і дыферэнцыраваныя назвы з канкрэтным значэннем. Гэтыя два тыпы слоў суадносяцца паміж сабой як родавыя і відавныя тэрміны. Маючы адно і тое ж намінальнае значэнне, словы з агульным значэннем утвараюць сінанімічны рад, кампаненты якога адрозніваюцца некаторымі адценнямі галоўнага значэння, ужываннем і паходжаннем. Большая частка відавых назваў праславянскага паходжання, нязначная колькасць з'яўляецца запазычаннямі з польскай і літоўскай моў (*чыни, дзякло, мезлева*). Умелае выкарыстанне ў мастацкіх творах устарэлых назваў падаткаў дае магчымасць аўтарам больш поўна ўзнавіць рэальныя абставіны пэўнага гістарычнага перыяду.

Літаратура

1. Арлоў У. Міласць князя Гераніма: Аповесці. Апавяданні. – Мн.: Юнацтва, 1993. – 272 с.
2. Булыка А.М. Даўнія запазычанні беларускай мовы. – Мн.: Навука і тэхніка, 1972. – 384 с.
3. Булыка А.М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV-XVIII стст. – Мн.: Навука і тэхніка, 1980. – 256 с.

4. Гілевiч Н.І. Некаторыя назвы падаткаў у старабеларускай мове. – Сборник научных работ БГУ. – 1967. – Вып. 2. – С. 165-180.
5. Гiстарычны слоўнiк беларускай мовы. Вып. –22. – Мн., 1982 – 2002 (выданне працягваецца).
6. Говар В.А. Пялёстак і крынталь: Раман. – Мн.: Маст. лiт., 1990. – 309 с.
7. Дайнека Л. Меч князя Вячкі; След ваўкалака: Раманы. – Мн.: Юнацтва, 1993. – 606 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955. Т. 1-4.
9. Іпатава В.М. За морам Хвалынскім: Аповесць і апавяданні. – Мн.: Маст. лiт., 1989. – 351 с.
10. Іпатава В. Прадыслава: Аповесці і апавяданні. – Мн.: Беларусь, 1997. – 272 с.
11. Лiпскі У.С. Невядомы: Аповесць пра Ігната Грынявіцкага. – Мн.: Маст. лiт., 1990. – 295 с.
12. Словарь белорусского наречия, составленный И.И. Носовичем, СПб., 1870. – С. 696.
13. Тлумачальны слоўнiк беларускай мовы. У 5 тамах. – Мн., 1982 – 1984.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 576 с.; 1986. – Т. 2. – 673 с.; 1987. – Т. 3. – 832 с.; 1987. – Т. 4. – 864 с.
15. Шамякiн І. Вялікая княгiня: Раман // Маладосць, 1996. – № 1. – С. 91-144; № 2. – С. 75-175.
16. Этымалагічны слоўнiк беларускай мовы. Т. 1-8. Мн.: Навука і тэхніка, 1978-1993 (выданне працягваецца).

Summary

With the use of the given material the old terminology of taxes is being characterized. This lexico-semantic group unites gender and aspectual notions. Distinguishing feature of gender names of taxes lies in the unity of meanings and the possibility of making a line of synonyms, components of which differ by the shade of the main meaning, use and background. Aspectual and terminological names are more specific in defining concrete notions.

Поступила в редакцию 27.05.03.

УДК 808. 26-11

А.А. Валасенка

ЛЕКСІКА-ГРАМАТЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ САСТАЎНЫХ ВЫТВОРЧА-ПРАМЫСЛОВЫХ ТАПОНІМАЎ БЕЛАРУСІ

Сярод вытворча-прамысловых тапонімаў значную групу складаюць састаўныя тапонімы, што ўяўляюць сабой лексікалізаваныя словазлучэнні, у структуру якіх уваходзяць, як правіла, два кампаненты – суб'ект і агрыбут: *Новая Рудня, Сцяпанавая Пасека, Новая Цагельня, Высокая Буда, Малы Млынок, Дзямідава Жэсць, Смалакурны Завод, Чырвоны Араты, Будзенская Рудня, Крацкія Пасекі, Бандарскае Поле*. У такіх адзінках функцыю суб'екта (апорнага кампанента) звычайна выконвае субстантыў у сінгулятыўнай (*Новая Цагельня, Рудня Марымонава, Верхняя Рудня*) і плюратыўнай форме (*Малыя Кавалічы, Бліжнія Бондары, Вялікія Кавалічы*), на які і прыпадае асноўная сэнсавая нагрузка ўсёй

намінацыі. “Пры гэтым, нягледзячы на граматычна галоўную ролю субстантыўнага кампанента ў структуры словазлучэння, асноўную тапанімічную нагрузку выконвае атрыбутыўны кампанент” [1, 84].

Аналіз тапонімаў названай групы сведчыць, што ў якасці атрыбутыўнага кампанента, які можа знаходзіцца як у прэпазіцыі, так і ў постпазіцыі ў адносінах да дамінуючага субстантыва, найчасцей выступае прыметнік або назоўнік, радзей – лічэбнік, які дапасуецца да назоўніка: *Глебава Рудня, Рудня Марымонава, Новы Майдан, Барталамееўская Рудня, Дзямідава Жэсьць, Буда Буйнавіцкая, Буда Стадолицкая, Паташня I, Паташня II, Бортнікі I, Бортнікі II*.

У залежнасці ад лексіка-граматычнай характарыстыкі атрыбутыўных словазлучэнняў сярод састаўных тапонімаў вытворча-прамысловага тыпу можна вылучыць асноўныя мадэлі: “*якасны прыметнік + субстантыў*”, “*адносны прыметнік + субстантыў*”, “*прыналежны прыметнік + субстантыў*”, “*ад’ектываваны прыметнік + субстантыў*”, “*тапонім + лічэбнік*”.

1. *Састаўныя тапонімы “якасны прыметнік + субстантыў”*. У такіх тапанімічных найменнях якасныя прыметнікі, якія складаюць больш за 60 адзінак, часцей за ўсё ўказваюць на:

а) адносную ханалогію ўзнікнення геаграфічнага аб’екта, назва якога стала асновай састаўнога тапоніма: *Новая Рудзіца, Новая Руда, Новая Рудня, Новы Гуткоў, Новая Гута, Новая Цагельня, Новы Будкаў, Новая Буда, Новыя Буды, Новы Майдан, Новыя Ганчары, Старая Руда, Старая Рудзіца, Старая Рудня, Старая Цагельня, Стары Будкаў, Старая Будаўка, Стары Майдан, Старое Бондарава, Старыя Бондары, Старыя Ганчары, Старыя Буды, Стары Млын*;

б) колер аб’екта: *Чырвоная Рудня, Чырвоная Буда, Красны Пахар, Красная Буда, Чырвоныя Буднікі, Чырвоны Араты, Чырвоны Ваняк, Чырвоны Пільшчык*. Большая частка такіх састаўных найменняў, як сведчыць В. Лемцогова, з’явілася ў 20-60-я гады ХХ ст. Час узнікнення тапоніма з’яўляецца крытэрыем вызначэння семантыкі азначэння *чырвоны* [2, 90]. У дарэвалюцыйных найменнях прыметнік *чырвоны* ўжываўся ў такіх спалучэннях са значэннем “*чудоўны, прыгожы*”; у савецкі ж перыяд азначэнне *чырвоны* пачало выкарыстоўвацца пераважна са значэннем “*чырвоны, пурпуровы як сімвал рэвалюцыі*”. “У сферы айканіміі адбылося расшырэнне функцыянальных граніц новых азначэнняў” [3, 146]. Так, у тапонімах савецкага перыяду атрыбуты *чырвоны, красны* мелі не толькі метафарычнае значэнне “*рэвалюцыйны, сацыялістычны*”, але і неслі сэнсавую нагрузку “*новы, народжаны рэвалюцыйны*”. Паводле В. Лемцоговай, у 30-60-я гады ў беларускай тапанімічнай сістэме састаўныя тапонімы з азначэннямі *красны, чырвоны* сталі дамінуючымі: *Красны Мост, Чырвоны Пільшчык, Чырвоная Ніва, Чырвоная Паляна* і г.д. Толькі ў адной Гомельскай вобласці зараз больш за семдзсят тапонімаў з азначэннем *Чырвоны* [4, 3]. Пра гэта паэт Віктар Ярац, які нарадзіўся ў пасёлку *Красны Мост* Рэчыцкага раёна, пісаў: “Сваю назву пасёлак атрымаў адразу ж пасля рэвалюцыі. Тады было вельмі модна, распаўсюджана “фарбаваць” найменні гарадоў і вёсак чырвоным рэвалюцыйна-пралетарскім колерам. Адсюль – і *Красны* (а не які іншы) *Мост*” [5, 199];

в) памер ці форму геаграфічнага аб’екта, назва якога ляжыць у аснове субстантыўнага кампанента населенага пункта: *Малыя Кавалічы, Вялікія Кавалічы, Вялікая Кавалёўшчына, Вялікія Смалянцы, Вялікія Сітцы, Малая Паташня, Малая Кавалёўшчына, Малыя Кавалі, Вялікі Рудзец, Вялікія Кашэўнікі, Малыя Булатнікі, Малая Лубня, Высокая Буда, Малы Млынок, Малы Рудзец, Малыя Бортнікі, Малы Стары Шклоў*.

У гэтых кваліфікацыйных утварэннях выразна дамінуюць якасныя прыметнікі з азначальнымі антанімічнымі кампанентамі *стары – новы, вялікі – малы*,

якія выконваюць дыферэнцыйную функцыю і ўтвараюць палярызацыйныя пары /стары – новы/: *Старая Рудзіца – Новая Рудзіца, Старая Руда – Новая Руда, Старая Рудня – Новая Рудня, Стары Гуткаў – Новы Гуткоў, Старая Цагельня – Новая Цагельня, Ганчарова Новае – Ганчарова Старое, Старыя Ганчары – Новыя Ганчары, Старая Будаўка – Новая Будаўка, Старая Буда – Новая Буда, Стары Будкаў – Новы Будкаў, Стары Майдан – Новы Майдан, Старая Гута – Новая Гута, /вялікі – малы/: *Вялікая Кавалёўшчына – Малая Кавалёўшчына, Вялікі Рудзец – Малы Рудзец, Вялікія Кавалічы – Малыя Кавалічы, Вялікае Бондарава – Малое Бондарава, Вялікая Паташня – Малая Паташня*. Усяго намі засведчана больш за 20 такіх антанімічных пар. Кожны кампанент утварае непадзельную па структуры назву, але разам з тым і характарызуе аб'ект. Антанімічныя прыметнікі ўказваюць на адносную храналогію ўзнікнення паселішчаў і іх назваў. Паводле А. Ляўданскага, такія назвы з намінатывымі кампанентамі *руда, рудня* сведчаць, па-першае, пра тое, што побач са старымі руднямі ўзніклі новыя, дзе былі выяўлены адклады руды, а перанос радовішча на другое месца часам выклікаўся недахопам там сыравіны – балотнай руды [6, 19], што і паўплывала на ўзнікненне новага паселішча і садзейнічала тапанімізацыі. Населеныя пункты з антанімічнымі прыметнікамі *стары – новы* звычайна выяўляюцца ў межах аднаго раёна на невялікай адлегласці адзін ад аднаго. У састаўных вытворча-прамысловых тапонімах, утвораных па мадэлі “*якасны прыметнік + субстантыў*”, дамінуючую функцыю выконвае атрыбутывы кампанент у прэпазіцыі: *Старая Рудзіца, Новая Рудзіца, Новая Руда, Новая Рудня, Стары Млын, Старая Руда, Старая Рудня, Чырвоная Рудня*.*

Палярызацыйныя кампаненты *вялікі – малы* зараз не заўсёды ўказваюць на памер аб'екта, а толькі на адносны час яго ўзнікнення. У выніку пэўных сацыяльна-эканамічных прычын ранейшыя малыя па велічыні паселішчы нярэдка станавіліся большымі за былыя асноўныя, што яскрава сведчыць пра завяршэнне тапанімізацыі назвы.

2. *Састаўныя тапонімы “адносны прыметнік+субстантыў”*. Азначальнае слова /адносны прыметнік/ у тапонімах гэтай групы ўказвае на:

а) месцазнаходжанне тапанімічнага аб'екта, назва якога стала асновай субстантыўнага кампанента: *Бліжнія Бандары, Дальнія Бандары, Сярэдняя Рудня, Сярэдняя Печы, Бліжэйшы Млынок, Бліжняя Буда, Дальні Млынок, Верхні Млынок, Бліжні Млынок, Вуглавая Рудня, Ніжні Млынок, Ніжняя Рудня, Верхняя Рудня, Горныя Дайліды*. У гэтым выпадку азначэнне ўказвае на размяшчэнне населенага пункта адносна нейкага дамінуючага ў ваколіцах аб'екта;

б) якасць глебы: *Пясочная Буда, Цёпленькія Смалякі*;

в) прызначэнне прамысловага аб'екта: *Кардонная Фабрыка, Смалакурны Завод, Шклянны Луг*;

г) этнічную прыналежнасць заснавальнікаў паселішча: *Нямецкі Млынок, Жыдава Буда*.

Гэты тып вытворча-прамысловых тапонімаў складае каля 40 адзінак. Бінарныя атрыбутывыя кампаненты *ніжні – верхні, бліжні – дальні*, якія займаюць прэпазіцыйнае становішча, выконваюць дыферэнцыйную функцыю і ўтвараюць антанімічныя пары: /*ніжні – верхні*/: *Ніжняя Рудня – Верхняя Рудня, Ніжні Млынок – Верхні Млынок*; /*бліжні – дальні*/: *Бліжнія Бандары – Дальнія Бандары, Бліжні Млынок – Дальні Млынок*.

Сустракаюцца і трайныя адпаведнасці /*верхні – сярэдні – ніжні*/: *Верхняя Рудня – Сярэдняя Рудня – Ніжняя Рудня*. Азначальныя кампаненты ў такіх назвах указваюць на размяшчэнне паселішчаў адносна цячэння ракі.

3. *Састаўныя тапонімы “прыналежны прыметнік + субстантыў”*. Атрыбутывыя кампаненты ў названай мадэлі суадносяцца звычайна з антрапонімамі

і ўказваюць на асобу ўладальніка аб'екта ці на яго прыналежнасць уладальніку: *Сцяпанавы Пасека, Дзямідава Жэсць, Кавалёва Лаза, Францава Буда, Глебава Рудня, Рудня Марымонава, Ісакава Буда, Фядотава Буда, Мар'іна Буда, Пасека Кір'янава, Буда Арцёмава, Руда Юльянава, Рудня Гулева, Рудня Шлягіна, Янава Рудня, Дзямідаўская Рудня, Антонаўская Рудня, Есінава Рудня, Якавіны Печкі*. У гэтай мадэлі пераважае антрапанімічны азначальны кампанент з уласным імемем (*Есінава, Сцяпанавы, Фядотава, Янава* і г.д.). У большасці выпадкаў атрыбут знаходзіцца ў прэпазіцыі ў адносінах да субстантыва. Вытворча-прамысловых тапонімаў гэтай групы намі зафіксавана больш за 30 адзінак.

4. *Састаўныя тапонімы "ад'ектываваны назоўнік + субстантыў"*. Тапонімы названай групы складаюць каля 50 адзінак. Ролю субстантыўнага кампанента выконвае тапонім. Атрыбутыўны кампанент найчасцей матываваны другім тапонімам і ўказвае на адносную прыналежнасць новай назвы да старой, ад якой утвораны ад'ектыў. Гэта звязана ў першую чаргу з тым, што асноўная частка прадпрыемстваў канцэнтравалася ў старых пасяленнях або паблізу іх. Тапонімы вытворчага характару нярэдка заключаюць указанне, да якой вёскі ці іншага дамунуючага ў ваколліцах аб'екта належыць тое ці іншае прадпрыемства [3, 47]. Так, лексічнае словазлучэнне *Смалегаўская Рудня* сведчыць пра тое, што тапанімічная назва ўзнікла на аснове наймення населенага пункта *Смалегаў*. Такім спосабам утварыліся і астатнія тапонімы гэтай групы: *Налібоцкая (Налібокі) Рудня, Пільнянская (Пільня) Рудня, Завішынская (Завішына) Рудня, Лешчанская (Лешчанка) Гута, Лютненская (Лютня) Буда, Тулаўскія (Тулава) Бондары, Лісінская (Лісіно) Рудня, Нова-Ганцавіцкая (Нова-Ганцавічы) Рудня, Ліпічанская (Ліпічанка) Руда, Петрыцкая (Петрыцае) Буда, Кляпінская (Кляпіна) Буда, Ісканская (Іскань) Кашалёўка, Казельская (Казелле) Буда, Галоўчыцкая (Галоўчыцы) Буда, Прыбыткаўская (Прыбыткі) Рудня, Усохская (Усохі) Буда, Хлупінская (Хлупін) Буда, Буда Буйнавіцкая (Буйнавічы), Буда Стадоліцкая (Стадолічы), Рудня Астражанская (Астражанка), Рудня Мілашэвіцкая (Мілашэвічы), Рудня Локніцкая (Лохніца), Рудня Тонежская (Тонеж), Папоўская (Папоўка) Рудня, Асінаўская (Асінаўка) Гута, Стаўбунская (Стаўбун) Рудня, Стаўбунская (Стаўбуны) Будзішча, Сіманіцкая (Сіманічы) Рудня, Малевіцкая (Малевічы) Рудня, Буднянская (Буда) Слабада, Гарбавіцкая (Гарбавічы) Рудня, Дудзіцкая (Дудзічы) Рудня, Ятушкавіцкая (Ятушкавічы) Рудня, Прусінская (Прусін) Буда, Смолькаўская (Смолька) Буда, Дворцакая (Двор) Буда, Аголіцкая (Аголічы) Рудня, Вячканская (Вячкын) Рудня, Убарацкая (р. Убарыць) Рудня, Белабярэжская (Белы Бераг) Рудня, Нісімкавіцкая (Нісімкавічы) Рудня, Малевіцкая (Малевічы) Рудня, Антанюўскія (Антанюўка) Пасекі, Крайска (Крайск) Пасекі, Смалегаўская (Смалегаў) Рудня, Лельчыцкая (Лельчыцы) Рудня, Гарбавіцкая (Гарбавічы) Рудня, Перароўскі (Перароў) Млынок, Палаўкоўскі (Палаўкі) Млынок*.

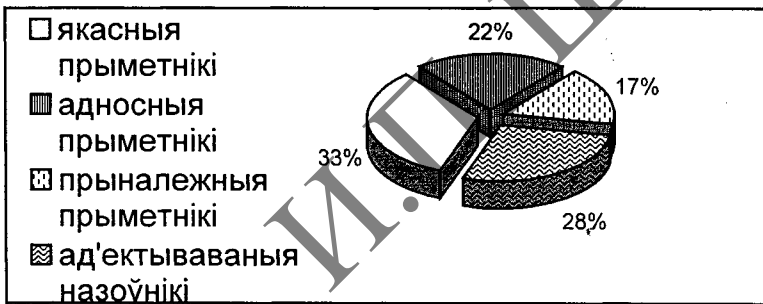
5. Тапанімічную выдзяляльную функцыю выконваюць і лічбавыя абазначэнні, якія, па сутнасці, з'яўляюцца сінонімамі палярызацыйных атрыбутаў (*стары – новы – самы новы*). На Беларусі адзначана больш за 15 вытворча-прамысловых тапонімаў, у складзе якіх ужываецца дыферэнцыятар: *Пасекі I, Пасекі II; Ганчары I-я, Ганчары 2-я; Кавалёўка I, Кавалёўка II; Бандары I, Бандары II, Бандары III; Дайлідава 1-е, Дайлідава 2-е; Старамлыны I-я, Старамлыны 2-я; Бортнікі I, Бортнікі II; Паташня I, Паташня II*. Звычайна дыферэнцыруючы лічэбнік-азначэнне ўжываецца постпазіцыйна.

Сярод састаўных вытворча-прамысловых тапонімаў зафіксаваны таксама трохкампанентныя састаўныя словазлучэнні, якія зараз не функцыянуюць. Так, у склад тапонімаў *Верхняя Мальцы, Ніжняя Мальцы* першапачаткова ўваходзіла лексема *Рудня: Рудня Верхня-Мальцаўская, Рудня Ніжня-Мальцаўская* [6, 5], што

сведчыць пра архаізацыю і нізкую прадуктыўнасць гэтай мадэлі ў сучаснай тапанімічнай сістэме Беларусі. У працэсе бытавання адбылася іх уніфікацыя: трохкампанентныя тапонімы ператварыліся ў двухкампанентныя (*Рудня Верхня-Мальцаўская* > *Верхняя Мальцы*, *Рудня Ніжня-Мальцаўская* > *Ніжняя Мальцы*). Тэндэнцыя да структурнага пераафармлення анімаў, відаць, тлумачыцца заняпадам руднага промыслу ў ваколіцах гэтых паселішчаў.

Звяртае на сябе ўвагу колькасная неадпаведнасць тапанімічных назваў з антанімічнымі парамі *стары – новы*, але яна не ўносіць супярэчнасці ў беларускую тапанімічную сістэму. Па-першае, многія тапонімы з атрыбутам, які паказвае час узнікнення, проціпастаўляюцца простым тапонімам: *Новая Гута – Гута*. Па-другое, наўрад ці можна выявіць антыподы тапонімам савецкага часу, якія неслі пэўную ідэалагічную канатацыю: *в. Зара Новай Жызнi*, *в. Новае Жыццё*, *в. Новы Пахар*.

Такім чынам, вытворча-прамысловыя састаўныя тапонімы Беларусі з'яўляюцца апісальнымі характарыстыкамі геаграфічных аб'ектаў для ліквідацыі айканімічнай аманіміі. Найбольш прадуктыўнымі з'яўляюцца састаўныя вытворча-прамысловыя тапонімы з азначэннем, выражаным якаснымі прыметнікамі (33%) і ад'ектываванымі назоўнікамі (28%). Найменш ужывальныя з адноснымі (22 %) і прыналежнымі (17 %) прыметнікамі.



Прадуктыўнасць атрыбутыўных кампанентаў у састаўных вытворча-прамысловых тапонімах Беларусі.

Літаратура

1. Янушкевіч С.А. Уласныя назвы населеных пунктаў Заходняй Гродзеншчыны. Дыс. ...канд. філал. навук: 10. 02. 01. – Гродна, 1998. – 195 с.
2. Бабушкіна Н.І. Састаўныя айконімы Брэстчыны і іх структурныя тыпы // Беларуская аномастыка. – Мн., 1981. – С. 88-100.
3. Лемцігова В.П. Беларуская айканімія. – Мн., 1970. – 156 с.
4. Лемцігова В.П. Гэта нашы вёскі // Звезда. – 1991. – 19 красавіка. – С. 4.
5. Шур В.В. Беларускія ўласныя імёны. – Мн.: Маст. літ., 1998. – 239 с.
6. Ляўданскі А.Н. Да гісторыі жалезнага промыслу на Палессі. “Працы Палескай экспедыцыі”, вып. 2. – Менск, 1933. – 50 с.
7. Хроніка Убарцкага Палесся / Аўтар-уклад. А.І. Атнагулаў; Навук. рэд. В.Л. Насевіч. – Мн.: Тэхналогія, 2001. – 496 с.

Summary

The article considers the lexico-grammatical peculiarities of the most typical models of compound handicraft-industrial toponyms in Belarus.

Поступила в редакцию 03.03.03.

УДК 82-1 (476)

А.В. Ваньковіч

**“І СВЕТА ПІД ВЯСЁЛКАЙ ШЧАСЛІВАЙ ...”:
КОЛЕРАВАЯ ПАЛІТРА ПАЭЗІІ У. ВЕРАМЕЙЧЫКА**

Для даследавання эстэтычнага патэнцыялу паэзіі У. Верамейчыка важнае значэнне мае вывучэнне колеравай палітры яго вершаў, якая адпавядае і агульначалавечым уяўленням аб прыгожым, і народным беларускім традыцыям, якія замацаваны гісторыяй.

Выбар лобым паэтам прыярытэтных колераў – гэта вельмі складаны творчы працэс, у якім, паводле В. Русілікі, трэба ўлічваць многія фактары: уласцівыя беларускаму менталітэту спадчыныя гістарычныя колеравыя сімвалы, задуму, змест і ідэю твора; адметнасць паэтычнага светабачання мастака, яго эстэтычныя густы і схільнасці; псіхалагічны і нават фізічны стан аўтара; канкрэтную жыццёвую сітуацыю, у якой нісаўся твор [8, 25].

Улік названых фактараў у сукупнасці і параўнанне колераабзначэння ў розных зборніках У. Верамейчыка даюць магчымасць зрабіць некаторыя вывады аб спецыфіцы светаўспрымання, унутраным стане паэта і ідэяна-мастацкай гармоніі яго паэзіі.

Вынікі назіранняў за колеравай палітрай у паэзіі У. Верамейчыка адлюстраваны ў табліцы:

Колькасць слоў-колераабзначэнняў

Колер Зборнік	Белы	Чырвоны	Ружовы	Барвовы	Калінавы	Бурштынны	Аранжавы	Жоўты	Золата	Срэбра	Сівы, шэры	Зялёны	Сіні	Блакітны	Бэзавы	Вясёлка	Чорны
	“Прыпяць” (1973)	1		1						5		1	3	4	3		
“Яснасць” (1978)	2		1			1		1		1	2	5	3	1		2	
“Люблю!” (1981)	3			1					2		2	8	2	1		1	5
“Кіануся Прыпяццо” (1988)	5	4	2		1		1	1	1	1	1	2	7	1			
“Ліхаўня” (1997)	7	1	1					2				6	3		2		5

Нескладана заўважыць, што вядучымі колерамі “жывапісу” У. Верамейчыка з’яўляюцца белы, сіні, зялёны, сівы (шэры), ружовы, залаты, блакітны, чорны (прысутнічаюць амаль ва ўсіх зборніках паэзіі). Адзінакавыя выпадкі выкарыстання барвовага, аранжавага, бурштыннага, калінавага і іншых колераў. Наогул, ужыванне колераабзначэнняў у паэзіі У. Верамейчыка налічвае больш за 130 разоў, прычым найменш у першым зборніку “Прыпяць” (каля 20 разоў), найбольш – у апошнім зборніку “Ліхаўня” (звыш 30 разоў) па ўзрастанню.

Прыступаючы да канкрэтнага аналізу слоў са значэннем колеру (улічваліся як прыметнікі, так і іншыя часціны мовы, напрыклад: **сіні, сіль, сінеча, сінець** і г.д.), трэба адразу заўважыць, што самым распаўсюджаным, любімым колерам У. Верамейчыка з'яўляецца зялёны, які прысутнічае ва ўсіх кнігах паэта. У хрысціянскай традыцыі зялёны колер сімвалізуе надзею на несмяротнасць душы, у фальклору – надзею ўвогуле, маладосць, рост. У народных павер'ях беларусаў і іншых славян зялёны – колер расліннасці, зеляніны, жыцця [7, 73]. Таму часцей за ўсё зеляніна – сімвал вясны, амалоджвання, радасці ўжываецца ў паэзіі У. Верамейчыка ў дачыненні да Беларусі і яе асобных рэгіёнаў: “рэспубліка зялёная”, “зямля зялёная беларусаў”, “зялёныя сцягі вясны”, “зялёная Беларусь”, “хвой зялёных імжа”, “зялёныя павекі рэк”, “вечназялёны лес”, “Рэчыца зялёная”. Наватворамі У. Верамейчыка можна лічыць “раззялёны май”, “зялёнаагністы кіпарыс”. У вершы ж “Званок у Юнацтва” зялёны колер – сімвал кахання, юнацкай бесклапотнасці на “зялёнай лавачцы” пад “зялёным клёнікам” [3, 69]. Псіхолагі лічаць, што зялёнае суцішае боль, супакойвае, а людзі, якія аддаюць перавагу гэтаму колеру, цвёрдыя, мэтанакіраваныя, упэўненыя ў сабе. У частым выкарыстанні зялёнага колеру паэтам – прага псіхалагічнай устойлівасці, жаданне дзейнічаць мэтанакіравана. Часцей за ўсё ў зялёнае “афарбаваны” вобразныя бачанні У. Верамейчыка, звязаныя з успамінамі пра маленства, родныя мясціны, Прыпяць або ў цэлым пра Беларусь, асабліва за межамі роднай краіны, калі для паэта быў жаданым колер спакою і раўнавагі, “зялёная ціша вёскі”, берагі Прыпяці з “зыркай травой” (падобна на коласаўскія “зялёныя аксаміты балот і лясоў” над Прыпяццю).

Сіні колер мае сімвалічнае значэнне смутку, холаду і разам з тым спакою. Па эмацыянальным уздзеянні гэта пасіўны колер, бесканфліктны. Найчасцей у Верамейчыка сіні колер звязаны з вобразам Прыпяці: “сіняюккія хвалі”, “сіняя глыба вады”, “сіні лёд”, “сіняя вада”, “сіні туман” над ракою, “сіняя смуга” і г.д. Сімвал Беларусі – васілёк – паэт называе “сіняюккай зоркай” (памянінальна-ласкавыя суфіксы падкрэсліваюць прыхільнасць паэта да сіняга колеру). “Любоў” да сіняга сведчыць пра задаволенасць сітуацыяй, спакой. Гэта і нараджае метафары:

Навошта радасць і адчай
Мне дорыць гэты позірк сіні?
А шчасце льецца цераз край –
Я так люблю дачку Аксіні ... [4, 180].

Блакітны колер сустракаецца не так часта, але таксама важны ў паэзіі У. Верамейчыка. У адных вершах гэта звычайны “неба блакіт”, метафарычны “блакітны ранак”, у другіх, антываенных, – гэта сімвал міру, спакою: вайна

... у адных адабрала блакіт,

А другім накідала на скроні
Столькі,
колькі магло
сівізны ... [3, 13].

Іншы раз колераабзначэнне “блакітны” мае асацыятыўны характар, сімвалізуе бесклапотнасць, дзіцячыя захапленні загадкавага жыцця, як у вершы “Я іду у блакітнае ранне ...”, які адкрывае зборнік “Прыпяць” (1973):

Я іду у блакітнае ранне жыцця,
У дзяцінства сваё залатое.
Пахне пожняй гарэлай глухая ралля,
Пахне поле крутым сырадоём [1, 3].

Невыпадкова М. Даніленка ў сваёй рэцэнзіі да зборніка “Прыпяць”, якую так і назваў – “У блакітнае ранне жыцця”, пісаў наступнае: “У паэзіі Ул. Верамейчыка

шмат свежых фарбаў, арыгінальных параўнанняў. У аўтара – сваё бачанне свету, свае адносіны да тэмы, за раскрыццё якой ён бярэцца” [6, 7].

Ахраматычны белы колер у індаеўрапейскай сімволіцы атаясамліваецца з найвышэйшай святасцю, гэта сімвал чысціні, гармоніі, законнасці, агульнапрынятасці. Гэта колер жыцця, і мацярынства (малако), міру, веры. Гэтае значэнне агульнае для еўрапейскіх народаў і заходнееўрапейскай царквы. У казках народаў свету, у тым ліку і славянскіх, белы колер – сімвал цнатлівасці, духоўнай чысціні. У павер’ях жа ўсходніх славян (як і іншых славянскіх народаў) з белым колерам звязаны процілеглыя ўяўленні. З аднаго боку, колер асацыіруецца з дзённым святлом, з жыццём і жыццёвай сілай, якая ўвасабляецца ў малацэ і яечным бялку. Разам з тым белы колер можа атрымліваць і процілеглае сімвалічнае значэнне: ён як бы “нейтралізуе” ўсе іншыя колеры і суадносіцца з пустатой, безжыццёвасцю, замагільным светам і смерцю [7, 23-24].

Як вядома, хрысціянскія святых малююцца на абразях заўсёды ў вопратцы белага колеру, белы – асноўны колер ручнікоў, сімвал чысціні, святасці і жыцця. Менавіта ў такім значэнні выкарыстоўвае У. Верамейчык часцей за ўсё белы колер: Беларусь юбілейная ў яго ідзе, “абрусам белым выслаўшы палі” [3, 36], рыбацкая сетка нагадвае лірычнаму герою “рушнік, / Што беллю сваёй берагі два нітуе”, “бель палатном” [5, 69], а потым яму бачацца “у белі кужальнай у свята сталы” [5, 71].

Вельмі часта белы колер выступае адзнакай:

– зімовага пейзажу:

Звіні снягамі, Рэчыца, ў завеі,

У белы вэлом дрэвы аздабляй! [4, 156].

У гародзе тваім – мяцеліцы бялейшыя ... [4, 150].

– бярозавага гаю: каханай лірычны герой хоча пакінуць “мазырскіх бяроз беластволы тугі карагод” [5, 39]; бярозы “Прыпяць у белы адчай захмялілі” [4, 157] і г.д.

Як сімвал мацярынскага пачатку ў нейкай ступені можна разумець белае колераабзначэнне ў наступных радках:

Люляе горад бель мікрараёнаў,

Стары Мазыр – у бэзавай імгле [5, 37].

У вершы “Вясковы эцюд” – лепшы прыклад выкарыстання белага колеру як сімвала міру і спакою:

Над белаю, халоднаю грушай

Узносіцца з коміна дым,

І сонна нясмелае сушыць

На лісціках кроплі вады [4, 168].

Протілеглыя значэнні старасці, сівізны (з аднаго боку) і маладосці, юнацтва, каханні (з другога) сумяшчаюцца ў белым колераабзначэнні і сімвалізауюць песімізм, безнадзейнасць, адчай:

Даўно апалі белья пялёсткі

Маёй студэнцкай першае вясны ... [1, 21].

Адплываюць годы-параходы

Па завітай штормаў траве,

Пабялелі нашы агароды,

Кроў у жылах сцішана раве.

... Ў павуцінні белым панадворак,

Серабрыцца нітачка слязы [2, 65].

Нарэшце, у паэме “Ліхаўня” асноўнае значэнне белага колеру – смерць, пустага; белы – сімвал чарнобыльскай бяды: бульдозер “бязлітаснай белаі лапатай” ... “жытло заганяў у вечную яму” [5, 73].

Перавага белага колеравага коду ў паэзіі У. Верамейчыка дае права гаварыць пра код-апазіцыю “белае-чырвонае”. Чырвоны колер, як і белы, спрадвеку быў асноўным для славян і лічыўся сімвалам агню і вечнага жыцця. Разам з белым колерам чырвоны лічыўся святым, выкарыстоўваўся ў адзенні, дойлідстве і г.д. У хрысціян бела-чырвонае колераабзначэнне сімвалізуе пакуты Хрыста, пралітую за людзей кроў. Таму, магчыма, у Верамейчыка, як і ў іншых паэтаў і пісьменнікаў, чырвоны – асноўны колер у вершах з ваеннай тэматыкай, дзе гаворка ідзе пра геральдыку людзей (“чырваназорныя танкі”, “чырвоныя істужачкі папах”, “барвовыя праменьніца сцяг” (роднасны колер) і г.д.).

Часта ў вершах У. Верамейчыка называе код-апазіцыю “белы-чырвоны”, а не паасобку белы і чырвоны колеры:

Ў горадзе тваім усходы чырванейшыя ...

... Ў горадзе тваім – мяцеліцы бялейшыя [4, 150].

Чырвоны колер асацыіруецца і са знешняй прыгажосцю, таму сваю нявесту лірычны герой бачыць “у сукенцы простаі і вясельнай / І прыгажэйшай за чырвоны мак” [4, 164].

Ужыванне кода-апазіцыі “бела-чырвонае”, магчыма, сведчыць пра жаданне паэта эстэтызаваць колеры нацыянальнага сцяга, які актыўна ўжываўся беларускай грамадскасцю да сярэдзіны 20-х гг. У зборніку “Ліхаўня” гэтае жаданне канкрэтызавалася: “**бел-чырвон-белы сцяг ... / Будзіць сонных яшчэ і вітае зару**” [5, 3].

Ружовы колер – спалучэнне чырвонага і белага, абзначае прывабнасць, пекнату, чароўнасць. Ён сустракаецца рэдка ў паэзіі У. Верамейчыка, але мае выключнае значэнне. Часцей за ўсё ружовы ў паэта – сімвал міру, чысціні, спакою:

Я іду у ружовае ранне жыццё,
У дзяцінства сваё залатое ... [1, 3].

... Сын мой зачаты у Хойніках **светла-ружовых**, –

Мір, чысціня і святлынь панавалі у мілым кутку [5, 43].

“**Ружовай палоскай**” называе паэт у вершах на тэму кахання Прыпяць, а само пачуццё да каханай часта звязана з “**ружовым туманам надзей**”.

У нешматлікіх вершах колер сімвалізуе пекнату і прывабнасць жанчын (верш “Мужчынам”):

Каташкі ювелірацца на завушніцы

На **ружовыя** мочкі харошых жанчын [4, 182].

Колеравы код “залата” сустракаецца да 10 разоў і сведчыць яшчэ раз пра схільнасць паэта да актыўных колераў. Залаты колер, як і жоўты, сімвалізуе жыццялюбства, ураўнаважанасць, аптымізм, выклікае адчуванне цяпла і пачуццё асалоды. У Верамейчыка залаты колер звязаны як з вобразам любімай Прыпяці (яна “**залатабруйна**”, з “**пяском залатым**”; палеская вада, нібы з “**залатога вядзерца**”), з тэмай паэта і паэзіі (у паэтавага Пегаса “**залатая грыва**”), з вобразам каханай (яна “**залатакосая**”), так і з разважаннямі аб маладосці, шчаслівых хвілінах жыцця (там “**залатыя дзянёчкі**”, “**залатыя аблокі**”). Але сапраўды падкрэсленае “нагнятанне” гэтага колеру, якое стварае моцнае ўражанне чыстага колеру і адпаведны настрой, сустракаем у вершы “Я іду у блакітнае ранне...”, дзе код “залаты” паўтараецца чатыры разы як рэфрэн. Кожны раз паэт па-новаму тлумачыць, чаму ён лічыць сваё далёка не бясхмарнае маленства залатым, ганарыцца, што выйшаў пераможцам з усіх выпрабаванняў пасляваеннага часу.

Чыста жоўты колер называецца рэдка. У пейзажных вершах бачыцца “жоўты пясок”, у вершы “Расстрэл бюракрата” паэт гаворыць пра “жоўта-абвугленыя шаты” атручанай прыроды, а ў паэме “Ліхаўня” жоўты колер пяску наогул атаясамліваецца са смерцю, з пахаваннем:

У ямах– магілах закрылі павекі
Пад горбікам жоўтай жвірастай зямлі
Ўсе мары людзей, што жылі тут спрадвеку,
Але ж ім спакойна дажыць не далі [5, 73].

Выкарыстанне паэтам светлага, сонечнага жоўтага колеру ў такім значэнні сведчыць пра расчараванне, трывогу, песімізм.

Шэры, сівы– колеры нейтральныя паміж белым і чорным. У Верамейчыка з выкарыстаннем шэрага і сівога колераў звязаны элегічныя, песімістычныя матывы, развагі пра старасць, хваробы, нават смерць:

Мы сябра хавалі,
Па шэраму бруку
Ішлі за цяжкаю труной [2, 53].

Аголена ўся сутнасць да адчаю,
І вольхай шэраю
Туга сплыла [2, 54] (верш “**Восеньскі лес**”).

У познім сене дрэмле **восень** чуйна,
У прымаразку– **сівізна** грады [1, 18].

Дарэчы, **восень** – любімая пара года паэта, і псіхалагічны стан лірычнага героя вершаў у прыведзеных прыкладах адпавядае **восеньскаму** “сумнаму” надвор’ю.

Чорны колер ужываецца даволі часта ў паэзіі У. Верамейчыка. Але калі ў першым зборніку мы сустракаем адзінкавыя прыклады, то ў апошнім гэта вядучае колераабзначэнне (побач з зялёным і белым). У народных павер’ях чорны колер надзяляецца негатыўнай сімволікай, звязаны з уяўленнямі аб ночы, цемры, безжыццёвасці, замагільным свеце, смерці і жалобе. Менавіта на гэтых уяўленнях заснавана выкарыстанне чорнага колераабзначэння ў зборніку У. Верамейчыка “Ліхаўня”, галоўнай у якой з’яўляецца экалагічная праблема і чарнобыльская тэма ў прыватнасці. Паэт з болей асуджае чалавечы бюракратызм, безадказнасць і паказвае іх наступствы: “закруціў мяне **чорны** палескі трохкутнік”, усё жывое загнаў у зямлю “**чарнобыльскі чорны** бульдозер”, у “**чорных** мундзірах” “пачвары-нейтроны жыццю б’юць пад дых”, не дае спакойна жыць “**ЧОРНЫ** ТОЙ красавік” [5; 43, 63, 72, 76] і г.д. Пара хімізавода, падобная на “**чарненную** хмару”, атручвае ўсё наваколле. У прыведзеных прыкладах чорны колер перадае ідэю **небыцця, знікнення.**

Матыў-вобраз чорнага снегу – адзнака вершаў У. Верамейчыка пра вясновую пару (“шкілеты яблынь на **счарнелым** снезе”, “між **чорных** снягоў” блішчыць бруснічнік і г.д.). “**Чорныя** віры” Прыпяці сведчаць, хутчэй за ўсё, пра глыбіню, магутнасць, рыбае багацце і неразгаданыя сілы ракі. А ў вершы “Размова з інфарктам міякарда” “калода **чорная** карт” у хваробы, якая прыйшла “ходам **чорным**”, – сімвал смерці, **небыцця, злога року.**

Акрамя згаданых вышэй колераў, у паэзіі У. Верамейчыка ёсць і іншыя, якія сустракаюцца ў адзінкавых выпадках, але надаюць творам жывапіснасць і вобразнасць. Гэта **серабрысты** (“серабрыстая ўдача” – рыба, “серабрыцца, ззяе Прыпяць”), **калінавы і аранжавы** (“калінавы водсвет” лютага, “аранжавы водсвет вясёлых кастоў”), **бурштынны** (“хвалі бурштынныя” ракі), **бэзавы** (“бэзавая замяць рос”) і іншыя колеры.

Такім чынам, колеравая палітра паэзіі У. Верамейчыка вельмі багатая і разнастайная, сумяшчае прапарцыянальна актыўныя і пасіўныя, светлыя і цёмныя колеры, што сведчыць пра гарманічны духоўны свет аўтара і яго лірычнага героя. Прыярытэтны выбар колеру гаворыць пра псіхалагічны стан паэта ў час напісання твораў.

У. Верамейчык мае схільнасць да “чыстых” колераў, што адпавядае патрабаванням класічнай эстэтыкі аб прыгажосці чыстага колеру (Гегель, Кант, Гётэ). Іншы раз сустракаецца нават падкрэсленае “нагнятанне” колеру, калі адзін і той жа код называецца побач некалькі разоў (як у вершы “Я іду у блакітнае...”), што стварае моцнае ўражанне чыстага колеру.

Іншы раз, аднак, паэт змешвае некалькі колераў (“залатая просінь”, “агонь блакітны”), у чым бачыцца арганічная ўласцівасць творчай манеры У. Верамейчыка і яго асабовая псіхалагічная арганізацыя, гнуткасць светапогляду, пачуццёвае бачанне, эмацыянальнасць. Рэалістычныя колераабазначэнні суседнічаюць з рамантычнымі, умоўнымі, што стварае таямнічы, магічны каларыт паэзіі. Чыстыя, “бытавыя” колеры супрацьпастаўлены блікам, зьяню, няясным адценням колеру; моцна выражана тыповая для рамантыкаў апазіцыя “цёмны” – “светлы” (“светла-зялёны”, “светла-ружовы”, “чысціня і святлынь” – “чорны палескі трохкутнік” [5, 43] і інш.).

Матыў **вясёлкі** надзелены ў Верамейчыка супрацьлеглымі значэннямі. З аднаго боку, гэта сімвал міру, прыгажосці, шчасця:

Нядаўна

Выгульваўся дождж –

І свет

Пад **вясёлкай** шчаслівай [2, 47].

З другога ж боку **вясёлкавыя плямы** – вынік “безгаспадарлівых адносін чалавека да прыроды, паказальнік забруджанасці:

А Прыпяць

У **вясёлках** ад мазуту,

І не сыходзяць плямы,

Як дакор [2, 72].

Прыведзены вышэй аналіз колеравай гамы паэзіі У. Верамейчыка дазваляе гаворыць, з аднаго боку, пра выкарыстанне паэтам у сваіх вершах колераабазначэнняў, агульных для сусветнай, індаеўрапейскай, агульнаславянскай і беларускай (у прыватнасці) культур. З другога боку, выбар паэтам прыярытэтных колераў сведчыць пра рэгіяналізм яго творчасці і абумоўлены цеснай сувяззю У. Верамейчыка з палескім рэгіёнам (вершы найбольш насычаны **сінім**, **зялёным**, **шэрым** (нейтральны паміж белым і чорным) колераабазначэннямі, што адпавядае палескаму пейзажу, у якім пераважаюць лес, вада, балота і г.д.).

Такім чынам, багачце, сімвалічная насычанасць, псіхалагічная абгрунтаванасць колеравай гамы паэзіі У. Верамейчыка і яе глыбокая адпаведнасць ідэйна-мастацкай задачы паэта і характару яго светабачання робяць творы У. Верамейчыка высокаэстэтычнымі шэдэўрамі мастацкай думкі, якія годна ўпісваюцца ў агульначалавечую культуру.

Літаратура

1. Верамейчык Ул. Прыпяць: Вершы. – Мн.: Маст. літ., 1973. – 48 с.
2. Верамейчык Ул. Яснасць: Вершы. – Мн.: Маст. літ., 1978. – 80 с.
3. Верамейчык Ул. Люблю!: Лірыка. – Мн.: Маст. літ., 1981. – 78 с.
4. Верамейчык Ул. Клянуся Прыпяццю: Паэзія. – Мн.: Маст. літ., 1988. –

5. Верамейчык Ул. Ліхаўня: Вершы і паэма. – Мн.: Маст. літ., 1997. – 76 с.
 6. Даніленка М. У блакітнае ранне жыцця // Літаратура і мастацтва. – 1973. – 5 кастр. – С. 7.
 7. Коваль У.І. Народныя ўяўленні, павер'і і прыкметы: Даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі. – Гомель, 1995. – 180 с.
 8. Русілка В. Колеравая палітра паэмаў Якуба Коласа “Новая зямля” і “Сымон-музыка” // Роднае слова. – 1993. – № 11. – С. 25-29.

Summary

A comparison of the color meanings in the variety collections put into words poet's world outlook and harmony of art and national peculiarities of creative work of V. Veremeychik.

Поступила в редакцію 13.12.02.

УДК 800.853

М.А. Карлова, В.В. Кузьмич

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ КАК ИНТЕРТЕКСТ

Изучение литературной пародии в дискурсивном аспекте невозможно без обращения к проблеме интертекста. Это обусловлено тем, что любой текст (и текст художественного произведения в том числе) помимо систем «автор-текст-реципиент», «текст – реальная действительность», «текст-язык» функционирует еще в одной системе взаимоотношений, а именно: «текст – совокупность предшествующих текстов – (макротекст)». Без учета данной системы взаимоотношений ставится под вопрос адекватность восприятия и понимания содержания текстового материала. Такой подход берет свое начало с трудов М. Бахтина, выдвинувшего тезис о диалогичности текста и утверждавшего, что необходимым условием понимания текста является его соотнесение с другими текстами. В понимании М. Бахтина текст – это диалог автора не только с читателем, но и со всей современной и предшествующей культурой, а признавая читателя активным участником творческого процесса, следует иметь в виду тот факт, что понимание текста зависит прежде всего от опыта индивида-реципиента и в том числе от его межтекстовой компетенции.

Мы будем использовать термин «интертекст», понимая под ним текст (претекст) в его сквозном движении через другие тексты, текст, так или иначе представленный в других текстах. Под претекстом понимается текст, мотивирующий новые тексты.

Рассматривая тексты литературных пародий как интертекст, будем исходить из следующих положений:

1. Понимание любого текста осуществляется через язык, т.е. через сформированные в языке знания о мире других людей и предшествующих поколений. Оно зависит от жизненного, культурного и исторического опыта индивида-реципиента, его общекультурной, т.е. межтекстовой компетенции.

2. Читатель – активный участник творческого процесса в культурной коммуникации. Следовательно, интертекстуальность с точки зрения читателя – это установка «на углубленное понимание текста или разрешение непонимания текста за счет установления многозначных связей с другими текстами» [1; 12], тогда как

интертекстуальность с точки зрения автора – «это способ генезиса собственного текста и постулирования собственного поэтического «я» через систему отношений апозиции, идентификации и маскировки с текстами других авторов» [1; 17].

3. Понимание интертекстуальных включений основывается на сочетании их контекстов в данном тексте и претексте и требует от читателя узнавания и припоминания. Следует иметь в виду, что «эффективность сопоставления всех релевантных, в том числе и экстралингвистических, значений зависит от эрудиции читателя и от его умения найти нужную информацию» [46; 28]. При отсутствии узнавания «другого голоса» текст оказывается непонятным или понятным только поверхностно.

4. Межтекстовая компетенция основана на том, что в объеме памяти читателя хранятся следы ранее прочитанного, приемы литературных описаний, принципы различных жанров, модели возможных переосмыслений (например, иронических), модели различных тропов, схемы возможных моделей интерпретации и т.д.

5. Интертекстуальность создает двойственность знака: он одновременно принадлежит и данному, и другому тексту.

Литературная пародия, по мысли М. Бахтина, является диалогом с предшествующим культурным наследием, жанром, призванном, с одной стороны, заявлять о связи с пародируемым объектом, а с другой стороны, акцентируя те или иные его качества и свойства, высказывать собственное суждение, выражать свое мнение о пародируемом художественном произведении. Когда мы говорим, что прецедентный текст, являясь частью реальной действительности, может, как и другие внеязыковые факты, отражаться текстом художественного произведения, мы подразумеваем, что он входит в текст «как своего рода культурный знак в виде речевого фрагмента..., как правило, имеющий определенный источник или авторство, узнаваемый как не принадлежащий автору изучаемого произведения [8; 23]. Прецедентный текст создает в этом случае категорию «вертикального контекста» [6; 106]. Под горизонтальным контекстом понимается информация, отражаемая текстом в рамках связей «текст-реальная действительность» и «текст-язык». «Вертикальный контекст», принадлежа к области фоновых знаний, выступает необходимым условием понимания художественного произведения. Но существование литературной пародии без «вертикального контекста» невозможно в принципе. Как образно заметил Л. Вулис в книге «Литературные зеркала», пародия «подобна тем растениям, которым стволы других растений заменяют пищу» [3; 14].

Известное в пародии, т.е. то, что узнается читателем (вертикальный контекст), органически состыковано с неизвестным, с чем-то необычным, непривычным, новым, хорошо отличимым от старого.

Рассмотрим способы создания вертикального контекста в тексте литературной пародии, т.е. сигналы, при помощи которых читатель идентифицирует текст как литературную пародию. Опознавательные сигналы «вертикального контекста» достаточно многообразны [41; 106-107, 117-118].

К ним относятся:

- 1) упоминание собственных имён персонажей литературных произведений, а также других литературных антропонимов, топонимов и т.д.
- 2) цитаты (дословные и трансформированные);
- 3) элементы, вызывающие ассоциацию с тем или иным произведением;
- 4) воспроизведение в тексте особенностей идиостиля того или иного автора (ритмических, строфико-графических, ассоциативно-образных и др.).

Все выше перечисленные сигналы характерны и для литературной пародии. Но для текстов данного жанра показательным является пересечение и

сосуществование в пределах одного текста двух и более сигналов из приведенного списка. В качестве аллюзивных элементов могут выступать собственные имена, ключевые слова из прецедентного текста. Например, главный герой пародии А. Архангельского «Мой первый сценарий» Бенья Крик уже отсылает читателя к циклу рассказов И. Бабеля. Упоминание имен других персонажей И. Бабеля: Фроим Грач, Каплун, Рувим Тартаковский, Любка Шнейвейс, а также топонима Молдованка ещё более усиливает аллюзивность. Показательно в этом отношении и название пародии. Имена собственные Андрей Петрович Бабичев и Николай Кавалеров – в пародии «Раскаянье» вызывают аллюзию с романом Ю. Олеши «Зависть».

Аллюзивность усиливают такие выражения как «синие подтяжки Олеши», «перламутровая пуговица трикотажных кальсон», «нормально работающий кишечник» и т.д.

Наиболее полно сигналы вертикального контекста из приведенного списка представлены в текстах пародийных произведений, авторы которых ставят перед собой цель сознательной имитации в сатирических, юмористических и других целях индивидуальной манеры того или иного автора. Давая портретную характеристику всего стиля писателя или поэта, такая пародия не может изобиловать элементами прецедентного текста, причем эти элементы пересекаются и сосуществуют в пределах одного пародийного текста.

Подобное изобилие сигналов вертикального контекста характерно для текстов пародий таких мастеров пародирования, как А. Архангельский, В. Бахнов, Л. Филатов, В. Новиков, Ю. Левитанский, и других. Рассмотрим с точки зрения проблемы интертекста некоторые пародии выше перечисленных авторов. В качестве примера, иллюстрирующего пересечение наибольшего количества элементов вертикального контекста, приведем пародию А. Архангельского на творчество А. Ахматовой:

Не забуду! В студеную пору
Вышла из лесу в сильный мороз.
Поднимался медленно в гору
Упоительный хвороста воз.

И плавнее летающий птицы
Лошадь вел под уздцы мужичок.
Выше локтя на нем рукавицы,
Полушубок на нем с ноготок.

Задыхаясь, я крикнула: – Шутка!
Ты откуда? Ответь? Я дрожу! –
И сказал мне спокойно малотка:
Папа рубит, а я подвожу! [4; 70]

В тексте данной пародии присутствуют как прямые цитаты: «Задыхаясь, я крикнула! – шутка!», так и некоторые выражения, вызывающие ассоциацию с лирикой А. Ахматовой: «Не забуду!», «Я дрожу». Кроме того А. Архангельский не только воссоздал звуковые ударения, характерные для поэтессы, но и подчеркнул такую особенность консонантизма А. Ахматовой, как сочетания губных и шипящих с группой «ла»:

И плавнее летающей птицы
Лошадь вел под уздцы мужичок
Выше локтя на нем рукавицы
Полушубок на нем с ноготок...

Сравни:

Брошена! Какое слово –
 Разве я цветок или письмо?
 А глаза глядят уже сурово
 В потемневшее трюмо.

Аллюзивно и само обращение А. Архангельского при пародировании лирики А. Ахматовой к творчеству Н. Некрасова, выбор в качестве модели пародии стихотворения «Однажды в студеную зимнюю пору». По утверждению А. Урбана, А. Ахматова, как поэт, испытывала на себе влияние творчества Некрасова, который был одним из ее любимых поэтов. Но некрасовские строки переключены в данной пародии как бы на иной поэтический мир. Поэтому вместо «медленно» – «медлительно», вместо «лошадки, везущей хвороста воз» – «упоительный хвороста воз». Эти лексические выбоины также можно расценивать как элементы интертекста.

В качестве элементов интертекста в пародиях могут выступать и особенности рифмовки, словоупотребления, ритмико-интонационные особенности пародируемого автора. Особым случаем проявления интертекста являются пародии, в которых пародист, следуя за пародируемым оригиналом, сохраняет его форму, особенности разбивки строк, но каждая строка текста-пародии вступает при этом в игровые отношения с аналогичной строкой текста-оригинала и несет свой (комический, иронический, юмористический и т.д.) смысл.

Своеобразная внешняя форма написания стихотворения, узнаваемая читателем благодаря межтекстовой компетенции как присущая тому или иному автору, тоже может служить сигналом вертикального контекста. Приведем в качестве примера пародию А. Архангельского на В. Маяковского:

Александр
 Сергеич,
 Арап
 Московский!
 сколько
 зим!
 сколько
 лет!
 Да это ж
 Я –
 Маяковский –
 Ин-
 ди-
 ви
 -ду-
 -аль-
 ный
 поэт... [2; 147]

Вынесение каждого слова (и даже отдельных слогов) на отдельную строку кажется несколько утрированным, но, несомненно, именно такое членение строк ассоциируется у читателя с особенностями стихотворения В. Маяковского и уже благодаря только этому признаку текст может быть интерпретирован читателем как пародия на поэта.

Вместе с тем очевидно, что, чем больше насыщенность текста пародии элементами текста, т.е. чем выше его прецедентность, тем выше вероятность узнавания читателем стиля того или иного автора и тем легче происходит процесс узнавания пародируемого объекта. Например, в тексте пародии А. Архангельского на В. Маяковского, кроме уже отмеченного особого членения на строки, можно

выделить и другие элементы интертекста. Показательно в этом отношении само название пародии – «Разговор с Пушкиным», которое вызывает аллюзию с известными стихотворениями В. Маяковского «Разговор с товарищем Лениным» и «Разговор с фининспектором о поэзии», а также известным образом ассоциируется со стихотворением «Юбилейное». Сама форма написания текста пародии подчеркивает присущую Маяковскому скандирующую манеру обращения к общественности или определенному адресату. Пародия воспроизводит характерные для Маяковского интонации обращения и призыва, особенности его словоупотребления: использование разговорных слов и выражений типа «глянь», «стервец» и т.д. А. Архангельский подчеркнул присущий В. Маяковскому пафос самоутверждения:

Вы да я,
Мы оба,
значит,
гении,

а также футуристическое пренебрежение поэтом признанным и классическими образцами: говоря от имени В. Маяковского, А. Архангельский прерывает цитирование пушкинских строк пренебрежительным вопросом:

Мой дядя
самых
честных
правил...
Как это?
– когда
не в шутку занемог,
Уважать, стервец,
себя заставил,
словно
лучше
выдумать

не мог... [2; 198]

Даже хрестоматийные пушкинские строки в устах «как бы Маяковского» звучат совершенно по-маяковски. Все выше перечисленные факты, вместе с аллюзивным выражением «ненавижу фининспекторишек, обожаю внутренний заем», облегчают для читателя узнавание пародируемого объекта. Таким образом, тексту данной пародии присуща высокая степень прецедентности, при помощи чего и реализуется необходимое условие признания текста пародией – узнавание и припоминание пародируемого объекта.

Узнавание облегчается и при введении в текст литературной пародии ключевых слов и выражений, характерных для того или иного писателя или поэта. Как отмечает З. Паперный [5, 111], А. Архангельский перед началом работы над текстом пародии несколько раз читал и перечитывал писателя, выделяя его особенные слова, обороты, отмечая построение фразы.

Составленный А. Архангельским «словарь» рассказов М. Зощенко, из которого З. Паперный приводит такие слова и выражения, как «ядовитый мужчина», «чего треплешься», «пушай», «ихний», «извините за выражение», послужил материалом для написания пародии «Случай в бане».

Сравни: «А только, говорю, – напрасно себя утруждаете. Я, – говорю, – ихнего пупа не брал. У меня, – говорю, – свой есть...

...Шут, – думаю, – с ним. Пушай пользуется. Может, у него еще что сопрут, а я отвечай» [2, 88].

Выделенное при чтении В. Шкловского выражение «ах, кстати» А. Архангельский включает в пародию «Сентиментальный монтаж»:

«Лондон славится туманами и автомобилями.

Кстати о брюках.

Брюки не должны иметь складок.

Также, как полотно киноэкрана...

...Сюжет можно наворачивать, разворачивать и поворачивать.

Кстати, поворачиваю дальше.

В Мурманске все мужчины ходят в штанах, потому, что без штанов очень холодно...» [2, 80].

Употребление этого выражения при переходе от Лондона к брюкам, прямом и непосредственном, словно речь идет и вещах одного порядка, подчеркнуто в необычной форме передает «обычную для Шкловского манеру, парадоксальные переходы от одной темы к другой». Но данное выражение не является единственным элементом интертекста. В пародии присутствуют сложные аллюзивные связи со всем творчеством В. Шкловского. В названии пародии в первых ее строках: «Я очень сентиментален. Люблю путешествовать» – заметен намек на увлечение В. Шкловского творчеством английского писателя Л. Стерна, автора романа «Сентиментальное путешествие». В фразе «фабула не сюжет, и сюжет не фабула» содержится аллюзия с работами В. Шкловского по теории стихостроения, а фраза «сюжет можно наворачивать, разворачивать и поворачивать» вызывает ассоциацию с названием статьи «Развертывание сюжета. Как сделан «Дон Кихот».

Ключевые слова особое значение приобретают при создании стихотворных пародий на поэтов, отличающихся своеобразной поэтической лексикой. В качестве примера приведем пародию М. Филатова на А. Вознесенского:

Таганка, девочка,

Пижонка, дрянь!..

Что ты наделала,

ты только глянть.

О Апокалипсис

Всея Москвы!

Толпа, оскалившись,

Крушит замки!..

Даешь билетики!

А им в ответ:

Билетов нетути,

Физкульт-привет.

Очкарик в свитере,

второй Кювье, –

О, как вам свистнули

По голове!..

Лоллобриджидочка,

Чернявый бес, –

Вы были в джинсиках

А стали – без!..

Филолог с Запада,
Заморский гость, –
Где ваши запонки,
А также трость?

...Кассирша в ботиках
и в бигуди
Вопит: «О Господи,
Не погуби!»

Ату, лабазники!
Ату, рвачи!...
Как ваши блайзеры
Трещат в ночи!..

Пусть мир за стеночкой
Ревет в бреду!..
...Сижу застенчивый
В шестом ряду. [4, 470]

Слова типа «девочка», «пижонка», «дрянь», «Апокалипсис», «очкарик», «второй кювье», «Лоллобриджидочка», «джинсики», «блайзеры», «лабазники», «рвачи», использованные в пародии, характерны для поэтического ряда Вознесенского и служат ярким сигналом для установления пародируемого объекта.

Показателен в этом отношении тот факт, что разные пародисты, создавая пародии на одного автора, используют в своих текстах схожие ряды ключевых слов.

Сравни:

...А зайка, а зайка бежал по *параболе*,
Его не убили, его не поранили.
(Ю. Левитанский) [4, 340]

Прощаюсь я с морем, с волной,
С параболой залива.
(В. Бахнов)

Очкарик в свитере,
Второй Кювье... (Л. Филатов) [4, 470]

Вон парус белеет!
Эй, шизик-очкарь,
Очки поскорей наденьте!
Белеет он уголочком платка
Над карманом пижона и денди... (Вл. Бахнов)

Таким образом, проанализировав проблему текста литературной пародии как интертекста, мы пришли к следующим выводам:

1) Рассмотрение литературной пародии в данном аспекте обусловлено существованием между текстами многомерных связей, без учета которых невозможно адекватное восприятие и понимание любого текстового материала и содержания литературной пародии в частности. Любой текст, и текст литературной пародии в том числе, испытывает на себе воздействие других текстов, подтверждая тезис М. Бахтина о так называемой «диалогичности», присущий любому тексту;

2) Прецедентные тексты, как и любой другой факт реальной действительности, могут быть отражены текстом, вплетаясь в его художественное

полотно и образуя категорию вертикального контекста. Литературная пародия представляет собой случай совпадения вертикального и горизонтального контекста в одном целом, т.к. горизонтальным контекстом пародийного текста является набор элементов прецедентного текста, т.е. вертикальный контекст.

3) Текст литературной пародии – это интертекст, о чем свидетельствует его насыщенность аллюзиями, реминисценциями, прямыми и трансформированными цитатами и вкраплениями. В качестве аллюзивных элементов могут использоваться:

а) имена собственные персонажей литературных произведений, а также их авторов (пародируемых поэтов и писателей); другие литературные атропонимы, топонимы и т.д.;

б) ключевые слова, дословные и трансформированные цитаты. В качестве особого аллюзивного элемента следует отметить эпиграф, который обычно служит для реализации критических цитат автора-пародиста;

в) характерная внешняя форма стихотворения, особенности разбивки строк и т.п. Особенностью таких пародий является то, что читателю уже при первом визуальном контакте легко, при наличии определенных фоновых знаний, установить пародируемый объект.

Наряду с выше названными к элементам интертекста в литературной пародии могут быть отнесены ритмические и ассоциально-образные особенности текстов пародируемых авторов.

4) Для литературной пародии характерно пересечение и сосуществование в пределах одного текста нескольких перечисленных сигналов интертекста, чем усиливается его прецедентность; чем выше насыщенность текста литературной пародии элементами прецедентного текста, тем выше вероятность узнавания читателем пародируемого объекта. Узнавание облегчается и при наличии в тексте пародии ключевых слов, характеризующих поэтическую лексику автора, на которого создается пародия.

5) Возможность говорить о тексте литературной пародии как о интертексте связана с межтекстовой компетенцией реципиента-читателя, в объеме памяти которого хранятся следы ранее прочитанного, принципы различных жанров и модели возможных переосмыслений. Если узнавание «другого голоса», т.е. интертекстуальных включений, не происходит, то текст пародии воспринимается читателем как текст-непародия, и понимание его невозможно. Двойственность интертекстуальных включений, т.е. принадлежность их к тексту литературной пародии и прецедентному тексту, позволяет автору пародии создать особую систему игровых отношений между текстом пародии и пародируемым оригиналом, т.к. понимание подобных включений основывается на сочетании их контекстов в обоих текстах.

Литература

1. Арнольд И.В. Интертекстуальные связи в художественном тексте. Читательское восприятие и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте. Межвузовской сборник научных трудов. – М., 1993.
2. Архангельский А. Пародии. Эпиграммы. – М.: Худож. лит., 1988.
3. Вулис А.В. Литературные зеркала. – М.: Советский писатель, 1991.
4. Литературная пародия. Антология сатиры и юмора России XX века. Том 9. – М: Эксмо-Пресс.
5. Паперный З. Единое слово. – М.: Советский писатель, 1993.
6. Ревуцкий О.И. Лингвистический анализ художественного текста. – Мн: НМ Центр, 1998.

7. Сахарный Л.В. Введение в психоллингвистику. – М.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989.

8. Урбан А.В. В настоящем времени. – Л.: Советский писатель, 1986.

Summary

Deals with discursive aspects of literature parody.

Поступила в редакцию 31.03.03.

УДК 802.0-5

Н.В. Сугай

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ-НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Определенность и неопределенность не являются свойствами самого предмета в его объективном существовании, они возникают как грамматические значения в сообщении, или коммуникации.

С помощью коммуникативного подхода к изучению языка можно дать объяснение тому, каким образом происходит достижение коммуникативной цели. Коммуникативный подход ведет к пониманию того, о каком предмете идет речь, и объясняет различные случаи употребления артиклей.

Ни один артикль ни к одному слову не присвоен. Все зависит от контекста. К любому существительному, даже к имени собственному, в ряде случаев можно прибавить тот или иной артикль. Или, наоборот, нельзя употребить ни один из них. Решение этого вопроса диктуется каждый раз логикой и ситуацией.

Например, употребление определенного артикля в следующих предложениях указывает на то, что оба собеседника знают, о чем речь:

Go to the kitchen! It's over there.

The bell rang and the teacher came in.

Вопросов «какая кухня», «какой звонок» и «какой учитель» не возникает, т.к. эти предметы индивидуализированы: «этот», «вот этот», «единственный в данном случае».

Вот другой пример:

Have you brought me a book?

Напрашивается вопрос:

What kind of book? т.к. назван один представитель из ряда подобных.

Вероятно, договоренности о книге между собеседниками не было, и поэтому второму коммуниканту не понятно, о какой книге идет речь. (Об этом свидетельствует употребление неопределенного артикля.)

Вопрос *Have you brought me the book?*

не вызвал бы подобной реакции. Определенный артикль указывает на то, что оба собеседника знают, о какой книге говорят. А потому и ответ был бы:

«Yes» or «No».

Рассмотрим следующие примеры:

In the café I met the boy whom I had seen in the University.

Определение «whom I had seen in the University» приобретает ограничивающий характер при выборе определенного артикля «the». С помощью артикля «the» мы выделяем объект из множества подобных, тогда как с помощью

неопределенного артикля «a» мы просто называем объект как таковой, не индивидуализируя его, не уточняя, о каком именно объекте идет речь:

In the cafe I met a boy whom I had seen in the University.

(В университете я видела много парней, а в кафе был один из них).

Таким образом, с помощью определенного артикля можно обособить или выделить предмет из множества подобных, а с помощью неопределенного артикля называть весь род, класс предметов или явления через любого его представителя, олицетворяющего собой этот класс безотносительно к его индивидуальным признакам.

Выбор артикля зависит от коммуникативной ситуации, в которой собеседники говорят об уже известном им обоим предмете, единственном в данной ситуации или наоборот, о неизвестном, об одном из множества подобных [4]. В зависимости от артикля модифицируется характер определений, которые сами, несмотря на намерения коммуникантов (говорящего или слушающего), влиять на выбор артикля не могут.

Выше приведен пример с определением, выраженным определительным предложением. Рассмотрим другие случаи определений [9]:

1. Определение, выраженное прилагательным, например:

Will you pack the things for me? I want the little suitcase.

(Подразумевается контраст: выбор между большим и маленьким чемоданом).

Will you pack the things for me? I want a little suitcase.

(Говорящий имеет в виду любой, но маленький чемодан).

2. Определение, выраженное причастием, например:

I adopted the tone used by my uncle Henry.

(Подразумевается, что собеседники знают специфический тон, единственный в своем роде, который характерен для дяди Генри).

I adopted a tone used by my uncle Henry.

(Подразумевается, возможно, что в различных ситуациях дядя Генри говорил не в одном и том же тоне.)

3. Определение, выраженное *ing*-формами, например:

He took the path leading to the lonely cottage.

(Подразумевается, что была только одна тропинка).

He took a path leading to the lonely cottage.

(Тропинок, ведущих к заброшенному особняку, было несколько).

4. Определение, выраженное инфинитивом, например:

That's not the way to speak to your parents.

(Говорящий подразумевает, что есть лишь один правильный, верный способ (the way) «to speak to your parents»).

That's not a way to speak to your parents.

(Говорящий подразумевает, что даже из всех возможных способов этот – никак не способ (a way) «to speak to your parents»).

5. Определение, выраженное порядковым числительным, например:

They must have the third race to decide who is the real winner.

(Говорящий подразумевает, что именно третий из запланированных забегов будет решающим).

They must have a third race to decide who is the real winner.

(Вероятно, было запланировано два забега, но придется провести еще один, чтобы определить победителя).

6. Определение, выраженное существительным в родительном падеже, например:

The child's toy was left on the bench.

(Оба собеседника знают, игрушка какого ребенка была оставлена).

A child's toy was left on the bench.

(Просто «детская игрушка» как характеристика).

Этими примерами показано, что выбор артикля зависит не от определений, следующих за существительным с артиклем, а от намерений говорящего сообщить собеседнику ту или иную информацию.

Вот другой пример: названия небесных светил – единственных в своем роде – сопровождаются определенным артиклем:

Last night the moon had a golden ring. (H Longfellow)

The moon is made of silver the sun is made of gold.

Но если говорящему субъекту захочется сказать «блистательное солнце», «таинственная луна», то по-английски это будет так:

A splendid sun. A mysterious moon.

Возникает естественный вопрос: почему вместо определенного артикля вдруг появился неопределенный? Потому что с помощью качественного прилагательного говорящий выразил не постоянное, а временное состояние предмета или явления. Луна одному могла показаться таинственной, другому – насмешливой, третьему – ласковой.

В ряде случаев неопределенный артикль имеет оттенок «какой-то», как в следующих примерах.

As though awakening from an oppressive sleep, he raised his head and saw above him a black sky...

«В тоске и отчаянии он увидел небо (каким-то) черным».

Несовместимость артикля «the» с оттенком «какой-то» доказывается на очень простом примере – названии самого английского языка:

We study the English language and hope to master it.

Определенный артикль здесь употреблен потому, что имеется в виду конкретный, определенный, родной язык Шекспира, Диккенса, Лонгфелло[3].

Но можно представить, что услышали речь уроженца Пакистана. Его речь несколько отличается от обычной английской.

The newcomer speaks a different English.

«Приезжий по-английски говорит несколько иначе».

Нельзя сказать:

He speaks the different English, потому что отклонений от правильной английской речи бесконечное множество, и вполне понятно, что в разных странах и на разных континентах, где распространен английский язык, в нем появились новые черты под влиянием местных языков; и вместо стандартного британского *the English language* из уст приезжих можно слышать какую-то его разновидность, и тут определенный артикль утрачивает смысл – употребляется неопределенный артикль «a»[3].

Приведенный анализ доказывает, что определенный артикль не совместим с оттенком «какой-то». Но что же должен понимать слушающий из следующего примера: *The moon came up, a young silver moon, bright against the pale summer sky.*

В то время как неопределенный артикль перед «молодая луна» уже объяснен ранее, определенный артикль перед «бледным летним небом» требует объяснения. Особенность его значения можно показать в переводе:

«Показалась луна, молодая, серебристая, такая яркая на фоне этого бледного летнего неба».

Здесь выявлено еще одно значение артикля «the» – этот.

При употреблении определенного или неопределенного артиклей часто проявляется их изначальное значение:

значение количественного числительного «one» (количественная функция неопределенного артикля), например:

Of course I won't say a word.

значение указательного местоимения (указательная функция определенного артикля), например:

Look at the girls!

Можно предложить алгоритм употребления артиклей с точки зрения моих намерений сообщения информации о предмете собеседнику (см. Схема 1 приложения). Приложенный к нему комментарий позволит разобраться в его действии.

Проверить алгоритм на практике можно с помощью примера (см. Схема 2 приложения).

Следует помнить, что многое в достижении взаимопонимания между собеседниками определяет ситуация. Рассмотрим такой пример.

I knocked at the door and a voice answered, – сообщает говорящий собеседнику. Что понимает слушающий?

«Он стоял у известной ему двери, или на его пути была только одна дверь, или он постучал в ту самую дверь, к которой шел, но ответил ему какой-то незнакомый голос».

Если говорящий сообщает:

I knocked at a door and the voice answered.

Слушающий понимает: «Он, в поисках кого-то, постучал наугад в какую-то дверь, и там ему к великой радости ответил желанный голос».

А если бы сообщение было таково:

I knocked at a door and a voice answered.

Тогда слушающему вообще следует надеяться на то, что в будущем будут объяснены и «какая-то дверь» и «какой-то голос».

Сообщение: *I knocked at the door and the voice answered* слушающий бы интерпретировал так:

«Он постучал в нужную ему дверь и голос, ответивший ему, был знакомым, желанным».

Известно, что неопределенный артикль утрачивается перед существительным во множественном числе, зато определенный остается неизменяемым независимо от количества существительных.

Отсюда следует, что:

1) если в тексте встречаются существительные во множественном числе без артикля, значит, в единственном каждое из них фигурировало бы с неопределенным артиклем, например:

Here are letters for you.

2) наличие артикля «the» перед существительными во множественном числе является признаком того, что собеседнику или читателю эти существительные должны быть известны.

Seal the letters and take them to the post office, please.

Отсутствие артикля перед именами собственными, отвлеченными понятиями, именами существительными, обозначающими вещество, в коммуникации восполняется определенным или неопределенным артиклем, согласно тому, что хотят передать собеседники, например:

a sleeping Venice, a dreaming Juliet.

Эпитеты и неопределенный артикль передают какое-то переходящее состояние в описании города, человека, страны и т.д. Употребляя определенный артикль с прилагательным, говорящий подчеркивает неповторимость, исключительность человека или предмета, литературного персонажа или города [9], например:

The immortal Tolstoy, the noble Hamlet, the great Beethoven.

Следующие примеры дадут возможность разобраться с употреблением артиклей с абстрактными существительными:

Time is precious, but truth is more precious than time (B. Disraeli)

It was the time of the Black Death. One third of the population of England died from the epidemic.

В первом примере артикль перед существительным «time» в широком понимании отсутствует. Во втором – отвлеченное понятие связано с определенной ситуацией, поэтому появился определенный артикль.

То же самое происходит с артиклями при существительных, обозначающих вещество:

Beer does not get into your brains, but after a while it spoils your waist.

The beer you bought yesterday is excellent.

Только во втором случае речь идет о некотором количестве вещества, известном собеседнику, поэтому опять появился определенный артикль.

Завершая толкование артиклей с точки зрения коммуникативного подхода, приведем еще один пример, чтобы показать функцию артикля в тексте. Известный лимерик:

There was a young lady of Niger

Who smiled when she rode on a tiger.

They returned from the ride

With the lady inside

And the smile on the face of the tiger.

В первый раз и тигр, и девушка упоминаются с неопределенным артиклем согласно традиционному подходу, а вторично – с определенным. – Согласно же коммуникативному подходу первое употребление неопределенного артикля свидетельствует о неизвестности: какая девушка, какой тигр. А как объяснить появление перед существительным «ride» определенного артикля? Ведь оно употреблено впервые. В этом случае возможны несколько интерпретаций артиклевых значений.

Во-первых, мы можем объяснить это контекстуальной обусловленностью: коррелируют два однокоренных слова: «rode (to ride)» – «the ride». (Именно та поездка, когда она каталась на тигре.)

Во-вторых, ситуацию можно оценить иначе. Определенный артикль дает понять, что поездка оказалась единственной в своем роде, первой и последней.

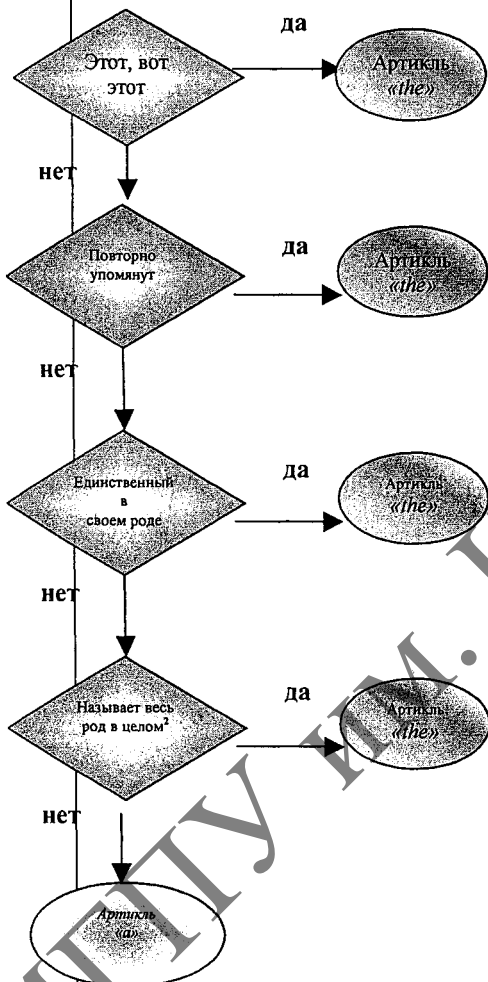
Что касается употребления определенного артикля перед существительным «smile», то как и в предыдущем примере, оно может быть связано с однокоренным глаголом: (to) smile. Но в этом случае улыбалась девушка, а улыбка появляется на морде у тигра.(?) Артикль заставляет нас видеть в улыбке сытого тигра отражение милой улыбки девушки.

Исследованные примеры наглядно демонстрируют, что артикль играет большую роль в интерпретации текста, в адекватном восприятии подтекста. Понять значение артикля в тексте можно иногда интуитивно, но чаще – рассуждая и анализируя контекст и коммуникативную ситуацию. Такой подход к употреблению определенного или неопределенного артикля позволяет собеседникам достичь взаимопонимания в вопросе о предмете речи, его известности – неизвестности, или степени известности-неизвестности.

Схема 1

Алгоритм употребления артиклей с точки зрения намерений говорящего¹

Хочу сказать, что Использую
этот предмет



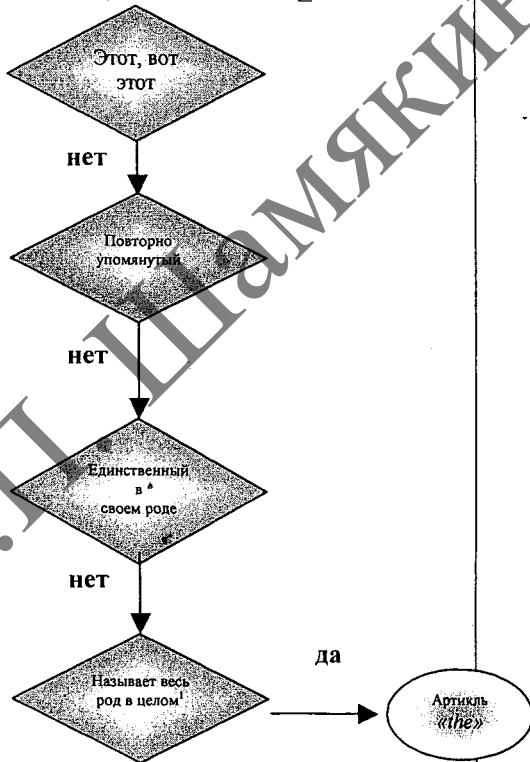
¹ Алгоритм читается следующим образом: то, что я хочу сказать, зафиксировано в четырехугольнике и является условием выбора артикля, т.е. «Если я хочу сказать, что этот предмет «этот, вот этот»...». В зависимости от ответа «да» или «нет» использую артикль «the» или проверяю следующее условие.

² Называет весь род в целом через название одного представителя.

Схема 2

Проверим с помощью примера. Какой артикль употребить, чтобы сообщить собеседнику, что мое любимое дерево – береза:

My favourite tree is _ birch.



My favourite tree is the birch.

¹ Называет весь род в целом через название одного представителя.

Літэратура

1. Алсуфьева Л.Я. О проблеме английского артикля / Вопросы германской и романской филологии / Научные труды Новосибирского ГПИ. – Выпуск 82. – Новосибирск, 1972. – С. 131-140.
2. Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля / Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск 8. – М., 1978. – С. 386.
3. Колпакчи М. Дружеские встречи с английским языком. – С.-Петербург: Книжный Дом, 1993. – С. 166-248.
4. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984. – С. 23-35.
5. Лекомцева М.И. О концептуальной схеме определенности-неопределенности / Симпозиум по структуре балканского текста. Тезисы докладов и сообщений. – М., 1976. – С. 32-34.
6. Никитин М.В. Становление определенного и неопределенного артикля в английском языке: Автореферат канд. дисс. – Ленинград, 1959. – С. 18.
7. Ревзин И.И. Структура языка как моделирующей системы. – М., 1978. – С. 237-255.
8. Тарасов Е.Ф. Статус и структура теории речевой коммуникации / Проблемы психолингвистики. – М., 1975. – С. 139.
9. Leech G., A Communicative Grammar of English. Svartvic J. / Longman Group UK Limited. – 1993.

Summary

The article is dedicated to the communicative approach to the problem of the definiteness-indefiniteness.

Поступила в редакцию 01.11.02.

УДК 808.26

А.В. Солахаў

ПРЫСЛОЎІ-НАВАТВОРЫ Ў СУЧАСНЫМ БЕЛАРУСКІМ ПАЭТЫЧНЫМ МАЎЛЕННІ

Сучаснаму беларускаму паэтычнаму маўленьню ўласцівы лексічныя адзінкі, якія ствараюцца аўтарамі паэтычных твораў спецыяльна, для рэалізацыі сваіх творчых задум. Побач з наватворамі іншых лексіка-граматычных класаў значнае месца ў паэтычным маўленьні займаюць прыслоўі. Паводле асаблівасцяў словаўтварэння прыслоўі-наватворы класіфікуюцца на групы ў залежнасці ад марфалагічнай суаднесенасці іх вытворных асноў з рознымі часцінамі мовы.

Сярод новаўтварэнняў, якія паходзяць ад асноў прыслоўяў, у паэтычным маўленьні адносна стабільную прадуктыўнасць набываюць прыслоўі-кампазіты. Яны ўтвараюцца складаннем двух раўнапраўных або семантычна залежных прыслоўяў, адно з якіх можа быць аказіянальным. Іх утварэнне і функцыянаванне падтрымліваецца падобнымі па структуры складанымі прыметнікамі, што шырока ўжываюцца ў мове мастацкай літаратуры [2, 48]. Паводле асаблівасцяў спалучальнасці кампанентаў прыслоўі-кампазіты падзяляюцца на некалькі груп:

1) наватворы, кампанеты якіх маюць сінанімічнае або блізкае значэнне: *вакольна-прыблізна, далікатна-тактоўна, маўкліва-стоена, несупынна-несціхана, разняволена-раскута, расслаблена-вальяжна, сумна-тужліва*. Дапаўняючы адзін другі семантычна, кампаненты падобных утварэнняў вызначаюцца здольнасцю факусіраваць значэнне слова, рабіць яго надзвычай ёмкім: *Урок, якога тут не было, Я правяду ў цішыні. І не вакольна-прыблізна Стану тлумачыць прадмет. Гэта не лірыка – фізіка!* (М. Мятліцкі); *Няма тых дзвярэй, у якія – ці далікатна-тактоўна, ці гвалтоўна, як злы дух кадук, – не змог бы дукат дастукацца* (А. Разанаў); *Ах, мой братка! Хоць паэты – людзі цёмныя І далёка не глядзяць за гарызонты, – А не могуць во сядзець маўкліва-стоена – Так, як мыш пад памялом, што і не шасне...* (Н. Гілевіч); *Ні на вяршок не абсыхала Кайма пясчаных берагоў, Бо несупынна-несціхана Крыніцы білі з dna яго [возера]...* (Н. Гілевіч); *Як разняволена-раскута Тры словы я табе сказаў!* (З. Марозаў); *Жыві сабой, жыві расслаблена-вальяжна і долю калышы штодзённа на плячы* (М. Дукса); *Павінен жа нехта паслухаць, як сумна-тужліва Зязюля кукуе на познім змярканні ў бары* (Н. Гілевіч);

2) наватворы, кампанеты якіх утвараюць прымету, што характарызуе дзеянне або стан з розных бакоў: *боязна-трывожна, пакутна-скрушна, радасна-нястрымна, скрушна-горка, сумна-трывожна, сцішана-дзівосна, тужліва-трывожна*. У адрозненне ад спалучэнняў аднародных прыслоўяў, звязаных злучнікамі і, з якімі суадносяцца ўтварэнні гэтага тыпу, яны канцэнтруюць значэнне двух розных прыслоўяў, набываючы вялікі эмацыянальна-экспрэсіўны зарад: *Зіма мінаеца, чаму ж на сэрцы боязна-трывожна, па белым снезе асцярожна бяжыш ад холаду і сцюж?* (Р. Баравікова); *І ты глядзіш пакутна-скрушна: «Чаго вам, дзеткі, не стае, Каб жыць па-брацку, згодна, дружна?»* (Н. Гілевіч); *Я хацеў бы слова даць любові, – Хай бы знаў і знаў свае абдымкі Прасцірала радасна-нястрымна, Як дзіця, што сустракае маці...* (Н. Гілевіч); *Стаяў Вячорка пад сасною І скрушна-горка шкадаваў, Што рэдка бачыўся з сястрою, Гадамі ў брата не бываў* (Н. Гілевіч); *Як сумна-трывожна зязюля кукуе ў бары, На познім змярканні, насупраць мядункавай ночы!* (Н. Гілевіч); *Сцішана-дзівосна З нябёс барвовай падае зарой* (М. Дукса); *Так тужліва-трывожна агледзіцца І патухне бурштыну касцёр* (Н. Аксёнчык);

3) наватворы, першы кампанент якіх абазначае ступень выражэння прыметы, названай другім кампанентам: *тонка-хітра, хвалююча-прыемна, шумна-вясёла, шчымліва-радасна, шчымліва-светла*: *Перад вячэрай тонка-хітра Ён [Бэнсь] гаспадыні працантаў: «Ну, цётка Тэкля, з вас паўлітра – Вам зяця ў хату я дастаў!»* (Н. Гілевіч); *Усведамляць хвалююча-прыемна, Што стала меней пошасці і зда* (М. Дукса); *Тут іграла калісці Неба шумна-вясёла* (Н. Гілевіч); *У васемнаццаць забіты катан. У васемнаццаць... У пятнаццаць... І ім ніколі ўжо не назвацца Шчымліва-радасна – бацькамі...* (Н. Загорская); *...Душой адначываю за сталом – Шчымліва-светла, цёпла на душы* (К. Жук);

4) наватворы, першы кампанент якіх выражае параўнанне: *крынічна-прасветлена, музычна-лёгка, рапартова-парадна, саранчавата-шумна, сонечна-дзіўна*: *Ты ў архівах старых асвечана, Як веры Хрыстовай любоў, Крынічна-прасветлена – Ветчана, Мая вотчына духу дзядоў* (Н. Аксёнчык); *Тым часам тось музычна-лёгка Па шкле відэльцам стаў званиць* (Н. Гілевіч); *Мы прывыклі звінец рапартова-парадна* (А. Эзкаў); *А потым у замезжжа па даляры, Саранчавата-шумна, нібы хмара, І наша наваліла смаркаччо* (К. Камейша); *Калі вам, Нарэшыце, намуляюць слых аўтастрады І шумныя плошчы – Адразу ад іх вы збяжыце, Успомнішы Пра сцэжску ў жыце..., Дзе сонечна-дзіўна, Пад пятамі цёпла і суха* (М. Дукса);

5) наватворы, першы кампанент якіх мае значэнне ўступкі ў адносінах да прыметы, абазначанай другім кампанентам: **паблажліва-сур'ёзна**, **праменна-хіжа**, **цярпліва-ўзрушана**: *Ён [сусед] спыніўся на дарозе, Смех схваў у кулаку / паблажліва-сур'ёзна Адказаў, як хлапчуку (Г. Бураўкін); ...праменна-хіжа Аглушыць выбух цішыню (М. Мятліцкі); На раллі сабраныя, на шляхах пасланыя, вы [камяні] цярпліва-ўзрушана леглі на паркан (Г. Юрчанка);*

б) наватворы з антанімічнымі адносінамі кампанентаў: **соладка-трывожна**: *Сцяпан зірнуў на Бэнся грозна: – Ты... гэта самае, прымоўч!.. Гілена ж соладка-трывожна Тым часам думала пра ноч (Н. Гілевіч).*

Новыя словы, утвораныя ад асноў прыслоўяў спосабамі афіксацыі, складаюць невялікую групу. Яны ўтвараюцца пераважна прыставачным спосабам, часцей за ўсё пры дапамозе прыстаўкі *за-*, утварэнні з якой маюць значэнне якасці, прыметы, названай утваральным словам. Найбольшай прадуктыўнасцю яны вызначаюцца ў гутарковым стылі [1, 347], а ў паэтычных тэкстах адзначаюцца нячаста: **задушна**, **замолада**, **засур'ёзна**, **зацвяроза**, **зашчодро**: *Душы задушна ў зморлівым скляпенні... (М. Мятліцкі); Якія магутныя творцы – мужы, Якія нязломныя волаты, Пайшлі на той бок векавечнай мяжы – Заўчасна, зарана, замолада!.. (Н. Гілевіч); Сур'ёзна кажы я сур'ёзнай, Не смейся, сур'ёзна прашу. А то пра цябе засур'ёзна Сур'ёзна я верш напішу (В. Шніп); А ці хмельна? Раптам – зацвяроза? Ці гарэлка гэта, а ці слёзы? (А. Канапелька); З падзолу памяці скупога Зашчодро возьмуць карані Гаркату смутку векавога, Журбу прадоннай глыбіні (М. Мятліцкі); Тут песні вашай вечная юдоль / дзень, зашчодро ёй уздаданы (М. Мятліцкі).*

Іншы раз фіксуецца ўтварэнні з прыстаўкамі *звыш-*, *не-*: **звыштактоўна**, **неспадзеўна**: *...у дакладах паўзы рабіліся Звыштактоўна – Для адышкі, склерозу. Як жыць мог Назоўнік і мысліць? (М. Мятліцкі); Незвычайную радасць Я здабыў неспадзеўна, Летуценнік вясковы Чатырнаццаці год (Н. Гілевіч).*

Асобныя наватворы ўтвараюцца спосабам рэдэрывацыі. Так, шляхам дэпрэфіксацыі ўзніклі прыслоўі **крыёма** (<накрыёма) і **падступна** (<непадступна): *Дзень на полі амаль бяскоўцы. Ад бабуль і матуль крыёма паглядаем з мальбой на сонца: сядзе – можна ісці дадому (Э. Акулін); / чаму табе так усё роўна, Што аборай становіцца храм? Ці таму, што калісьці падступна Распалталі твай шчыры давер? (Н. Гілевіч). Дэсуфіксацыяй утворана прыслоўе **абыяка** (<абыякава): *На травінку, сабаку, дзіця Паглядаў спадыльба абыяка (Ю. Голуб).**

У паэтычным маўленні часта сустракаюцца прыслоўі, якія ўтвараюцца ад асноў розных часцін мовы пераважна суфіксальным спосабам.

Прадуктыўную групу складаюць прыслоўі, якія паходзяць або ад індывідуальна-аўтарскіх прыметнікаў пры дапамозе суфікса *-а*, або непасрэдна ад іменных, дзеяслоўных ці іменна-дзеяслоўных асноў з прырашчэннем да суфікса элемента *-н-*: **буркотна**, **вейна**, **гатоўна**, **глумна**, **грымна**, **другарна**, **дрыготна**, **замётна**, **мільготна**, **перасцярожна**, **разломна**, **святлынна**, **скварна**, **смагна**, **спалошна**, **сполашна**, **тужна**, **улюбна**, **усцешна**, **ухватна**, **ходна**: *Жыццю клопотно, Буркотна рачулачы (Р. Барадулін); Замятуць снягамі вейна зымы Поля ператручаную золь (М. Мятліцкі); Калі «за» – Далонямі пляскалі, Пальцы сцяўшы гатоўна (М. Мятліцкі); Колькі вас, ачарсцвелыя сэры, Глумна каркае гэтай зямлі... (М. Мятліцкі); ...грымна ўдарыла вайна Па горным Гіндукушы (М. Мятліцкі); Шчырасці другарна – Варна! (Р. Барадулін); У лесе падобным, Што свет ахінае, Ты смягнеш дрыготна, Пуціна зямная... (М. Мятліцкі); Тут росны след сястры Снягі пазамяталі. Замётна. Не дайсі. (М. Мятліцкі); Гараць мільготна краскі, Праменіцца раса (К. Камейша); / зорка лучнасці ўжо ледзь гарыць Перасцярожна... (Н. Мацяш); Зноў чую: Сэрца поўніцца табой Разломна – Як рака парой прадвесна*

(Н. Гілевіч); *І слова святлынна вядзе чараванне ў цішы.* (М. Мятліцкі); *Ветрана і скварна – Варна!* (Р. Барадулін); *Мне па Радзіме смазна і няўпоўна...* (У. Лісіцын); *Нехта другі спалошна Ступіць у шатаў змрок...* (М. Мятліцкі); *Не вятры, а крыламі нябыту Тут шугаюць сполашна гады* (М. Мятліцкі); *Дужа тужна матору* (Р. Барадулін); *Гавораць кемліва і ўлюбна Аднавяскоўцы аб жыцці* (У. Лісіцын); *Не дзіва: так доўга дурманілі, Усцешна далоні тручы, І раптам – адстаўка іх маніі!* (Н. Гілевіч); *...У подласці хіжэй – ухватна тугі навадок* (М. Мятліцкі); *На снег сьвярдзелы хай бы конь ступаў – Усюды ходна, хоць абрывы збоку...* (У. Лісіцын).

Ад асноў прыметнікаў часам утвараюцца прыслоўі пры дапамозе суфікса *-а*, якія ў узусе не ўтвараюцца, таму што «выражаюць пастаянны статычны прызнак, уласцівы прадмету» і «не здольны характарызаваць працэс або дзеянне» [3, 76]. У паэтычным маўленні іх утварэнне адбываецца таму, што значэнне набывае пераносны, г.зн. якасны характар. Да такіх наватвораў адносяцца:

1) прыслоўі колеру: *блакітна, зялёна: Неба высокая, блакітна плыло І адбірала вочы* (М. Мятліцкі); *Зялёна зямлі расхінаецца ўлонне і жабе, і зайцу, і ўсякай жывёле...* (А. Русеўскі);

2) прыслоўі, што паходзяць ад прыметнікаў са значэннем "зроблены з чаго-небудзь": *сярэбрана, чыгунна: Рабочы куток – Серабранка, сярэбрана вецер звініць* (Е. Лось); *Як падаюць з нябёсаў жалуды, Аб ёй [цішыні] напамінаючы чыгунна* (М. Дукса).

Прыслоўі, якія ўтвараюцца ад асноў прыметнікаў з суфіксам *-лів-*, у сучаснай беларускай мове складаюць прадуктыўную групу. Толькі ад адзінкавых прыметнікаў такога тыпу нельга ўтварыць прыслоўе пры дапамозе суфікса *-а* [3, 78-79]. У паэтычным маўленні падобныя прыслоўі ўтвараюцца або ад прыметнікаў-наватвораў, або непасрэдна, праз ступень, ад іменных, дзеяслоўных ці дзеяслоўна-іменных асноў: *дымліва, журбліва, мройліва, мярэжліва, панікліва, скепліва, спудліва, узрушліва: Вогнішча ў лузе даходзіць дымліва...* (Р. Барадулін); *Заружавелі травы і лісцё, Журбліва шэрань коціца над полем...* (А. Пісарык); *Намітку мройліва расцэле Цната пад важкія дары* (Г. Юрчанка); *Густы туман мярэжліва кальшацца* (Г. Юрчанка); *Пранізаныя вілгачыю сырой, Панікліва задумаліся сосны* (М. Дукса); *На досвітку ўсё прамяніцца, Пад вечар цьмяніцца скепліва* (Р. Барадулін); *Не глядзіце спудліва на ногі, Я з падшывы стронцый абатру* (М. Мятліцкі); *Ты шаптала ўзрушліва: сплыло Дваццаць год... расстаяных дваццаць год* (М. Мятліцкі).

Група прыслоўяў з суфіксам *-а* ўтворана ад асноў прыметнікаў з суфіксам *-ов-* (*-ёв-*), *-ав-* або непасрэдна ад асноў назоўнікаў: *альхова, барвова, вясёлкава, вяснова, дыванова, кумачова, малінава, мядова*. Прыметнікі, ад якіх яны ўтварыліся, выражаюць пастаянную статычную прымету, уласцівую толькі прадмету: яна не здольна абазначаць якасць працэсу дзеяння, таму прыслоўі ад іх звычайна не ўтвараюцца. А вось у паэтычным маўленні ад іх утвараюцца прыслоўі з рознымі значэннямі: *У краі тым, дзе лозна і альхова...* (У. Лісіцын); *Ды ўжо нас вітала з усходу зара, Ужо развіналася крыллем барвова* (Н. Гілевіч); *І вясёлкава стронга страліе Па блакітнай тваёй быстрыні* (К. Камейша); *Палессе... Бунтуюцца сокі вяснова* (М. Мятліцкі); *Дыванова абжыты ландшафт* (Р. Барадулін); *А вунь гарыць кумачова – зарыва вайны нагадае СУЗОР'Е ЗУБАЧОВА...* (Р. Барадулін); *Смяецца майстар. Ён багаты. Не так грашыма, што даюць, як тым, што ўсе яго гарняты вось так малінава гудуць!* (Е. Лось); *Развіваюцца дзікія лозы, цацвітаюць пушыста, мядова* (А. Канапелька).

Пры дапамозе суфікса *-а* ўтвараюцца прыслоўі ад асноў прыметнікаў з суфіксам *-іст-* (*-ыст-*), якія матывуюцца назоўнікамі: *аб'ёміста, вятрыста, змяіста, скнарыста: Там вятрыста – сумнаю пустэчай Водзіць прывід згубны жорсткі век* (М. Мятліцкі); *І сцежкі змяіста паўзуць на гару...* (М. Мятліцкі); *Будзе*

ўдача *скнарыста* *Абрываць кручкі* (Р. Барадулін). Больш прадуктыўнымі з'яўляюцца прыслоўі ад асноў прыметнікаў, матываваных дзеясловамі, або непасрэдна ад асноў дзеясловаў: *бруіста*, *буяніста*, *зняверыста*, *спружыніста*, *утаіста*: *Іх [словы] бруіста вызваняць крыніцы, Вышапчуць камлістыя лясы* (М. Мятліцкі); *Упарта Уздымаюся ў нябёсы, У вышыню буяніста іду* (М. Дукса); *Не глядзі зняверыста, Пазірай задзірыста* (Р. Барадулін); *Ды хочацца ледзь-ледзь адолець страх будзённы – Спружыніста вісець Над безданню сцюдзёнай* (М. Дукса); *Памяці вузельчыкі, Дзён хатулёў Развяжы не ўтаіста, Выкладзь не ў хвальбе...* (Р. Барадулін). Такія прыслоўі па сваіх значэннях вельмі блізкія да дзееспрыслоўяў.

Непасрэдна ад асновы прыметніка *пругкі* пры дапамозе мадыфікаванага суфікса *-ыста* ўтворана прыслоўе *пружыста*: *Ступаеш пружыста пракосам – Шырэе дзедзайскі пракос!* (М. Мятліцкі).

Некаторыя прыслоўі ўтвараюцца не ад асноў прыметнікаў з суфіксам *-іст-* (*-ыст-*), а непасрэдна ад асноў назоўнікаў, праз ступень, па трансфармаванай мадэлі, пры дапамозе суфікса *-іста* (*-ыста*), іншы раз – *-овіста*, *-уліста*: *аловіста*, *выкрунтасіста*, *ганарарыста*, *задуміста*, *паперыста*, *парнасіста*, *радковіста*, *рыфмуліста*, *таймырыста* (<Таймыр), *угарыста*, *філасофіста*, *хмарыста*, *цыганіста*, *чужыніста*: *Паперыста*, *аловіста*, *Задуміста*, *парнасіста*. *Спрабую філасофіста – Выходзіць выкрунтасіста. Рыфмуліста*, *радковіста*, *Чужыніста*, *угарыста*, *Аб'ёміста*, *шматсловіста*, *А значыць – ганарарыста* (Г. Юрчанка); *Будуць юшкай хмарыста Трызніць саганкі* (Р. Барадулін); *Жмурыцца цыганіста Палессе – Вечарам чаго недарабіла?* (Р. Барадулін); *У Запаляр'і песьціў мох Таймырыста і мудра* (У. Лісіцын).

Прадуктыўную групу прыслоўяў-наватвораў складаюць прыслоўі, якія ўтварыліся ад назоўнікаў пры дапамозе мадыфікаванага суфікса *-на*. Яны перадаюць наступнае агульнае словаўтваральнае значэнне:

а) "многа таго, што названа ўтваральнай асновай": *азёрна*, *борна*, *бязрозна*, *гойна*, *дожджна*, *лозна*, *лосьна*, *мёдна*, *мошна*, *мурожна*, *ройна*, *сумётна*, *трафейна*, *язна*: *Зняверцу-роспач пратуры: Азёрна, Борна, Гойна!* (Р. Барадулін); *Дзе бярозна – Росна!* (Р. Барадулін); *Ціха, сумна, дожджна* (У. Лісіцын); *Лісце лаза, як рублёўкі, тахоліць, Лозна у Лёзне!* (У. Лісіцын); *У Белавезжы – лосьна, язна ў Шчыры* (Р. Барадулін); *На пасецы нашай не мёдна, не ройна, І самае дзіўнае – нават не родна* (К. Камейша); *Млосна ў лесе Ад мошкі, На імішарах – Мошна* (Р. Барадулін); *Як цёпла ў памяці, мурожна*. (М. Мятліцкі); *Люты. Сумётна. Рупліваму поту б! Горы ля плоту – гэтулькі ўмалоту* (А. Шушко); *Трафейна ў бліндажы: Што хочаш – Лімоны, каньяк* (Р. Барадулін);

б) "падобна таму, што названа ўтваральнай асновай": *аблачынна*, *арганна*, *бліскавічна*, *вырайна*, *рабінна*: *Ягоны [Катулаў] цень Плыве з бліжэйшых гор, Каб ацяніць Еўропу аблачынна* (Р. Барадулін); *...нібы ў Рызе двух'ярусны Домскі сабор уздыхае арганна* (А. Русецкі); *Бліскавічна імчаць распатланыя цені Пад рытмічны пошчак конскіх падкоў* (У. Караткевіч); *Тут вырайна юнацтва лямантуе* (М. Мятліцкі); *Барвяніць досвітак рабінна* (А. Шушко).

З мадыфікаваным суфіксам *-ічна* ў асобны словаўтваральны тып выдзяляецца прыслоўе *гімнічна*, матываванае назоўнікам *гімн*: *Услаўлю гімнічна пасрэднасць...* (Г. Юрчанка).

Некаторыя наватворы тыпу *апуджана*, *зболена*, *ззуджана*, *змікічана*, *знадзаяна*, *прытараджана*, *разжалоблена*, *раззорана*, *раскрылена*, *угнеўлена*, *утраёна* ўтварыліся ад асноў дзеясловаў або назоўнікаў праз адну або дзве ступені: *Дрыжаць, як асіннік, Апуджана рогі* (Р. Барадулін); *Зболена, схаладзела Смерці я ўслед глядзела* (М. Мятліцкі); *Пагас экран, і ззуджана з-за мора Мой боль у сцены хатнія плыве* (М. Мятліцкі); *І не моршчы змікічана твар, Думаі, грошы дзе браць*

несуцыйна (І. Малец); *Толькі ў снах, быццам вязень, закрачаны нематой, Доўга ў браму вяртаньня знадзеяна грукіаў* (Р. Барадулін); *Недзе завушніцы на вярбе, Нібы ў той нявесты прынараджанай... Недзе – гэта ўсё вакол цябе І табе адному прынараджана* (У. Лісіцын); *А на Выгане кнігаўкі разжалоблена гэтак крычаць* (Н. Загорская); *Стаіць май у садзе раззорана* (А. Канапелька); *Забывушыся на асцярогу, Як промні першыя Абуджанай зары, Ляцяць раскрылена Адны другім насустрач Вусны* (Н. Загорская); *...глыб угнеўлена шытала, Калі на хвалі лівень лёг...* (Р. Барадулін); *Цяжар той мусіць важыць утраёна* (К. Камейша).

Іншы раз прыслоўі-наватворы ўтвараюцца канфіксным спосабам ад іменных і дзеяслоўных асноў: *азлітна, неадкупна, нераскайна, няцішина, няўцешліва*: *І стаіць ён слаўны, слынны, Бронзай ўбіты ў быт. І цалуюць лоб аршынны Азлітна галубы* (К. Камейша); *За ману, што абразіла словы, неба душы нябытам карала – неадкупна, няўмольна, сурова* (А. Канапелька); *Нераскайна Высокую чэннасць Надавала сама І парывунаму кроку насустрач, І загойнаму слову* (Н. Мацяш); *Жабы ў кожнай сажалцы крумкалі няцішина* (Н. Гілевіч); *Ды смутак мой няўцешліва падвойны* (М. Мятліцкі).

Даследчыкі адзначаюць, што складаныя прыметнікі не ўяўляюць «багатай базы для ўтварэння прыслоўяў» пры дапамозе суфікса *-а* [3, 91]. Не з'яўляюцца выключэннем і паэтычныя творы, дзе ў словаўтваральным працэсе удзельнічаюць пераважна складаныя прыметнікі-наватворы: *белацінна, вастракрыла, вольнакора, зеленавока, крутаброва, самазабойча, светазорна, светаносна, снегавейна, трохвока, тысячарука*: *Красы я не наламвала бярэмы; нясмелай да канца вясны была, але на светлых косах дывядэма з язіну белацінна цвіла!..* (Е. Лось); *Праз небыццё, Вякоў равы Трава Праб'ецца вастракрыла...* (Р. Барадулін); *Пазнаньня дрэва вольнакора Галініцца ад завірух* (Р. Барадулін); *Раз – і зірнула лісце Зеленавока на свет* (К. Камейша); *[Неба] ...крутаброва Маладзік узяло* (Р. Барадулін); *Я не з тых, Што краю роднаму над прорвай Самазабойча б'юць пад дых* (Н. Гілевіч); *Няхай заўсёды светазорна Траіцца радуга ўваччу* (Г. Юрчанка); *Над светам і над табою Светаносна кружляюць арлы* (У. Караткевіч); *На душы Снегавейна і зорна* (С. Басуматрава); *Трывога зеўрыцца трохвока* (Р. Барадулін); *Рукі старога дрэвы гаілі, Як п'еўня, за глотку бралі агонь, – Тысячарука сосен галіны Паўтарылі рукі яго* (Р. Барадулін).

Фактычны матэрыял з твораў сучаснай беларускай паэзіі сведчыць, што ў працэсе ўтварэння прыслоўяў удзельнічаюць усе знамянальныя лексіка-граматычныя класы слоў. Ад асноў прыслоўяў часцей утвараюцца кампазіты, якім уласціва багацце значэнняў, што знаходзяцца ў прамой залежнасці ад спалучальнасці іх кампанентаў. Працягваецца працэс утварэння прыслоўяў суфіксальным спосабам ад асноў прыметнікаў па традыцыйных словаўтваральных мадэлях. Разам з тым, знаходзяцца актывізацыю трансфармавання словаўтваральных мадэлі, па якіх новыя прыслоўі ўтвараюцца непасрэдна ад асноў назоўнікаў і дзеясловаў. Прэфіксальны, канфіксны і некаторыя іншыя спосабы словаўтварэння пры ўтварэнні прыслоўяў-наватвораў малапрадуктыўныя.

Літаратура

1. Беларуская граматыка: У 2-х ч. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – Ч. 1: Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. – 431 с.
2. Прыгодзіч М.Р. Словаскладанне ў беларускай мове. – Мінск: БДУ, 2000. – 227 с.

3. Шуба П.П. Прыслоўе ў беларускай мове: Марфалагічны нарыс. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1962. – 194 с.

Summary

On the basis of the rich factual material taken from modern Belorussian poetry peculiarities of formation of newlg-formed adverbs are analysed, their productivity and semantics are examined.

Поступила в редакцию 11.11.02.

УДК 808.26

Л.В. Цалко

КРЫНІЦЫ ПУШКІНСКІХ МЕТАФАР

Пры аналізе метафарычных словазлучэнняў у творчасці А.С. Пушкіна важна даведацца пра крыніцы іх узнікнення. Для творчасці паэта асабліва значным было, як вядома, уздзеянне французскай паэтычнай фразеалогіі, якая выклікала з’яўленне асобных фразеалагічных нштампаў. “Французскі ўплыў на творчасць Пушкіна больш моцны за ўплыў іншай замежнай культуры” [10, 62]. Нягледзячы на тое, што нарадзіўся аўтар у Маскве, але ў бацькавым доме панавала выключна французская мова. Настаўнікі, якіх наймаў бацька, былі пераважна французы. У ліцэі за ім замацавалася мянушка “Француз”: ніхто з яго таварышаў не валодаў так дасканала французскай мовай і не ведаў так глыбока французскую літаратуру.

Сярод самых першых ліцейскіх вершаў два былі напісаны па-французску. На працягу наступных дзесяці гадоў паэт стварае яшчэ некалькі твораў на французскай мове (жарты, эпіграмы, роздумы пра жыццё – Couplets), у 1825 годзе ён піша свой апошні французскі верш “La rose éblouissante a terminée sa vie...” (“Чудная роза закончыла сваю жыццё...”), но ёй красоте дано бессмертье: “ses mânes parfumés/ Vant charmer du Léthe les bords inanimés” (“ёе благоуханные тени зачаруюць безжизненные берега Леты”) [8, 515].

А.С. Пушкін бліскуча перакладаў творы сваіх любімых паэтаў (Вальтэра, Парні), і пры гэтым сапернічаў з імі ў яркасці моўных сродкаў [8, 515].

Разам з самастойна перакладзенымі метафарами паэт ужывае ў сваіх творах і метафарычныя сродкі, створаныя іншымі аўтарамі ў выніку перакладу з французскай літаратуры.

Завистливый покров у ног лежит.

Падут ревнивые одежды

На цареградские ковры.

Гэтыя прыклады вельмі блізкія да “les jaloux vêtements” у Парні (дакл.: ревнивые одежды).

Аднак, як слухна зазначае В.У. Вінаградаў, “прыгожая фраза і перыфраза, якая ўтворана па французскіх узорах у стылі карамзіністаў, часта засланялі жывую рэальную сутнасць прадмета... Пры гэтым асабліва беспрадметная і штампаваная руска-французская фразеалогія некаторых пушкінскіх вершаў ранняга перыяду – 1814-1817 гадоў. Амплітуда ваганняў тут вельмі вялікая, пачынаючы ад шчырых “дзелілеўскіх” перыфраз (апошнія асмейваліся Пушкіным у пісьме да брата ад снежня 1824г...) да тых, якія сталі паэтычнымі клішэ метафар лірычнай паэзіі канца ХVIII – пачатку ХІХ стагоддзя” [1, 132-133].

*Ты любишь обонять не утренний цветок,
А вредную траву зелену,
Искусством превращенну
В пушистый порошок!*

*Молчит певича вешних дней
В пустыне темной рощи.*

*Но рюмок звон тебя разбудит,
Ты вскопишь с бодрой головой,
Оставишь смятую подушку –
Подымешь милую подружку –
И в келье снова пир горой.*

Як вядома, французская мова дасканала распрацаваная, зручная для выражэння ўсіх адценняў думак і пачуццяў. Дзякуючы наяўнасці гатовых формул на ўсе выпадкі жыцця, яна дазваляла ўтойваць адсутнасць сапраўдных пачуццяў і арыгінальных думак. Што ж да рускай мовы, дык яна на той час не была такой апрацаванай, у ёй адсутнічалі гатовыя формы для выражэння інтымных перажыванняў і філасофскіх, навуковых, палітычных паняццяў. Яна толькі пачынае стварацца ў гэтым накірунку, магчымасці яе бязмежныя. Справа літаратараў – на аснове перш за ўсё народнай размоўнай мовы і пераканаўчага вопыту французскай мовы стварыць рускую літаратурную мову, здольную перадаць усе адценні думак і пачуццяў [8, 518].

У прыватнасці, французская літаратура аказала ўздзеянне на пушкінскія метафары, якія звязаны з канцэптам “смерці”.

*Последний глас Эвлегу призывал,
И смерти хлад их ярость оковал.
Он грозный меч извлек, и нет уже Звучнела,
И бледный дух его сокрылся в тьме ночной.*

*Он пал – ещё рука меча кругом искала,
И крепкий сон веков на сильного слетел.*

Трэба адзначыць, што “ў “Руслане і Людміле” фразеалогія аўтарскага апавядання замыкаецца ў межах “французскіх” перыфраз і метафар сярэдняга стылю “свецкай літаратуры” [1, 204].

*Трепеща, хладною рукой
Он вопрошает мрак немой.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замков безжалостный дверей.
И неприметно веял сон
Над ним холодными крылами.*

...пол ревнивый

*Скрипит под ножкой торопливой.
Покров завистливый лобзает
Красы, достойные небес.
Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь!
Одежда неги заменит
Железные доспехи брани.*

Гэтак жа мы выдзяляем у творчасці паэта і калькі з французскай мовы метафарычнага характару, звязаныя з канцэптамі “святло”, “дабро”, “каханне”, “зло”, “цэбра”, “захапленне”. Большасць іх адносіцца да метафарычных архетыпаў.

*Светило дня (l'astre du jour)
Светило ль дня взойдёт,
Луч кинув позлащённый
Сквозь узкое окно..*

*Прости, светило дня, прости, небес завеса.
Немая ночи мгла, денницы сладкий час.*

*Светило ночи (les astres de la nuit, l'astre de la nuit)
Светила ночи затмевались;
В дали прозрачной означались
Громады светлоснежных гор.*

*Светило утра (l'astre du matin (du jour)
Уж утра яркое светило*

Поля и рощи озарило.

В объятиях свободы (*l'embrassement de la liberté*)

Спешил в объятия свободы.

Пелена предрассуждений (*le voile des préjugés*)

От пелены предрассуждений

Разоблачился ветхий трон.

Печать злобы (*l'emprein de la colere*)

Ты видишь, добрый мой читатель,

Тут злобы чёрную печать!

Печать проклятия... (*Cachet de la malédiction*)

Читают на твоём челе

Печать проклятия народы.

Ночи мгла (*les ténèbres de la nuit*)

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла

По небу стелется одеждою свинцовой.

И гневом, будто мглою ночи

Покрылось старое чело.

Мрак ссылки (*les ténèbres de l'exil*)

Старик Палей из мрака ссылки

В Украйну едет в царский стан.

У мове пазгычных твораў А.С. Пушкіна актыўна ўжываецца слова “восторг”, якое А.Д. Грыгор’ева лічыць калькай з французскай мовы “transport – “раз’юшанасць, захапленне”; delir – раз’юшанае захапленне; extase – “захопленняя раз’юшанасць” [5, 217].

Чуть-чуть дыша, мы обомлели,

В восторгах чувства онемели...

Что вы, восторги сладострастья,

Пред тайной прелестью отрад

Прямой любви, прямого счастья?

В восторгах неги сладострастной,

Блуждаешь по груди прекрасной.

Гэты ж аўтар адзначае, што названае слова сустракалася і ў французскіх паэтаў.

Уж начались восторги страсти нежной,

И поцелуй любовью возгорит.

Пар. у Парні: “et mon bonheur commence /Baisers d’amour, soyer longs et brûlans” (дакі і моё счастье начнётся/ поцелуи (объятия) любви пусть будут долгими и страстными).

У А.С. Пушкіна мы знаходзім і метафарычныя спалучэнні тыпу “упоённый (чем)” у значэнні ‘адчуваць захапленне ад чаго-небудзь’, “упиваться (чем)” у значэнні ‘адчуваць асалоду ад чаго-небудзь’, “потонуть (в чём)” у значэнні ‘адчуваць якое-небудзь пачуццё ў якой-небудзь ступені’.

Но, упоен любовью страстной,

И нежных муз не забывай.

Пусть наша ветреная младость

Потонет в неге и вине.

Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался,

Отрадой тихою, восторгом упивался...

На думку В.У. Вінаградава, названыя спалучэнні ўзніклі пад уплывам французскай мовы і французскай класічнай паэзіі. Вучоны прыводзіць французскія паралелі адпаведных спалучэнняў: l’envivrement de l’amour et des passions – упоение любви и страстей; s’envivrer d’esperance – упиваться надеждой; enivre de sa fortune – упоён своим счастьем; etre ivre d’ambition, d’orgueie [2, 261].

Аднак да запазычанняў з французскай мовы Пушкін адносіўся прагматычна – з пункту гледжання агульных патрабаванняў і цікавасцяў рускай мовы і рускага

грамадства. Ён, безумоўна, быў супраць злоўжывання галіцызмаў і сам каяўся ў гэтым граху. Але разам з тым, паэт прызнаваў і карысць, якую яны могуць прынесці мове, узбагачаючы яе [4, 80].

Цікава адзначыць, што калькаванне аднаго і таго ж вобразна-фразеалагічнага выразу рознымі аўтарамі прыводзіла да ўзнікнення ў паэтычнай мове розных варыянтных разнавіднасцей перыфраз і апісальна-метафарычных выказаў, што залежала (нават пры дакладным перакладзе) ад схільнасці паэта да таго ці іншага сінаніма дадзенага вобразна-сінанімічнага рада. Вялікія магчымасці для ўтварэння такіх разнавіднасцей давала высокая, царкоўнаславянская лексіка, якая ўносіла асаблівую, не ўласцівую французскім выразам афарбоўку ўрачыстасці [5, 20-21].

На метафарычныя сродкі, створаныя пад уплывам французскай літаратуры, вельмі вялікае ўздзеянне аказвалі царкоўна-біблейскія выразы, якія ўжываліся паралельна з метафарамі, якія ўзніклі з тагачаснага быту.

<i>Когда сожмёшь ты снова руку,</i>	<i>Амур нашёл ее в Цитере,</i>
<i>Которая тебе дарит</i>	<i>В архиве шалости молодой.</i>
<i>На скучный путь и на разлуку</i>	<i>По ней молись своей Венере</i>
<i>Святую библию харит?</i>	<i>Благочестивою душой.</i>

Характэрнай прыкметай царкоўнаславянскай лексікі з'яўляецца націскны гук [e] перад цвёрдымі зычнымі замест гука [o]. На такую акалічнасць указваў у свой час Р.В. Вінакур: “У царкоўнакніжнай традыцыі рускага сярэднявечча гук e пад націскам не перад мяккімі зычнымі захаваўся нязменным, што ж да народных гаворак, то ў жывым рускім маўленні гук e вельмі рана замяніўся ў гэтых умовах гукам o, захаваўся нязменным”. Ён лічыць, што Пушкін вядзе сябе як паслядоўнік традыцыі, якая дапускала (першапачаткова ж – патрабавала абавязкова) ў вершаванай мове не жывое рускае, а даўняе кніжнае, якое захавалася яшчэ як строгая норма ў царкоўнай мове, вымаўленне e замест o [3, 265].

<i>Люблю я в полдень воспаленный</i>	<i>И вдруг растрепанную тень</i>
<i>Прохладу черпать из ручья.</i>	<i>Я вижу прямо пред собою</i>

*Морей красавец окриленный
Тебя зову – пльви, пльви!*

Асабліва з 1818 года адбываецца ўзмацненне антырэлігійнай фразавай семантыкі: “царкоўныя вобразы эратычна выварочваюцца навыварат ці іранічна ахінаюць у выглядзе метафар рэжым урада і яго афіцыйныя праявы” [1, 196]. Пацвярджэнне гэтаму мы знаходзім у наступных радках А. Пушкіна:

<i>Кто, удалив заботы прочь</i>	<i>На этих днях, среди собора,</i>
<i>Как верный сын пафосской веры,</i>	<i>Митрополит, седой обжора,</i>
<i>Проводит набожную ночь</i>	<i>Перед обедом невзначай</i>
<i>С молодой монашенкой Цитеры.</i>	<i>Велел жить долго всей России</i>
	<i>И с сыном птички и Марии</i>
	<i>Пошёл христосоваться в рай...</i>

В.У. Вінаградаў лічыў, што паэтычная “мова багоў” пазбягала непасрэдных суадносін з сістэмай бытавой мовы, паэтычнае слова было скавана мёртвымі схемамі і застылымі вобразами штучнай “міфалогіі” і замкнута ў прадвызначаныя межы літаратурных асацыяцый [1, 15].

Важна мець на ўвазе, што на творчасць А.С. Пушкіна ўплывала і старажытнаруская літаратура. Як слушна заўважае С.А. Фамічоў, “культура старажытнай Русі ў пушкінскую эпоху была дастаткова моцным фактарам, які аказваў свой уплыў і на творчасць пачынальніка новай рускай літаратуры” [11, 28].

Матэрыялы нашага даследавання сведчаць, што найбольшы ўплыў на творчасць паэта аказала “Слова пра паход Ігаравы”. Пра гэта пісалі многія даследчыкі: М.В. Лернер, М.А. Цяўлоўскі, М.К. Гудзіі, Я.І. Ясінскі, В.У. Вінаградаў,

І.А. Новікаў, Ф.Я. Прыйма, Дз.Дз. Благой і інш. “Слова пра паход Ігаравы” ўвайшло ў асноўны фонд пушкінскіх успрыманняў і роздумаў не як нешта выпадковае, што адыграла сваю ролю, а потым забылася, а як адзін з істотных элементаў складанага творчага свету, які развіваўся па сваіх высокіх законах”[7, 98].

Даследчыкі сцвярджалі, што “Слова пра паход Ігаравы” блізкае творчаму духу А.С. Пушкіна, што некаторыя жывыя рысы “Слова” ў асобных момантах зусім мімавольна, як бы самі сабою, зляталі з пёра генія рускай літаратуры. Пра гэта сведчаць наступныя радкі, якія нельга разглядаць як запазычанні, але ў якіх яўна адчуваецца ўплыў “Слова”:

*Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных
Сердца их мщеньем зажжены,*

а Ігар у “Слове” укрэпав свай ум, ещэ его “н поостри сердца своего мужеством!”

У А.С. Пушкіна:

*И степь ударом огласилась;
Кругом росистая трава
Кровавой пеной обогрелась.*

У дадзеным урыўку А.С. Пушкін ужывае і вобраз той зямлі, якой яна была ў “Слове” – “кровню поляна”.

Амаль аднолькавыя метафарычныя спалучэнні ўжываюцца і ў наступных прыкладах:

*Летит, надеждой окриленный,
По стогнам шумный в княжеский дом.
Народ, восторгом упоенный,
Толпится с кликами кругом.*

Тут адчуваецца тая ж прыўзнятасьць, тое ж захапленне, што і ў “Слове”: **Солнце свѣтитъ на невестѣ, Игорь Князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунани. Вьютъя голоси чрезъ море до Кіева Игорь ѣдет по Боричеву къ Святѣй Богородици Пирогощей. Страны радн, гради весели. Гѣты малюнак якраз і перадаў пры дапамозе метафарычных сродкаў А.С. Пушкін.**

Матэрыялы нашага даследавання дазваляюць прасачыць, што некаторыя пушкінскія метафары створаны на аснове метафарычных сродкаў “Слова пра паход Ігаравы”.

*... Вдруг
Гром грянул, свет блеснул в тумане,
Лампада гаснет, дым бежит,*

*Кругом всё смерклось, всё дрожит,
И замерла душа в Руслане...*

Падобныя радкі сустракаюцца і ў “Слове”. Пры дапамозе метафар Пушкін стварае малюнак, які прадказваў вялікія выпрабаванні галоўнаму герою, як і “знамение с неба” у “Слове”: **Тогда Игорь възрѣ на светлое, солнце и вид отъ него тьмою вся своя воя прикрыты**

*Когда же на закате
Последний луч зари
Потонет в ярком злате
И светлые цари
Смеркающейся ночи
Плывут по небесам.*

*Длго ночь мркнетъ, заря
свѣтъъ запала.”*

Пад уплывам “Слова” паэт ужывае і метафарычныя канструкцыі, якія маюць дачыненне да канцэпту “святло”.

У прыведзеных вышэй урыўках гаворка ідзе пра адзін і той самы вобраз ночы і зары, якая нарэшце гасіць святло. Апісана ўсё гэта зноў жа пры дапамозе метафарычных сродкаў (лампада гаснет, последний луч зари потонет в ярком злате), якія вельмі лаканічна даюць усю паўнату карціны, вобраза, думкі і разам з тым не

прыводзяць ні да схематызму, ні да сухасці, бо прасякнуты сапраўдным пачуццём любові да роднай краіны і гарачай думкаю. Пацвярджэннем гэтаму могуць быць словы І.Новікава, які, гаворачы пра роднасць “Слова” і “Воспоминания”, адзначаў, што “несумненны і сапраўдны пафас абодвух рэчаў: самая гарачая і чыстая любоў да Радзімы, якая заражае і хвалюе” [7, 20]. І далей: “дыханне “Слова” асабліва адчувальна ў тых мясцінах яго паэзіі, дзе з асаблівай сілай выражаецца пушкінскі патрыятызм” [7, 88]. Не менш значным з’яўляецца агульная для абодвух паэтаў асабліва ўвага да народнай творчасці, песні, прыказкі, да самой гучнасці фразы – менавіта гэта вызначае сабою і паэтычна-гукавую жывучасць старажытнай паэмы, і яе паўнацэннасць, як і творчасць Пушкіна.

А.С. Пушкін, як стваральнік літаратурнай мовы, імкнуўся рэалізаваць выяўленчыя магчымасці ўсіх пластоў лексікі, як кніжна-літаратурных, так і народна-размоўных.

Усё глыбей уваходзіць паэт у народную стыхію, вывучае народную мову. Пераапрацаваецца ў мешчаніна, наведвае кірмашы, народныя гульні, водзіць карагоды. Жабракі пяюць яму песні, расказваюць вершы. Асабліва яго цікавілі апавядальныя жанры, вусная проза. З Міхайлаўскага ён пісаў брату: “...вечарамі слухаю казкі – і ўзнагароджваю тым недахопы праклятага свайго выхавання. Што за цуд гэтыя казкі! Кожная ёсць паэма” [6, 105]. Аб гэтым жа сведчаць і іншыя выказванні паэта: “клімат, тып праўлення, вера даюць кожнаму народу асаблівую фізіяномію, якая больш ці менш адлюстроўваецца ў люстры паэзіі. Ёсць вобраз думак і пачуццяў, ёсць процьма звычаяў, павер’яў і звычак, якія належаць выключна якому-небудзь народу”.

Народна-паэтычны ўплыў адчуваецца і на ўжыванні паэтам сродкаў вобразнага метафарычнага выражэння. Сярод метафар прастамоўнага паходжання сустракаюцца словы, якія звязаны з канцэптам “ежа” і яе ўжыванне.

Блажен в златом кругу вельмож

Он вкус притупленный щекотит

Пиит, внимаемый царями

И к славе спесь бояр охотит

Владея смехом и слезами,

Он украшает их пиры

Приправя горькой правдой ложь

И внемлет умные хвалы.

Падагульняючы сказанае, зазначым: вытокамі метафарычных сродкаў А.С. Пушкіна з’яўляліся ўсе функцыянальныя пласты лексікі, якія ўзбагачалі літаратурную мову таго перыяду, на што ўказваў Л.У. Шчэрба: “аснову рускай літаратурнай мовы складаюць, безумоўна, спрадвечна рускія элементы, але да іх дадаюцца царкоўнаславянскія словы, дыялектныя элементы, замежная тэрміналогія зусім непрыкметны для няўзброенага вока французскі ўплыў” [12, 125].

На думку В.У. Вінаградава, творчасць А.С. Пушкіна, які аб’яднаў “тры сацыяльна-моўныя з’явы”, садзейнічала ўзбагачэнню рускай літаратурнай мовы. Гэта датычыцца, у прыватнасці, яе вобразна-метафарычных сродкаў.

Адбор і характар ужывання аўтарам метафар у многім залежалі ад актыўнасці ў паэтычным стылі тых ці іншых мадэляў пераносу. Напрыклад, традыцыйны характар прыпадабнення розных інтэлектуальных з’яў да святла абумовіла шырокае ўжыванне паэтам метафар названай групы як з кніжнай, так і з народна-паэтычнай крыніц.

Як паказалі матэрыялы нашага даследавання, усе названыя крыніцы істотна паўплывалі на лексічны склад і структуру метафарычных канструкцый А.С. Пушкіна. Некаторыя з іх сталі ўстойлівымі сродкамі паэтычнага стылю паэта пушкінскай пары і больш позняга перыяду.

Літаратура

1. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М., 1941.

2. Виноградов В.В. Язык Пушкина. – М.- Л., 1935.
3. Винокур Г.О. Пушкин и русский язык // Винокур Г.О. О языке художественной литературы: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. – М., 1991.
4. Гак В.Г. Язык Пушкина и французский язык // Вопросы языкознания. – 2000. – № 2.
5. Григорьева А.Д. Поэтическая фразеология конца ХVIII- нач. XIX в. (именные сочетания). – В кн. Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. – М., 1964.
6. Лотман Ю.М. Пушкин. – М., 1995.
7. Новиков И. Пушкин и “Слово о полку Игореве”. – М., 1951.
8. Пушкин: Школьный энциклопедический словарь // Под ред. Коровина В.И. – М., 1999.
9. Русско-французский словарь // Под ред. Щербы Л.В., Матусевич М.И. – М., 1983.
10. Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. – Л., 1960.
11. Фомичёв С.А. Пушкин и древнерусская литература // Русск. литература.– 1987. – № 1.
12. Щерба Л.В. Избранные труды по русскому языку. – М., 1957.

Summary

This article analyzes what influences the lexical composition and structure of Pushkin's metaphors.

Поступила в редакцию 11.03.03.

УДК 801.3.26

В.В. Шур

ЭТЫМАЛАГІЗАЦЫЯ ОНІМАЎ ЯК МАСТАЦКІ ПРЫЁМ У ТВОРАХ БЕЛАРУСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ

У мастацкай літаратуры з мэтай усебаковага і займальнага апісання персанажа (аб'екта) іншы раз выкарыстоўваюцца этымалагічныя каментарыі і абагульненні, якія па ходу сюжэту выяўляюцца ў онімах. Для гэтага шырока ўжываецца фальклорная інтэрпрэтацыя і рэматывацыя паходжання тапонімаў, што насычае мастацкі тэкст элементамі дыялектна-этнаграфічнага і фальклорна-этымалагічнага каментарыя. Багацце такіх тлумачэнняў у тэкстах некаторых пісьменнікаў, выкліканае самымі рознымі мастацка-эстэтычнымі задачамі, паспрыяла замацаванню ў навуковай і метадычнай літаратуры выразу «народная этымалогія», «наіўная этымалогія», «ліжывая этымалогія» і інш. Асяроддзе, дзе такія этымалогіі ствараюцца, як заўважана спецыялістамі, не карыстаецца распрацаванымі і апрабаванымі метадыкамі аналізу слова (параўнальна-гістарычным, супастаўляльным, марфемным, семантычным і інш.), а найчасцей абмяжоўваецца прыкладамі выпадковага супадзення ў гучанні вядомых у народзе слоў. Здараецца, што такое супадзенне можа «патрапіць у цэль» і стаць зыходным пунктам усебаковага навуковага даследавання. Менавіта з народнага тлумачэння бярэ пачатак навуковая этымалогія тапоніма Гарывада, на які была звернута ўвага толькі пасля таго, як у ваколіцах рэчыцкай вёскі Гарывада было адкрыта першае ў Беларусі радовішча нафты. Такім чынам, экстралінгвістычны фактар паўплываў на погляды лінгвістаў і ўнёс карэктывы ў вывучэнне паходжання, а народная этымалогія стала

вызначальнай падставай для ўсебаковага і навукова абгрунтаванага тлумачэння гэтага айконіма.

Аналізуючы мастацкі тэкст, выяўляючы ў ім этымалагічныя падказкі і тлумачэнні, можна ўмоўна выдзеліць некалькі ўзроўняў успрыняцця чытачом унутранай формы (матывацы) онімаў, на якія свядома ці на інтуітыўным узроўні заўсёды арыентуецца пісьменнік: навуковы, прафесійны, агульнаадукацыйны, бытавы [5, 22].

У творах мастацкай літаратуры пры апісанні, напрыклад, тапанімічных аб'ектаў мастацкі слова, як сведчыць аналіз іх творчасці, найчасцей улічваюць агульнаадукацыйны і бытавы ўзровень этымалагічнай кампетэнцыі чытачоў, маючы на ўвазе, відаць, тое, што навуковы і прафесійны ўзровень рэматывацыі звычайна звязаны з успрыняццём этымалогіі слоў спецыялістамі, якія валодаюць значным запасам прафесійных ведаў і могуць карыстацца рознымі навуковымі крыніцамі і крытэрыямі. А так званы бытавы ўзровень валодання этымалагіяй слова, на думку даследчыкаў, уласцівы амаль кожнаму прадстаўніку соцыуму. Прычым, як заўважана спецыялістамі-этымолагамі, чым менш разбіраецца асоба ў пытаннях мовы, гісторыі ўзнікнення слова, яго эвалюцыі, тым больш безапеляцыйна і катэгарычна яна выказвае свае меркаванні адносна паходжання таго або іншага тапоніма, уласнага імя, мянушкі, прозвішча, звычайнага слова. У жыцці ж атрымліваецца, што практычна кожны прадстаўнік соцыуму робіць памкненні тлумачыць паходжанне слоў, асабліва тапонімаў, прозвішчаў. Улічваючы менавіта апошняе, пісьменнікі нярэдка выкарыстоўваюць у мастацкіх тэкстах народныя этымалогіі, якія ў мове персанажаў, радзей – у мове аўтара дапамагаюць перадаць каларыт асяроддзя, часу, настроіць чытача на адпаведную хвалю, стварыць перакачальны вобраз прадстаўніка з народа, які традыцыйнымі сродкамі «народнай этымалогіі» тлумачыць асаблівасці ўзнікнення тапанімічных назваў, прозвішчаў, мянушак і г.д.»

Шырока ўводзіў народныя этымалогіі як мастацкі прыём у сваіх творах Ф. Янкуўскі. З іх выкарыстаннем атрымалі мастацкае асэнсаванне займальна напісаныя навель-абразкі «Паперня», «Мілавіца», «Гарывада», «Там, за Бабруйскам» (пра тапонім Згода), «Воталава – Волатава – Валатоўскі», «Згода», «Зацань», «Люблю сваімходам» (пра тапонімы Добраўка, Дараўка), «З Палесся» (пра тапонім Бортнікі і прозвішча Бортнік), «Гасцінцы» (пра тапонімы Гасцілавічы, Гасцілаўцы, Гасцілы і прозвішчы Гасціла, Гасцікокевіч, Гастэла і інш.) «Адзінец», «Дымі», «Прозвішча» і інш. [3]. Так, расказваючы пра паходжанне назвы возера Воталава, што на Лепельшчыне, аўтар піша, што мясцовыя жыхары сваё возера называюць не Воталава, а Волатава, звязваючы онім з волатамі – асілкамі, якія нібыта ў далёкай старажытнасці жылі ў гэтых мясцінах і, магчыма, выкапалі вадаём. Народная легенда, якую аўтар выкарыстаў у творы, на думку пісьменніка, не пазбаўлена логікі і не павінна адкідацца спецыялістамі пры ўсебаковым лінгвістычным аналізе гэтага оніма. У абразку «Паперня» пісьменнік прыводзіць дзве народныя легенды пра паходжанне тапоніма Паперня – назвы невялікай вёскі пад Мінскам. Праз мастацкае апісанне і рэматывацыю аўтар звяртае ўвагу на тое, што гэтае слова натуральнае для беларускай мовы, яно семантычна празрыстае, выразнае, гаваркое, арганічна ўпісваецца ў цэлы рад падобных паводле словаўтварэння адзінак: лякарня, ганчарня, друкарня, цукраварня. У абразках, апавяданнях гэтага пісьменніка народная этымалогія даволі паслядоўна дапаўняецца звесткамі з лексікалогіі, дыялекталогіі, гісторыі мовы, іншых сумежных навук. Так, каменціруючы паходжанне рэальнай назвы вёскі Зацань, што каля Мінска, пісьменнік у кантэкст непрыкметна ўводзіць элементы навуковага каментарыя, паказваючы этапы станаўлення назвы, насычаючы яго звесткамі з розных навук: *...Яна (вёска – В.Ш.) на беразе рэчкі Цна. Яны заўсёды былі зроднення, і словы, якімі называюцца, – самыя крэўныя. Адно старэйшае,*

другое – маладзейшае. І без выкладак гідранімічных лёгка паверыць і пакінуць сумненне: спачатку назва рэчкі, а потым на рэчцы селі людзі, вырасла вёска, а з ёю і назва – Зацань: рэчка цячэ з поўначы на поўдзень, а вёска на правым беразе...

Цна ў нас не адна. І гэта напачатку не назва ракі, а назва рукі: левая рука ў старадаўнасці мела назву ДЬСНА [3,470].

Даючы мастацкую этымалагізацыю гідроніма Цна і айконіма Зацань, пісьменнік выкарыстаў звесткі з гісторыі, геаграфіі, гістарычнай граматыкі і аднавіў першасныя моўныя адзнакі рэалій (ракі і вёскі), якія сталі матываванымі сведчаннямі, пакладзенымі ў аснову назваў гідроніма і айконіма.

Этымалагізацыя онімаў у мастацкім творы – часты аўтарскі прыём у творах Я. Коласа, Н. Гілевіча, Р. Барадуліна, Г. Далідовіча і іншых пісьменнікаў. Так, Я. Колас у апавесці «На ростанях» тлумачыць паходжанне тапоніма Смалярня, прыводзячы займальныя лінгвістычныя і гісторыка-этнаграфічныя каментарыі: *Каля чыгункі, што злучае Мінск і Брэст, непадалеку ад станцыі, у малапрыкметным кутку сярод высокага цёмнага лесу, тулілася леснікова сямліба. Капісь тут была смалярня. Ад яе засталіся толькі глыбы гліняных пячэй, дзе парыліся смалякі ды дробныя рэшткі пранятых смалою карчоў. Яшчэ і цяпер адчуваўся тут духок дзёгцю і тарпатыны. Назва «Смалярня», як спадчына, перайшла на леснікову сямлібу [1, IX, 522].* Гэты тэкст – выразная ілюстрацыя да працэсаў тапанімізацыі і этымалагізацыі, якія ў такім апісанні ўзаемзвязаны і ўзаемаабумоўлены. Апелятыў смалярня – «смалакурнае прадпрыемства», перажывушы пэўныя этапы тапанімізацыі, становіцца айконімам – назвай паселішча з выразна празрыстай унутранай формай, якая адпавядае тыповай беларускай словаўтваральнай мадэлі: аўчарня, грыбаварня і г.д. Падобныя назвы месцаў былых промыслаў, прадпрыемстваў, як вядома, даволі часта становіліся тапонімамі: рудня → Рудня, буда → Буда, паперня → Паперня і г.д.

Этымалагізуючы мікратапонім Сустрэнаўка ў апавесці «На ростанях» Я. Колас выяўляе ўнутраны яго сэнс у разважаннях-маналогах Андрэя Лабановіча: *Дарога ішла праз лес, чысты, высокі, стромкі бор. Бор гэты меў назву сустрэнаўка. «Чаму яго назвалі так? Відзец, тут адбылася нейкая сустрэча», – разважаў Андрэй, падаючыся далей у бок Мінска [1, IX, 585].* Наступны кантэкст апавесці ў пэўнай меры пашырае ўяўленне чытача пра аб'ект і падказвае магчымы працэс этымалагізацыі мікратапоніма праз мастацкае апісанне аднаго з варыянтаў сустрэчы: *І раптам (Лабановіч – В.Ш.) заўважыў – уперадзе, крыху ўбок ад дарогі, стаіць вялізны стары лось, гарбаносы, з цёмнай шэрсцю на спіне, са здаравымі лабчастымі рагамі. «Вось табе і Сустрэнаўка», – сказаў сам сабе Лабановіч [1, IX, 585].* Такім чынам, мікратапонім Сустрэнаўка з выразным этымалагізаваным значэннем яго асновы ў мастацкім тэксце з'яўляецца прама матываваным, характарызуе аб'ект праз семантыку яго апелятыва.

Прыём мастацкай этымалагізацыі онімаў асабліва часта назіраецца ў апавяданнях Ф. Янкоўскага пры апісанні рэальных тапанімічных аб'ектаў: *...а з таго дня мне асабліва дарагою назваю – Лекараўка... Лекараўка! (вёска ў Мінскі раёне – В.Ш.) Была яна карміцелька наша, была яна лекараўка наша [3, 71].* Выкарыстанне мімезіснага рэдубліката-апелятыва ў постпазіцыі да тапоніма (Лекараўка – лекараўка) ажыўляе, падказвае натуральную семантыку оніма, робіць мастацкі тэкст эмацыйна ўскладненым. Параўн.: лекар, лекарка (разм.) «доктар, доктарка». У адметнай сінтаксічнай пазіцыі кампаненты мімезіснай канструкцыі ператвараюцца ў «актуальны элемент паведання», набываюць адмысловае сэнсавое адценне і эмацыйна-экспрэсіўную афарбоўку [6, 99]. У апавяданні «Алік» пісьменнік яшчэ раз звяртаецца да разгорнутага мастацкага тлумачэння гэтай назвы, прыводзячы ў апісанні лексем-актуалізатары і інтэнсіфікатары: *У вёсцы Лекараўка (назва яе – сама характарыстыка роднага, сама матчына руплівасць, само жыццядайнае*

гучанне, сама жыццядайная сіла) партызанскі атрад чакаў ночы, каб выйсці на засаду... [3, 67]. Такім чынам, каментарыі, удакладненні да онімаў, насычаныя разнастайнай інфармацыяй і аформленыя як устаўныя канструкцыі, – паказальны элемент стылю Ф. Янкоўскага.

Мастацкая этымалагізацыя онімаў выяўляецца і ў наступнай канструкцыі: *Міхась, казалі ў вёсцы, – гэта Міхась, а не які там Міхаль-піхаль* [3, 409]. У парадыгматычнай антрапаформуле таўталагічна аб'яднаны кантэкстуальныя онімы-кантрасцівы: *Міхась – Міхась – Міхаль-піхаль*, дзе другі кампанент – онім-актуалізатар, якім падкрэсліваецца канатацыйная сутнасць першага імя, якое, набыўшы выразную семантычную напоўненасць (гаспадар, руплівец), выступае кантэкстуальным кантрасцівам да оніма *Міхаль-піхаль*. Сутнасць апошняга канкрэтызуецца зарыфмаваным прыдаткам *піхаль* – «той, кім панукаюць, зняважліва распараджаюцца, камандуюць, папіхач».

Па-мастацку сцісла і ёмка падаецца ў адным з абразкоў этымалагізацыя гідроніма *Піціч*: *Метраў праз некалькі – мост, на Піцічы, на рацэ, што некалі мы, хлопчкі, расхвальвалі: «На ёй вельмі багата, як ні на адной рацэ на свеце піціцак усякіх...»* [3, 48]. На аснове народнай этымалогіі і адвольнага супастаўлення назоўніка-індыкатара (*піціцак*–птушчак) і сугучнага яму гідроніма *Піціч* аднаўляецца ўнутраная форма апошняга, кантэкстуальна-неабходная пісьменніку ў гэтым апавяданні. У выніку мастацкай семантызацыі тэкст набывае нечаканую напоўненасць і своеасаблівую навізну, а тапонім *Піціч* успрымаецца як гаваркое, этымалагізавана маркіраванае слова, як выразны стылістычны сродак.

Прадаўжаючы развіваць фальклорныя традыцыі ў мастацкай літаратуры, некаторыя пісьменнікі на аснове ўласных імёнаў, сюжэтаў фальклорных твораў ствараюць пародыі, высмейваючы такім чынам амаральныя і іншыя заганы і недахопы грамадства. Так, у вершы «Кантора» Н. Гілевіч, парадыруючы казку «Дзедава рукавіца», карыстаючыся прыёмам народнай вершатворчасці, абыгрывае і этымалагізуе традыцыйныя ўласныя імёны, напаўняючы іх пераважна пэярэтыўнай экспрэсіяй. Аб'ект яго сатыры – амаральнае асяроддзе прадстаўнікоў адной канторы. На думку С. Шчэрбы, паэт умела выкарыстаў фабулу казкі, а таксама прыхаваны падтэкст онімаў і на іх аснове стварыў новых герояў: *Патап – Вялікі хап, Аўдзеі – Скубі людзей, Мікола – Круці кола, Мікіта – Шыта крыта, Параска – Калі ласка, Абросім – Колькі просім, Міхалка – Папіхалка* і г.д. Мянускі герояў выразна вытлумачваюць унутраныя якасці і здольнасці кожнага з іх [4, 19]. Такія зарыфмаваныя і канатацыйна ўскладненыя адзінкі (асабовыя ўласныя імёны і іх кантэкстуальныя сінонімы-мянускі) успрымаюцца як канцэнтраваныя і стылёва маркіраваныя онімы, а ў соцыуме, набываючы абагульняльны сэнс, як спецыфічныя этымалагізаваныя прыказкі-прыгаворкі ствараюць спецыфічную «гульнію» слоў, падобную на каламбур.

Празрыстасць, выразная матываванасць унутранай формы некаторых тыповых беларускіх прозвішчаў неадэкватна ўспрымаецца некаторымі іх носьбітамі: частка беларусаў свядома скажае іх, змяняючы іх на ўзор замежных, якія блізкія па структуры ці вымаўленні: *Баран → Баран, Казёл → Козёл, Пятух → Пётух, Капач → Копач, Смаляр → Смольяр, Кукса → Куксо, Таўкач → Токкач, Буйла → Буйло* і інш. Такое нігілістычнае стаўленне да ўласна беларускіх онімаў, безумоўна, знайшло адлюстраванне ў мастацкіх творах, дзе пісьменнікі, выкарыстоўваючы элементы народнай этымалогіі онімаў, ствараюць пераканальныя вобразы прытасаванцаў, адшчепенцаў, невукаў і г.д. Параўн., напрыклад, персанажы з твораў Янкі Купалы і Кандрата Крапівы: *Мікіта Зносак → Нікіціў Знасілаў → Нікіціўш Знасілоўскі; Міхась Цыбулевіч → Міхал Цыбульскі → Міхаіл Лукавіцын* і інш.

У абразку «Гасцінцы» Ф. Янкоўскі дае мастацкае тлумачэнне знявечанаму беларускаму прозвішчу Гастэла, падбіраючы да яго разнастайныя празрыстыя паводле паходжання аднакаранёвыя словы: *Гастэла? Беларус Гасціла! Ён адтуль, дзе жыўць гасцінныя Гасцілы, дзе вёскі, дзе былі хутары-сялібы з назвамі Гасцілы, Гасцілаўцы, Гасцілавічы і інш.*

Пад свята – як гасцінец... Праз трыццаць пяць гадоў. Таксама гасцінец.

Гасцінцы, гасцінцы, гасцяваць, гасці-госцейкі!..

Гасцілаўцы і Гасцілавічы!..

Гасціла і Гасціота, Гасціята і Гасціоковіч!

Успомніліся і тыя шырокія, роўныя, дагледжаныя і абсаджаныя гасцінцы, што бягуць па беларускай зямлі. Па іх добра ездзіцца. Куды ні прыеду – на усёй Беларусі, ці блізка ад Мінска, ці далёка – добра гасціоецца [7, 161]. Такім чынам, выкарыстоўваючы таўталагічны паўтор аднакаранёвых уласных і агульных назоўнікаў, прыметнікаў, дзеясловаў у параўнальна сціслым кантэксце (з 73-ох словаўжыванняў у гэтым творы 21 лексема мае карань гост- (гасці-), пісьменнік мэтанакіравана засяродзіў увагу чытача на матываваныя адзінкі, якія, узаемадзейнічаючы адна з адной, лёгка этымалагізуюцца, выяўляючы генетычную роднасць, а ўсяму кантэксу надаюць своеасаблівую выразнасць, дапамагаючы лепшаму ўспрыняццю мастацкага зместу. Прысутнічае ў гэтым кантэксце і кагезія – унутрытэкставая сувязь разнастайных аднакаранёвых онімаў, якая падтрымліваецца паўторамі, узаемадзейнем тэмы і рэмы ў разгортванні тэксту.

Мастацкая этымалагізацыя онімаў можа ўводзіцца як элемент разважання літаратурнага персанажа. Так, у апавяданні Г. Далідовіча «Вошыкаў» пісьменнік арыгінальна знаёміць чытача з галоўным персанажам і яго прозвішчам: Вошыкаў нарадзіўся ў Рызе, хоць яго бацька меў беларускія карані і насіў радавое прозвішча Вош. Перад фінскай вайной Вошыкаў служыў у органах НКУС, быў правакатарам, даносчыкам, вёў дваіное жыццё. На яго асобу звярнуў увагу нават Л. Берыя. Гартаючы асабовую справу Вошыкава, грозны нарком іранічна адзначыў: «*Вош – это иностранная фамилия или от паразита, что сосет кровь? Звучит неблагозвучно, пусть будет Вошиков. Вошиков – это...*» і далей грозны нарком не прадоўжыў, *толькі патрос рукой вверх – уніз, нібы штосьці падкідаў на далоні...*» [8, 13].

Такім чынам, пісьменнік праз мастацкае апісанне ўчынкаў галоўнага персанажа, каментары іншых дзейных асоб этымалагізуе, агаліе ўнутраную сутнасць гэтага семантычна выразнага опіма, прасочвае яго этапы: вош → Вош → Вошыкаў. З мэтай падкрэсліць гратэскавы пяяратаўна-ацэначны кампанент і надаць маўленню камічна з'едлівую афарбоўку, пісьменнік арыгінальна выкарыстаў дысфемізм (вош → Вошыкаў) – «змякчальны» эўфемізм, наадварот, як элемент разгорнутай іроніі, які паводле сюжэту прапанаваны з эстэтычных меркаванняў, каб пазбегнуць слова (prozвішча) з непрымальным сэнсам і эмацыйна-экспрэсіўнай афарбоўкай. Між іншым, такія эўфемістычныя замены прозвішчаў, якія поўнасьцю супадаюць з іх апеялятвамі – словамі з разнастайнымі канатацыйнымі прырашчэннямі, даволі часта сустракаюцца ў беларусаў. Так, Я. Скрыган у кнізе «Некалькі хвілін чужога жыцця» з іроніяй успамінаў, як у гады маладосці яго сябар, будучы пісьменнік Сымон Баран, змяніў сваё прозвішча на Сымон Баранавых, пра што потым доўга шкадаваў [9, 112].

Такім чынам, этымалагізацыя анамастычных адзінак у мастацкім тэксце – гэта спецыфічны аўтарскі прыём, уласцівы творчай манеры некаторых пісьменнікаў, пры якім адбываецца мэтанакіраванае аднаўленне страчаных лексіка-семантычных і канатацыйных значэнняў у онімах. Ажыўляючы ўнутраную форму слова, пісьменнікі найчасцей выкарыстоўваюць элементы і традыцыі народнай этымалагізацыі, інтэрпрэтуючы і спалучаючы іх у мастацкіх апісаннях з фактамі самых розных навук.

У выніку мова пісьменніка набывае спецыфічную выразнасць і непаўторнасць, а кантэкстуальная матываванасць опімаў садзейнічае агульнай мастацкай адметнасці і адмысловасці індывідуальнага стылю пісьменніка.

Літаратура

1. Колас Я. Збор твораў: У 12-ці т.: Т. 1 – 12. – Мн., 1961 – 1964.
2. Фoniaкова О.И. Имя собственное в художественном тексте. – Л., 1990.
3. Янкоўскі Ф. Радасць і боль. – Мн., 1995.
4. Шчэрба С. Парадзяванне як спосаб сатырычнай тыпізацыі ў беларускай літаратуры XX ст. // Роднае слова. – 2002. – № 10.
5. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. – Волгоград, 2002.
6. Новицкая Н.Н. Парцелляция как явление экспрессивного синтаксиса // Ассиметрические связи в языке: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ф.И. Маулер – Оржоникидзе, 1987.
7. Янкоўскі Ф. З нялёгкіх дарог. – Мн., 1988.
8. Далідовіч Г. Вошыкаў // «ЛіМ». – 1999. – 25 ліпеня.
9. Шур В. Беларускія ўласныя імёны. – Мн., 1998.

Summary

In this article on the examples from works of Y. Kolas, F. Yankovski, N. Gilevich, G. Dalidovich the skills of the writers are shown by expressing the etymology of onymes while creating persuading literary images.

Поступила в редакцию 25.02.03.

УДК 882.5.09+82.08(476)

В.К. Шынкарэнка

НАРОДНА-ЛЕГЕНДАРНАЕ І МІФАЛАГІЧНАЕ Ў ТВОРЧАЙ СІСТЭМЕ У. КАРАТКЕВІЧА

Амаль ва ўсіх жанрах выкарыстоўвае У. Караткевіч міфапаэтычныя і казачныя элементы, узбагачаючы імі звыклія і ўстойлівыя структуры, надаючы зместу ўзнёслы рамантычны пафас, стылю – насычаныя самымі разнастайнымі адценнямі каларыт. Асабліва шмат казачных прыёмаў у “Ладзі Роспачы”, адносна вызначэння жанру якой няма адназначнага меркавання. У зборы твораў пісьменніка яна падаецца як аповесць. Машынапісны варыянт з аўтарскімі праўкамі мае падназву “навела” [1]. У часопісе “Неман” (1968. №2), дзе “Ладзі Роспачы” была ўпершыню надрукавана, у кнізе “З вякоў мінулых” (1978) жанр твора вызначаецца інакш: легенда.

На нашу думку, менавіта апошняя характарыстыка найбольш дакладна адпавядае зместу і фармальным прыкметам твора, у архітэктоніцы якога непадзяляльна пераплялося і спалучылася ў адзінае цэлае фантастычнае і гістарычна дакладнае, міфічнае, фальклорнае і ўласна літаратурнае. З аднаго боку, дзівосы ў выглядзе срэбнай скрынкі з Юр’евым тэкстаментам, што ўпала з неба, вобразы Верасковай Жанчыны, якая сваімі крыкамі палюхае людзей, самой Смерці, Арахны, Перавозчыка памерлых душ, той жа Ладзі Роспачы, жар-кветкі Шыпшыны і інш. З другога – гістарычная абгрунтаванасць дзеяння, узгаданне канкрэтных фактаў і

імёнаў, звязаных з мінулым і тагачасным Беларусі (трагедыя Полаччыны, рабункі краю Іванам Крывавым, крымчакамі, асобы каралевы Боны Сфорцы і яе мужа, караля Цыкмуна), багатыя геаграфічныя і этнаграфічныя звесткі, на якіх звычайна будуюцца вялікая колькасць легендаў (апісанні ляснога і рачнога багацця Рагачоўшчыны, заняткаў і нораваў прыдняпроўцаў). А над усім гэтым – славаспеў Жыццю, захапленне характэрам свету і ўсімі яго праявамі, самім Чалавекам як у моманты яго духоўнага ўзлёту, душэўнай прыгажосці, так і ў хвіліны слабасці, у тым ліку да асоб супрацьлеглага полу. Але трэба сказаць, што язычнік У.Караткевіч, а ў “Ладдзі Роспачы” ён прадстае якраз у такой іпастасі, не прызнае апошнія за слабасць. Здольнасць захапляцца, кахаць, прыносіць радасць не ўспрымаецца ім як грахоўнасць. Гэта – дар і працяг жыцця, адмаўленне смерці або нараджэнне праз смерць. Дастаткова ўгадаць антычную літаратуру, міфы, старажытныя культавыя абрады, у якіх навідавоку адбываўся пераход жыцця ў смерць, верху ў ніз, духоўнага ў плоцкае, узвышанага ў брыдкае, каб пераканацца, наколькі трывалая гэтая традыцыя ў мастацтве, хоць яна і не заўсёды па розных прычынах намі працываецца.

Менавіта два такія супрацьлеглыя пачаткі сумяшчае ў сабе Гервасій Выліваха з “Ладдзі Роспачы”. Адрознівае яго ад іншых чалавека, які “дзівосна гожа і пясчотны, а паводзін самых заганных” [2, 130], па рыцарску высакародны і эратычна неўтаймаваны, легендарным героем. Намнога бліжэйшы ён да міфічных вобразаў ці да персанажаў анекдотаў, парадыйна-сатырычнага фарсу, народнага смехавага карнавальнага прадстаўлення, вадэвіля, да таго ж ліцадзеля Юрася Братчыка на першых старонках рамана “Хрыстос прыязмліўся ў Гародні”. Пра гэта сведчыць і аўтарская характарыстыка Вылівахі і яго сяброў: “Толькі ўсё і працы ў іх было, што цягацца па корчмах і шынкарках ды па навакольных замках, калі гаспадара няма дома, піць віно, як Дняпро п’е Друць, ды дзярбаніць на лютнях і кімвалах багамерзкія песні” [2, 130-131]. Але змяняюцца абставіны. Герой вымушаны пакінуць гэты свет, сонечны, яркі, багаты на прыродныя фарбы, квецень, жыццёвыя ўцехі, змяніць яго на іншы, з адным толькі колерам – колерам цемры. Адпаведна адбываюцца зрухі ў паводзінах Гервасія, узмацняецца прага да жыцця і жаданне вярнуць людзям надзею, патрэбу ў святле, сонцы, рабіць дабро. І ўжо не блазнам, не легкадумным шукальнікам прыгод уяўляецца ён нам, а нязломным носьбітам жыцця, які шукае паратунку не столькі для сябе, колькі для іншых. Такі Выліваха здольны ўбачыць, ацаніць і захапіцца прыгажосцю ў вобразе язычніцы Бярозкі, што стане для яго адзінай. Нават у падземным царстве Аіда ён спадзяецца на вяртанне, разлічваючы на падтрымку абуджаных ім душ, кветку шывшыны, “зыркую, як жарынка” [2, 154], ды лютню, якую ён баіцца замачыць у водах ракі смерці.

Як бачым, “Ладдзя Роспачы” па сваёй сімволіцы, характару канфлікту, кантрастнасці і максімальнаму выяўленню сутнасці вобразаў з’яўляецца выражаным рамантычным творам. У пэўным сэнсе гэта – “вопыт узнаўлення міфа” [3, 60]. За жыцццёлюбівым Гервасіем прыходзіць Смерць, распаўсюджаны легендарна-казачны персанаж, пададзены і апісаны па адпаведных жанравых законах. Смерць – увасабленне змрочнай сілы, чорнай хмары, антытэза жыцця, усялякага руху. Таму яна асабліва не любіць тых, хто нясе ў сабе актыўны пачатак, плённа дзейнічае, паўнакроўна жыве. Сваіх праціўнікаў Смерць знішчае перш за ўсё маральна, пужаючы іх, прыніжаючы гонар, абражаючы. Там, дзе правіць баль Касая, заўсёды пануе страх. Здаецца, ім напоўнены ўсе і ўсё ў падземным царстве, куды трапляе Выліваха. Жах Смерці паралізуе волю людзей, робіць іх бездапаможнымі. І толькі безразважлівы, смяшлівы рагачовец кідае выклік Смерці, робіць спробу пазмагацца з непераможнай. Кола выпрабаванняў, якія выпадаюць на долю Гервасія, яшчэ больш набліжаюць яго да казачнага героя. М. Ліпавецкі слушна зазначае: “Хранатоп

выпрабавання пранізвае ўсё казачнае апавяданне. Гэты хранатоп складваецца ў выніку пераасэнсавання міфалагічнай семантыкі “дарогі смерці” [4, 9-10].

Выліваха годна праходзіць па гэтаму цяжкаму шляху, не падаецца ўсёпранікліваму жаху, стараецца расмяшыць, а значыць пазбавіць страху і адчаю, усіх у ладзі. Знішчыць цемру, перамагчы Смерць герою дапамагае перакананне, што “чалавек носіць сваё неба з сабою” [2, 145], а таксама святло кветкі шыпшыны, “адвечнай, як гэтая зямля” [2, 169], якую ён захапіў, ідучы за Смерцю. Шыпшына разгарэлася полымем на грудзях у Гервасія і заліла сваім ззяннем змрочнае царства гэтак жа, як і песня пра яе, што ўслед за героем спяваюць асуджаныя на смерць і зноў вернутыя да жыцця. Неабходна нагадаць, што “жаданая, як жыццё, шыпшына” [2, 138] з’яўляецца скразным сімвалічным вобразам не толькі для “Ладзі Роспачы”, але і для ўсёй творчасці пісьменніка. Яна ўвасабляе сабою Радзіму і гарыць-цвіце “ўсё лета, каб ніхто не застаўся без роднай кветкі, калі прыйдзе час адыходзіць з нашай добрай зямлі, каб у кожнага была кветка” [2, 167].

Самым пакутлівым з выпрабаванняў для Вылівахі стала сустрэча з Бязроzkай, прыгожай і, адпаведна народнаму светапогляду, добрай. Яна – антыпод старой і злой Смерці, увасабленне ранейшых анімістычных уяўленняў часоў паганства, калі дрэвы і кожная праява прыроды персаніфікаваліся, а чалавек у сваю чаргу атаясамліваўся з некаторымі з іх. Дж.Фрэзер, апісваючы разам з культам іншых раслін культ бярозы, што асабліва моцна праяўляецца ў свяце Тройцы, Духава дня, зазначае, што ў гэтыя дні “выбіраюць самую прыгожую дзяўчыну, апранаюць яе кляновай і бярозавай лістотай і носяць па ўсёй вёсцы” [5, 128]. Як бачым, у гэтай герайні У.Караткевіча шмат ад першароднасці свету, ад яго чысціні і дасканаласці.

Безграхоўнасць, безабароннасць, нявіннасць Бязроzkі, мабыць, асабліва прыцягальныя для нястрымнага ў сваіх пачуццях, далёка не бязгрэшнага Гервасія. Ён ужо зведаў слодыч жыцця, у нечым правінуўся, але чаму павінна гінуць гэтая чыстая душа? З гэтым герой ніяк не хоча мірыцца. Толькі ў Смерці свае намеры. Для таго, каб расстанне з жыццём было для Вылівахі асабліва пакутлівым, яна вырашае “велікадушна падараваць” яму каханне да Бязроzkі, разлічваючы, што затым убачыць яго прыніжаным, вымольваючым паратунак. І ўсё ж памылілася неадольная, “бязвокая дрэн”, падвяла яе “нечалавечая, вышэйшая, халодная і няўмольная разважлівасць” [2, 160]. Гервасій не з тых, хто кленчыць, бясконца адступае, просіць прабачэння. Каханне акрыляе, натхняе яго. І гэта не выпадковая з’ява. У.Конан, разважаючы пра ідэальнае і трагічнае ў паўсядзённым жыцці, прыходзіць да наступнага вываду: “Філасофска-этычная традыцыя заўсёды бачыла ў любові найвышэйшае выяўленне духу, праз якое чалавек пераадоўвае несувымернасць індывідуальнай абмежаванасці з усеагульнасцю і бясконцасцю быцця. Такая абсалютная паўната любові да свету дасягаецца толькі ў выніку духоўнай дасканаласці чалавечай асобы на высокай ступені яе маральнай самасвядомасці. Але таксама асабістая, “выбіральная” любоў, ці каханне далучаюць асобнага чалавека да вялікай гармоніі жыцця, выратоўваюць яго ад разбуральнага эгаізму і самалюбства. Бо толькі праз гэтыя адухоўленыя пачуцці ён “кладзе душу сваю за друга свайго” [6, 156]. Самаахвярнасць Вылівахі, гатоўнасць рызыкаваць сабою дзеля іншых, дзеля каханай даказваюць, што і гэтае выпрабаванне Смерці ён вытрымаў з годнасцю. Вялікае пачуццё толькі дапамагло яму, надало сілы.

А наперадзе героя чакае яшчэ адзін паядынак – шахматны. Смерць ніколі не сумняваецца ў сваёй перамозе. Сапраўды, Гервасій прайграе ўсюдыснай уласнае жыццё, але вырашае працягваць барацьбу за жыцці іншых на ладзі Роспачы. І, пусціўшы ў ход недазволена прыёмы (са Смерцю можна, ёй жа чамусьці ўсё дазволена), змахляваўшы, адчуўшы, што Касой не адолець “боскай непаслядоўнасці чалавечай думкі” [2, 163], не жадаючы развітвацца назаўсёды з дарагой сэрцу

радзімай, з вялікім каханнем, не спраўдзіўшы надзею людзей, якія паверылі ў яго, Выліваха выйграе. Герой перамагае, бо выступіў супраць зла, смерці, паньлага наканавання, бо змагаўся да канца. І людзі, дзеля якіх ён рызыкаваў, заслугоўвалі гэтага. Не застаючыся няўдзячнымі, яны шчодро дзеляцца з выратавальнікам і яго абранніцай выйгранымі ў Смерці гадамі жыцця і спяшаюцца паспець дарабіць у адведзены час важныя не толькі для сябе, але і для Радзімы справы. Пасля столькіх пакутаў людзі засталіся лодзьмі.

“Пакуль жывём мы – датуль мы людзі,
А ў смерці будзем лодзьмі таксама” [2, 152].

Гэтае двухрадкоўе ў сціслай форме перадае асноўную думку легендарнай “Ладзі Роспачы”, тлумачыць яе жыццесцвярджальны гуманістычны пафас.

Наогул, міфатворчасць па-рознаму праяўляецца на розных этапах развіцця нацыянальных літаратур. Тым не менш яна заўсёды плённа служыць дзейным сродкам асэнсавання не толькі мінулага, але і сучаснага, прадбачання будучага. Дзякуючы звароту да найбольш значных нацыянальных міфаў таленавіты пісьменнік здольны стварыць новую эстэтычную рэальнасць, у якой праз пераканаўчыя мастацкія вобразы і іншыя прыёмы і сродкі паэтычнай сістэмы сцвярджаюцца гуманістычныя ідэалы і адмаўляюцца іх антыподы, прасочваюцца лёсавызначальныя моманты нацыянальнай гісторыі. Для народаў, шлях якіх ніколі не вылучаўся асаблівай спрыяльнасцю развіцця, незалежнасцю, дзе ўзлётаў назіралася значна меней, чым спадаў, патрэба азірнуцца на перажытае, зварот да архетыпаў, развагі над духоўнымі праблемамі ў іх абагуленым выглядзе застаюцца надзвычай актуальнымі. У гэтым сэнсе ў сучаснай літаратуры нечакана блізкімі па сваіх інтарэсах да міфапаэтыкі і гуманізму паўстаюць прадстаўнікі нямецкай прозы пра мінулае – аўтар раманаў “Млын Левіна” і “Літоўскія клавіры” І.Баброўскі (1917-1965), лужыцкі серб па паходжанню Юры Брэзан (1916) і ўжо ўзгаданы беларус У.Караткевіч. Настойліва звяртаючыся да асэнсавання складаных шляхоў гістарычнага развіцця сваіх народаў, іх захавання пад моцным націскам пагрозы быць паглынутымі большымі этнасамі, бясконцага змагання за сваё існаванне, культуру, аўтары, асабліва двое апошніх з пералічаных, імкнуцца да пастаноўкі агульначалавечых праблем, выяўляюць даволі арыгінальныя спосабы апрацоўкі фальклорна-міфалагічнай, гістарычнай і ўласна літаратурнай інфармацыі ў аповесцях-легендах “Чорны млын” (1968) і “Ладзя Роспачы”, раманах-апокрыфах “Крабат, або Пераўтварэнне свету” (1976) і “Хрыстос прыязміўся ў Гародні” (1972).

Міфапаэтычнае бачанне нацыянальнай гісторыі, яе легендарна-прытчавая і метафарычная інтэрпрэтацыя нараджаюць нязвычайныя сюжэтныя хады, кампазіцыйныя рашэнні твораў нагаданых пісьменнікаў, абумоўліваюць іх умоўна-казачны, сімвалічны вобразны свет. Гэта дазваляе ва ўсёй цэласнасці адчуць выразна прадстаўленыя мастацкімі нацыянальнымі мадэлі свету, сэнсава ёмкая формулы духоўнасці іх народаў, такіх блізкіх па гістарычнаму лёсу і такіх непадобных у сваім падабенстве. Калі ўлічыць, што міфы выяўляюць нацыянальнае светаўспрыманне і разуменне, з’яўляюцца фактамі гістарычнай свядомасці, а “міфалогія ёсць неабходная ўмова і першасны матэрыял для ўсякага мастацтва” [7, 103], то становіцца зразумелым, чаму так часта назіраецца ў сучаснай прозе зварот да іх. Пераканаемся ў гэтым праз назіранні над “Чорным млынам” Ю. Брэзана і “Ладзёй Роспачы” У.Караткевіча, прадметна-тэматычная аснова і вобразна-ідэйны змест якіх даказваюць наступнае. Мастацкае выяўленне гістарычнай свядомасці народа з дапамогай фальклорна-міфалагічных і літаратурных паэтычных сродкаў не выключае, а, наадварот, спрыяе магчымасці паразважаць над абагуленымі

філасофскімі праблемамі добра і зла, любові і нянавісці, жыцця і смерці, заўсёднага імкнення чалавека да ведаў і яго абмежаванасці.

Ю. Брэзан больш падрабязна спыняецца на апошнім пытанні, перадаючы яго шырокавядомай сціслай формулай-высловам: “Хто ўсё ведае, той усё можа”. Зразумела, што для Крабата, яго сябра Маркуса, Чорнага мельніка гэта фраза ўтрымлівае зусім розныя значэнні. Так, Крабат здолеў перамагчы свайго адвечнага праціўніка не таму, што дасягнуў нейкіх абсалютных ведаў, а таму, што адкрыў для сябе і зыходзіў у кожным канкрэтным учынку з найгалоўнейшай ісціны. Менавіта: вышэй за ўсё, вышэй за Веды Любоў, Любоў да кожнага чалавека, маці, Радзімы наогул. На шляху да такой усеахопнай любові веды – толькі неабходная прыступка, пэўная ўмова. Ва ўласцівай яму ўмоўна-казачнай манеры Ю.Брэзан так перадае з’яву духоўнага перараджэння тых, хто адкрыў для сябе гэта: “Ветер разносит золу Знания по стране. Одним зола попадает в сердце – и у них в груди разгорается пламя. Другим в глаза – эти обретают зрение. А тот, кому зола Знания проникла и в глаза, и в сердце, снимается с места и отправляется к Крабату. Огонь материнского очага, горящий теперь в тысячах очагов, указывает ему путь” [8, 100].

Як вядома, Гервасію Выліваху і яго спадарожнікам па царству Аіда асвятляе шлях кветка шпышыны, сімвалічны вобраз Беларусі. Сіла любові гэтых людзей да роднага краю настолькі моцная, што нават Смерць пачынае зайздросціць ім. У суперніцтве, змаганні з ёю герой прыходзіць да нечаканай высновы: “Рабі нечаканае, рабі, як не бывае, рабі, як не робіць ніхто – і тады пераможаш” [2, 162].

Нястомны на выдумкі, казачныя пераўвасабленні, нястрымны ў жаданні расправіцца з Чорным мельнікам і Крабат. Яго, як Маркуса, не задавальняюць частковыя веды чараўніцтва, магіі, не радуюць частковыя перамогі над ворагам. Ён прагне яго поўнага знішчэння, бо якраз у гэтым жыццёвае прызначэнне героя. Трэба сказаць, што паэтычная сістэма твора Ю. Брэзана ўтрымлівае пераважную колькасць казачных элементаў, прыёмаў, вобразаў, у той час як “Ладдзя Роспачы” мае ўсё ж такі легендарную аснову. Адсюль выключная шматстайнасць пераўвасабленняў, магічных дзей, чарадзействаў у першым творы і больш рэалістычнае, што не здымае наяўнасці міфічных персанажаў і гэтых жа сюжэтных элементаў, гучанне аповесці беларускага аўтара. Але ў абодвух выпадках не даводзіцца гаварыць пра жанравую чысціню твораў, у якіх, акрамя міфа, можна без цяжкасцей адшукаць прыкметы гераічнага эпосу і чарадзейнай казкі, легенды, падання і іншых архаічных структур. Прычым іх пэўная схематычная зададзенасць не выключае арыгінальнай падачы матэрыялу.

Узаемадзеянне, трансфармацыя пералічаных элементаў робяць прасторава-часавы абсяг аповесцей Ю. Брэзана і У.Караткевіча надзвычай рухомым і шматмерным. Калі ж яшчэ ўлічыць, што ў цэнтры іх – фарміраванне выключнай асобы, яе шматлікія выпрабаванні і прыгоды, гераічная дзейнасць у імя іншых, за вызваленне іх і Радзімы, то трэба гаварыць і пра эпічную значнасць твораў з яскрава заяўленым у іх матывам патрыятызму, не пазбаўленым маральнай інвектывы. Яна ўзмацняецца дзякуючы прытчава-казачнаму кампазіцыйнаму паўтору-акаймленню аб цудатворным з’яўленні Крабата на зямлі і яго магчымым знікненні. Але свет яшчэ далёкі ад дасканаласці, і таму “...Крабат живет среди людей и делает то, что велит ему совесть.

А все ли люди слышат, что велит им совесть? Может быть, она велит хранить верность своему “откуда” и никогда не терять из виду свое “куда”? [8, 106].

І для Крабата, і для Вылівахі, а “ягоная зямля заўсёды была з ім” [2, 147], як і для кожнага з нас, гэтыя “адкуль” і “куды” застаюцца зладзённымі і зараз. Лепшыя прадстаўнікі творчай інтэлігенцыі асабліва добра разумеюць гэта. У апошнія гады ў літаратуры надзвычай востра ставіцца і вырашаецца праблема Памяці, павагі да

мінулага, што жывіць сучаснае, дазваляе меркаваць пра будучае, робіць справы чалавека асэнсаванымі і перспектыўнымі. Менавіта таму зварот пісьменнікаў да гістарычнай тэмы не пераўтварае здабыткі апоніяў у аб'ект інтарэсу толькі спецыялістаў ды нешматлікіх аматараў. Па значнасці ідэйна-эстэтычнага і пазнавальна-выхаваўчага ўздзеяння на чытачоў пры належнай ступені мастацкіх вартасцей яны гучаць не менш зладзённа, хвалююча, чым творы сучаснай праблематыкі.

Літаратура

1. Адзел рэдкай кнігі ЦНБ АН Беларусі. Ф. 11. Воп. 1. Адз. зах. 97.
2. Караткевіч У. Збор твораў: У 8 т. – Мінск: Маст. літ., 1998. – Т. 2. – 511 с.
3. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. – Л.: Худож. лит., 1973. – 567 с.
4. Липовецкий М.Н. О чем “помнит” литературная сказка? Семантическое ядро историко-литературных модификаций жанра // Модификации художественных форм в историко-литературном процессе. – Свердловск: УрГУ, 1988. – С. 5-21.
5. Фрэйзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит. – 703 с.
6. Конан У. Ля вытокаў самапазнання: Станаўленне духоўных каштоўнасцей у святле фальклору. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 238 с.
7. Шеллинг Ф.В. Философия искусства. – М.: Мысль, 1966. – 496 с.
8. Брезан Ю. Избранное / Пер. с нем. – М.: Радуга, 1987. – 508 с.

Summary

This article is devoted to the most profound historical and philosophical work of literature written by Korotkevich V., the legend “Boat of Despair”. The comparison analysis of its many-leveled artistic text and the works of literature of Yuri Brezan is given. The principal cause that draws nearer the both authors' legacy is the motive of memory, the care of which can be the reliable guarantee that will allow to avoid former mistakes and testify the firm learning of the lessons of history.

Поступила в редакцию 08.04.03.

ПЕДАГОГІКА І ПСИХОЛОГІЯ

УДК 681.3

А.Л. Голозубов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ КОМПЬЮТЕРОВ В РАСЧЕТАХ КУРСОВОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПО ТЕХНИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ

Целью настоящей работы является описание внедрения в учебный процесс для повышения качества образования инновационных технологий, с применением персональных компьютеров (ПК).

Анализ выполнения курсовых работ по деталям машин, теории механизмов и машин показывает, что основные проблемы их выполнения связаны с трудоемкими повторяющимися расчетами, на которые, как правило, приходится основная часть ошибок. При этом данные операции являются чисто механическими и не содержат элементов творчества. Среди случайных ошибок наиболее частыми являются опiski, пропуски и т.д. Дополнительные сложности расчетов курсового проектирования связаны с необходимостью повторения уже сделанных вычислений, например, из-за невыполнения условий проверочных расчетов.

The screenshot shows an Excel spreadsheet with two main tables. The first table, 'ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ (длины векторов скоростей, мм)', lists parameters for seven points (№ пол. ра). The second table, 'ТАБЛИЦА РАСЧЕТА ЛИНЕЙНЫХ И УГЛОВЫХ СКОРОСТЕЙ', shows calculated values for linear (V) and angular (VS) velocities for each point.

№ пол. ра	av	pb	db	pu	pS2	pS3	pS4	КОНСТАНТЫ		
0	100	100	0	0	50	0	0	mv	0,0084	
1	100	107	58	38	37	61	29	45	m2	20
2	100	79	100	49	77	92	50	85	m3	30
3	100	36	115	27	105	106	57,5	108	m4	15
4	100	33	73	3	74	86	36,5	73	J1	0,5
5	100	153	73	4	74	44	36,5	74	J2	1,7
6	100	150	183	64	156	127	91,5	167	J3	1,5
7	100	17	88	55	58	93	44	68	J4	1,8

№	Va	Vav	Vb	Vdb	Vd	VS2	VS3	VS4	w2	w3	w4
0	0,84	0,84	0	0	0	#ЗНАЧ!	0	0	2	0	0
1	0,84	0,8988	0,4872	0,3192	0,3108	0,5124	0,2436	0,378	2,14	1,392	0,228
2	0,84	0,6636	0,84	0,4116	0,6468	0,7728	0,42	0,714	1,58	2,4	0,294
3	0,84	0,3024	0,966	0,2268	0,882	0,8904	0,483	0,9072	0,72	2,76	0,162
4	0,84	0,2772	0,6132	0,0252	0,6216	0,7224	0,3066	0,6132	0,66	1,752	0,018
5	0,84	1,2852	0,6132	0,0336	0,6216	0,3696	0,3066	0,6216	3,06	1,752	0,024
6	0,84	1,26	1,5372	0,5376	1,3104	1,0668	0,7686	1,4028	3	4,392	0,384
7	0,84	0,1428	0,7392	0,462	0,4872	0,7812	0,3696	0,5712	0,34	2,112	0,33

Рис. 1

Использование ПК позволяет значительно сократить трудоемкость проведения расчетов, сосредоточив основное внимание не на рутинной работе, а на творческом процессе. Автоматизация процесса расчета дает возможность многократного пересчета путем изменения любого количества входных и промежуточных параметров, превращая работу над курсовым проектом в целенаправленный процесс поиска оптимальных конструкторских и технологических

решений. Одновременно студенты овладевают навыками работы на ПК и получают опыт прикладного использования полученных знаний.

Для проведения расчетов использовался табличный процессор Excel, который позволяет проводить следующие операции:

1. Ввод данных в табличной форме.
2. Задание алгоритма расчета (ввод формул) и проведение расчета по ним.
3. Запись результатов расчетов в табличной форме.

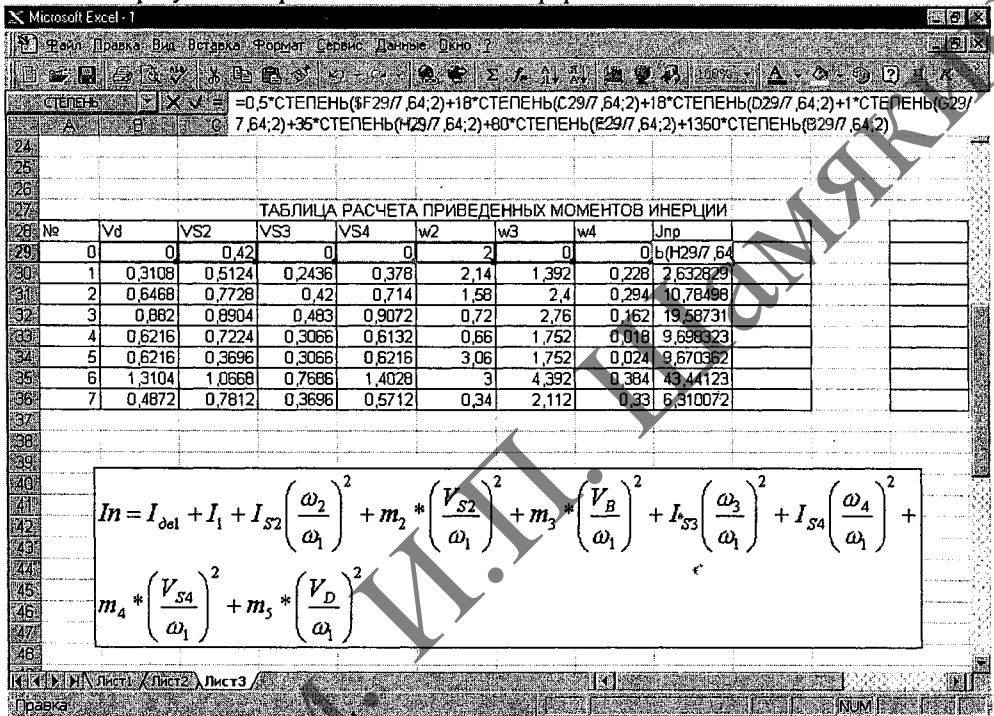


Рис.2

Ввод данных в табличной форме практически исключает появление случайных ошибок и опечаток. Дальнейшие вычисления связаны, как правило, с операциями над первичными данными с использованием различных констант (масштабных коэффициентов, справочных данных и т.д.). В целях облегчения работы целесообразно выделять константы в отдельную таблицу, на которую в процессе работы делаются ссылки, хотя в некоторых случаях более удобно располагать константы и определяемые величины в одной таблице (Рис. 1). Рядом с таблицами целесообразно размещать формулы, по которым производятся вычисления (Рис. 2).

Для набора алгоритма вычисления достаточно выбрать ячейку и нажать клавишу « = » (или использовать пиктограмму), после чего ввести алгоритм согласно формуле. Формулы могут ссылаться на ячейки текущего листа, листов той же книги или других книг. При указании ссылки на ячейку адрес ячейки можно набирать непосредственно на клавиатуре, однако более удобно это делать нажатием левой клавиши мыши после позиционирования указателя на выбранной ячейке.

В Microsoft Excel содержится большое количество стандартных формул, называемых функциями. Функции могут быть использованы в процессе набора алгоритма и содержать в себе адресацию необходимых для вычислений ячеек. Основные ошибки при наборе формул связаны с несоответствием количества открывающих и закрывающих скобок, отсутствием необходимых аргументов для работы некоторых функций, либо превышением их числа. При этом необходимо

помнить, что в одну функцию можно вложить не более семи подфункций. При создании формулы Microsoft Excel будет выделять вводимые круглые скобки. Microsoft Excel отображает ошибку, если формула обработана неправильно. Например, если формуле требуются числовые значения, а на самом деле указаны текстовые, то отобразится ошибка. Ошибка появляется при удалении ячейки, на которую ссылается функция, а также при использовании ячейки, ширины которой не хватает для вывода результата.

Ошибки могут возникать не только из-за неправильной обработки формулы. Например, если отображается ошибка #Н/Д или #ЗНАЧ!, то, возможно, ошибка содержится в ячейке, на которую ссылается формула.

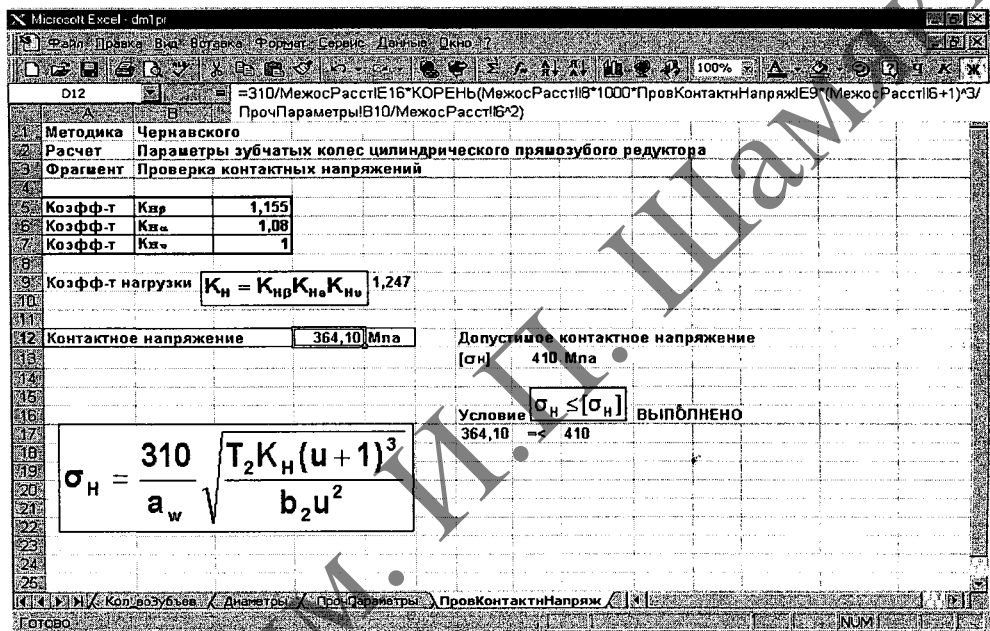


Рис.3

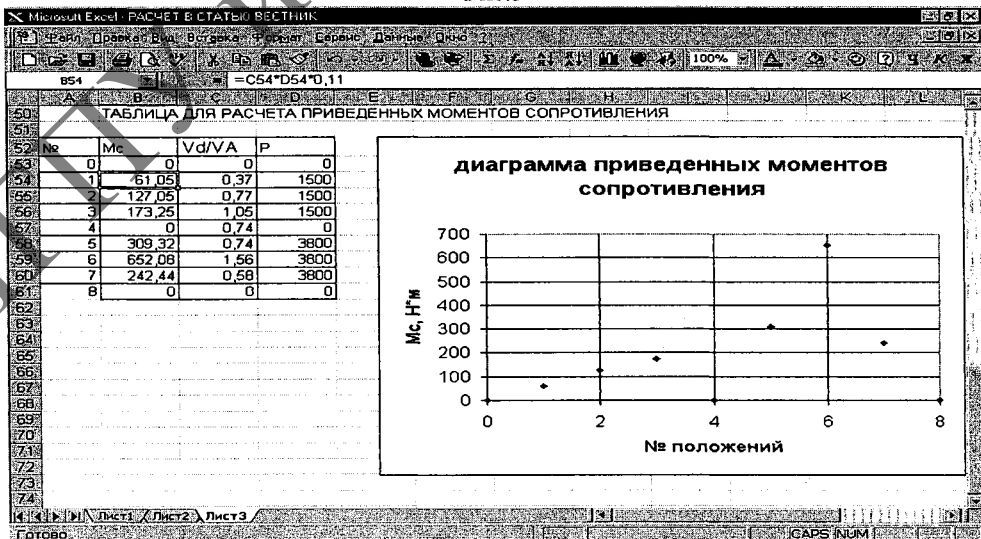


Рис. 4

Для проверки правильности набора алгоритма вычисления достаточно активизировать ячейку, в которую записывается результат вычислений, и щелкнуть левой клавишей мыши на любой элемент. При этом все ссылки на ячейки в формуле будут выделены определенным цветом, таким же, как и цвет ячейки, на которую приведена ссылка в формуле. Это позволяет оперативно проверять введенный алгоритм на наличие ошибок (Рис. 2).

При возникновении необходимости правки формулы достаточно активизировать ячейку, в которой производятся вычисления, и внести изменения в алгоритм, например меняя адресацию ячеек. В случае необходимости пересчета результата вычислений с использованием новых значений достаточно изменить значения в необходимых данных ячеек, после чего нажать Enter. Microsoft Excel автоматически пересчитает формулу по введенному алгоритму с записью результата вычислений в прежнюю ячейку. Данная возможность является основным элементом в проведении повторяющихся вычислений, а также служит средством для оперативного исправления ошибок. Эффективность расчетов возрастает, если составлен четкий алгоритм для всех стадий расчета, при этом наиболее рационально использовать не числовые значения, а ссылки на ячейки. В этом случае весь расчет является сквозным и при изменении любого задаваемого или вычисляемого параметра происходит полный перерасчет. Это позволяет широко варьировать различные значения констант, которые часто задаются в некоторых интервалах для получения приемлемых результатов расчета.

Данное положение характерно для расчетов деталей машин, где достаточно трудно выбрать необходимое значение параметра из имеющегося интервала. При этом в одной или нескольких связанных формулах могут одновременно содержаться несколько констант (Рис. 3).

Запись результатов вычислений также необходимо приводить в табличной форме. Это позволяет быстро находить ошибки по анализу расчетов в характерных точках. Например, при кинематическом анализе механизмов известно, что в крайних положениях скорости выходных равны нулю, как и угловые скорости вращающихся звеньев, не имеющих кинематических пар с кривошипом, и т.д. Табличная форма также удобна тем, что позволяет наглядно сравнивать расчетные данные, например для одного положения, или значения какого-либо параметра для разных положений. Таким образом выявляются многие ошибки и неточности при расчете скоростей и ускорений для звеньев механизмов, совершающих симметричное движение внутри цикла. Как, например, шатун кривошипно-ползунного механизма, кулиса кулисного механизма и т.д. В некоторых случаях (например, наличие сложных зависимостей действующих сил от положений механизма) целесообразно строить по полученным данным графики (Рис. 4). Это позволяет контролировать правильность расчетов по виду полученных зависимостей. Внедрение предложенной методики использования ПК проводилось на уровне студентов и преподавателей.

Анализ показал, что использование ПК для проверки правильности выполнения расчетов в курсовом проектировании деталей машин и теории механизмов и машин значительно снижает трудоемкость и повышает качество проверки, при этом оказывается возможным определение ошибок в каждом конкретном вычислении. Использование предложенной методики студентами проводилось в кружке «Применение ПК в технических расчетах» и показало, что студенты успешно справлялись с проведением расчетов в курсовом проектировании.

Summary

In this article the technique of use of the personal computer at calculations of course designing on details of machines and the theory of mechanisms and machines is offered. The basic data allowing students and teachers familiar with bases of work on the personal computer are resulted, independently to start the decision of technical problems.

Поступила в редакцию 26.03.03.

УДК 371:61

*И.И. Капалыгина***ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ
В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ**

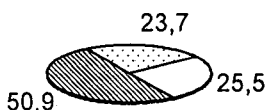
Философская концепция личности утверждает, что здоровье является природным фундаментом как всестороннего развития, так и концепции ЮНЕСКО относительно неразрывности духовного и физического здоровья человека. Состояние здоровья формируется в результате взаимодействия внешних (природных и социальных) и внутренних (наследственность, пол, возраст) факторов. По мнению В.Ф. Базарного, «Здоровье – категория резервов жизни, жизнеспособности человека как целостного существа в единстве его телесных и психических характеристик. Такие резервы жизнеспособности формируются в процессе воспитания» [1]. Здоровье может укрепляться либо утрачиваться в процессе жизнедеятельности и воспитания человека в семье и школе. Оно связано, с одной стороны, со здоровыми условиями быта, учебы, труда, с сохранением природной среды и ее богатств (земли, воды, воздуха), а с другой – с установлением здорового образа жизни, развитием физической и психологической культуры населения.

Значительный вклад в это дело может и должна вносить система образования. Во-первых, через привитие жизненно необходимых умений и навыков здорового образа жизни, во-вторых, через создание в учебно-воспитательных учреждениях благоприятных условий для здоровой и безопасной учебы, труда и отдыха. Обучение и воспитание детей, особенно младших школьников, должно быть направленно как на приобретение валеологических знаний, умений и навыков, так и на сохранение здоровья, должно способствовать его укреплению и благоприятному развитию в процессе всей школьной жизни.

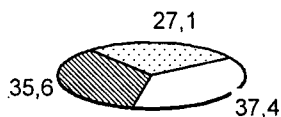
Первой и наиболее главной составляющей системы обучения школьников здоровому образу жизни является включение в учебный план блока «Человек и его здоровье» курса «Человек и мир» (подготовительные, 1-3 классы). В процессе его изучения формируются первоначальные представления о здоровом образе жизни и элементарные умения по сохранению и укреплению здоровья. Однако из-за ограниченности часов некоторые темы курса изучаются по выбору и по усмотрению учителя для ознакомления и аудирования во время уроков. Естественно, что многие темы раздела «Человек и его здоровье» не изучаются в полной мере, что не позволяет решить ряд проблем, имеющих прямое отношение к здоровому образу жизни младшего школьника.

Чтобы подтвердить или опровергнуть данный факт, мы провели исследование учащихся начальных классов школ г. Гродно. Для выявления наличия знаний о здоровом образе жизни, которые они получают на уроках предмета «Человек и мир», использовались анкеты, предлагаемые Министерством образования Республики Беларусь, а также методические разработки Л.И. Дурейко [2]. Результаты исследования учащихся по классам отражают диаграммы (рис. 1.).

Подготовительный класс



1 класс



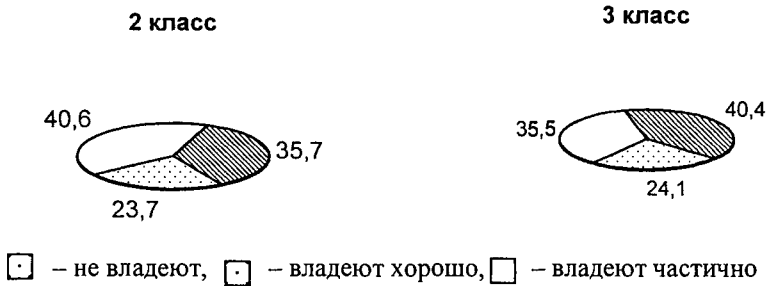


Рис. 1. Владение школьниками знаниями о здоровом образе жизни

Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что большинство учащихся начальных классов в полной мере не владеют знаниями о здоровом образе жизни. Это дает основание утверждать, что потенциал курса «Человек и мир» в формировании знаний о здоровом образе жизни реализуется недостаточно. Ограниченность учебных часов блока «Человек и его здоровье» в курсе «Человек и мир» не позволяет решить ряд проблем, имеющих прямое отношение к здоровому образу жизни современного человека.

Наши наблюдения за учащимися начальных классов показывают, что они могут иметь ограниченный уровень знаний о здоровом образе жизни, но соблюдать его. Чтобы выяснить этот факт, мы в течение продолжительного времени совместно с учителями начальных классов в индивидуальных беседах просили младших школьников рассказать, какой образ жизни они ведут и какими правилами руководствуются. Обобщенные результаты таких бесед приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Соблюдение младшими школьниками здорового образа жизни (в %)

Соблюдение младшими школьниками здорового образа жизни	Классы			
	подготовительн.	первый	второй	третий
Владеют знаниями и соблюдают здоровый образ жизни	11,4	16,3	26,4	24,2
Владеют знаниями о здоровом образе жизни, но не соблюдают его	24,1	35,0	37,4	36,0
Не владеют знаниями о здоровом образе жизни и не соблюдают его	64,5	49,2	36,2	39,8

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что небольшое количество младших школьников владеют знаниями о здоровом образе жизни и соблюдают его, руководствуясь при этом определенными правилами. В подготовительных-третьих классах таких учащихся соответственно было 11,4%, 16,3%, 26,4%, 24,2%. Большая часть учащихся начальных классов не владеет знаниями о здоровом образе жизни и естественно не соблюдает его. Такие учащиеся в подготовительных классах составили 64,5%, в первых – 49,2%, во вторых – 36,2%, в третьих – 39,8%. В ходе исследования выявлены школьники, которые владеют знаниями о здоровом образе жизни, но не соблюдают его. Эта группа школьников

составляет в подготовительных классах 24,1%, в первых – 35,0%, во вторых – 37,4%, в третьих – 36%.

В многочисленных исследованиях отечественных психологов наиболее существенным условием, позволяющим взрослому человеку формировать у ребенка способность самостоятельно управлять своим поведением, является наличие у последнего достаточно сильного и длительно действующего мотива поведения [3]. Детский возраст – это период интенсивного усвоения моральных правил и норм и основанных на них социально одобряемых способов поведения. В этом возрасте складываются первые этические представления и нравственные нормы, которые определяют поведение ребенка. По мнению Г. Урунтаевой, «рождается сознательная нравственность» [4]. Впоследствии ребенок уже соблюдает нормы по внутреннему побуждению. Он подчиняет свои личные желания общественной необходимости поступать «как надо», в соответствии с правилами и нормами моральной жизни. В связи с этим в нашем исследовании имело место изучение осознания нравственных норм, определяющих условия и правила выполнения культурно-гигиенических навыков учащимися начальных классов.

Для этого использовались неоконченные рассказы-ситуации для учащихся начальных классов, которые необходимо было продолжать ученикам с некоторыми выводами. Результаты исследования содержит гистограмма (рис. 2).

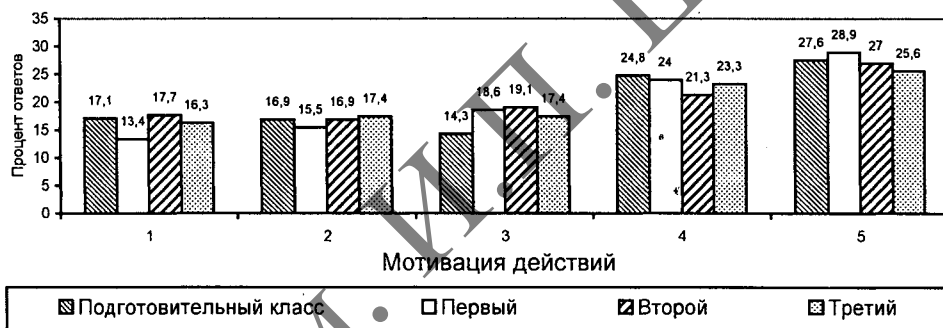


Рис.2. Осознание нравственных норм, определяющих условия и правила выполнения культурно-гигиенических навыков учащимися начальных классов

Об осознании нравственных правил и норм, определяющих условия выполнения культурно-гигиенических навыков, свидетельствует то, как ребенок объединяет свои действия, на что при этом ссылается.

1 – ситуативная мотивация. На ситуацию, в которой происходят действия, указали учащиеся подготовительных классов (17,1%), учащиеся первых классов – 13,4%, вторых классов – 17,7%, третьих – 16,3%.

2 – последствия нарушения. С последствиями нарушения, связали свой ответ 16,9% школьников подготовительных классов, 15,5% – первых классов, 16,9% – вторых, 17,4% – третьих. В этом случае дети только начинают осознавать правила поведения и не видят скрытых за ними нравственных норм, не соотносят эти правила с другими людьми. При этом отслеживается тенденция роста процентных показателей с каждой ступенью начальной школы.

3 – интересы других людей. На интересы других людей сослались 14,3% учащихся подготовительных классов, первых классов – 18,6%, вторых – 19,1%, третьих – 17,4%. В этом случае ребенок осознает норму поведения, понимает необходимость ее выполнения. Норма выступает как регулятор взаимоотношений с

другими людьми. А способ поведения (нарушение или следование норме, правилу) рассматривается как выражение отношения к окружающим.

4 – нет мотива. Не могли мотивировать ответ, выражающий отношение к ситуации. Значит, школьники осваивают общественно одобряемые образцы поведения, но смысл их пока для них не ясен. Таких учащихся в подготовительных классах 24,8%, в первых – 24,0%, во вторых – 21,3%, в третьих – 23,3%.

5 – ответ отсутствует. Определенный процент учащихся затруднялся объяснить ситуации. Таким образом, необходимость выполнения правила не осознает в подготовительных – третьих классах соответственно 27,6%, 28,9%, 27,0%, 25,6% [4].

Освоение гигиенической культуры ребенком начинается с раннего детства и продолжается в период начального обучения в начальной школе. Это важно не только как приобщение к здоровому образу жизни, но и как создание фундамента нравственного развития личности. За культурно-гигиеническими навыками (личной гигиеной, культурой питания, бережным отношением к личным вещам, игрушкам и другим предметам, поддержанием порядка в окружающей обстановке) стоят те или иные нравственные нормы и правила. Выполняя их, ребенок не только проявляет самостоятельность, инициативность, настойчивость, но и устанавливает взаимоотношения со взрослыми и сверстниками. Приобретение культурно-гигиенических навыков связано с осознанием способов их осуществления, т.е. последовательности их выполнения, а также необходимости их выполнять. Поэтому следующим этапом исследования стало изучение осознания необходимости выполнять культурно-гигиенические навыки у младших школьников. С этой целью им было предложено ответить на некоторые вопросы, выбрав при этом правильный ответ. Результаты исследования содержит гистограмма (Рис. 3.).

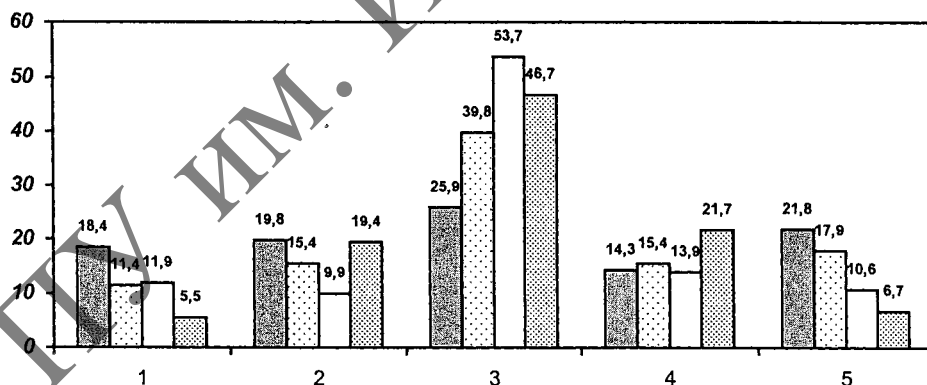


Рис. 3. Осознание младшими школьниками необходимости выполнять культурно-гигиенические навыки

Ответы школьников были соотнесены с одной из групп ответов, указывающих на то, с чем они связывают необходимость выполнять действие, а именно:

1. Ответы учеников, соотнесенные с конкретной ситуацией, последующей деятельностью (нужно мыть руки, чтобы есть), составили 18,4% учащихся подготовительных классов, первых классов – 11,4%, вторых – 11,9%, третьих – 5,5%. В этом случае можно отметить, что школьники не понимают обобщенности требований, наполняют их конкретным содержанием.

2. Ответы, направленные на изменения в личности, которые могут произойти в будущем (надо есть качественную пищу, чтобы большим вырасти и здоровым и т.д.) получились в подготовительном классе – 25,9%, в первых классах – 39,8%, во вторых – 53,7%, в третьих – 46,7%. Здесь возникает направленность действий на позитивный предвосхищаемый результат, понимание их необходимости отрывается от конкретной ситуации.

3. Количественный результат ответов, соотносящихся с эстетической привлекательностью (чтобы было красиво, чисто, аккуратно), в подготовительных-третьих классах составил соответственно 19,8%, 15,4%, 9,9%, 19,4%.

4. С гигиенической необходимостью (волосы надо мыть, чтобы не появились вши и т.д.) связали высказывания 14,3% школьников подготовительных классов, первых – 15,4%, вторых – 13,9%, третьих – 21,7%.

5. Суждения, связанные с требованием взрослого (бабушка заставляет складывать одежду, чистить ее и т.д.). Здесь требование выступает как внешний фактор, сознательное отношение к нему отсутствует, смысл его для ребенка закрыт. Число таких ответов составило в подготовительных-третьих классах 21,8%, 17,9%, 10,6%, 6,7% [4].

Таким образом, в результате исследования осознания необходимости выполнять культурно-гигиенические навыки мы пришли к мысли о том, что к жизненным процессам некоторые относятся равнодушно, не проявляя интереса; не все учащиеся замечают нарушения правил, осознание мотивов действий в основном происходит с опорой на внешние факторы.

В своем исследовании мы коснулись нескольких аспектов здорового образа жизни младшего школьника. На самом деле данная проблема является многогранной, требующая интеграции всех направлений педагогического процесса. Однако по результатам исследования можно констатировать факт, что основы здорового образа жизни целесообразно формировать начиная с младшего школьного возраста.

Литература

1. Горячев Я.Э. Здоровье детей – категория педагогическая // Воспитание школьников. – 1998. – № 1.
2. Дурейко Л.И. Человек и его здоровье: Подг., 1-3 кл.: Учебно-методическое пособие для учителей. – Минск, 2000.
3. Практическая психология образования / Под ред. И.В.Дубровиной – М.: ТЦ «Сфера», 1997.
4. Урунтаева Г.А. Диагностика психологических особенностей дошкольника. – М. ^ Издательский центр «Академия», 1996.

Summary

Theoretical analysis of psychophysiological works, researches in the field of didactics made it possible to discover ties between primary schoolchildren's learning and their health.

Поступила в редакцию 21.10.02

УДК 378.637:514

И.Н. Кралевич

ОСНОВАНИЯ ГЕОМЕТРИИ: ОДИН ИЗ ПОДХОДОВ К ИЗЛОЖЕНИЮ

Раздел «Основания геометрии» играет первостепенную роль в профессиональной подготовке будущего специалиста. Традиционно при изложении указанного раздела дается исторический обзор обоснования геометрии, освещается роль работ Н.И. Лобачевского, которые, как известно, привели к широким обобщениям в геометрии и их важнейшим приложениям в различных разделах математики и естествознания, приводятся понятия сферической и эллиптической геометрий.

Новые подходы к организации учебного процесса в высшей школе предполагают переход к непрерывному образованию *исследовательского типа*. Мы ставим своей *целью* организацию введения студентов в научное исследование путем расширения возможностей изложения раздела «Основания геометрии».

В большинстве своем такие разделы, как аналитическая геометрия, конструктивная геометрия, дифференциальная геометрия, оставляют впечатление о возможности только одной геометрии, законы которой заранее предопределены. *Ведущая идея* в предлагаемой нами методике изложения – геометрия не является навсегда предписанной системой понятий и теорем, геометрическая интуиция способна создать свою геометрию для каждой новой сферы познания.

I этап. Создание проблемной ситуации: действительно ли теоремы геометрии выполняются в окружающем нас пространстве?

Общая постановка вопроса предполагает исторический обзор обоснования геометрии, в результате которого определяются две основные точки зрения на предмет геометрии [1, 340]:

групповая точка зрения, изложенная Ф. Клейном в «Эрлангенской программе», в соответствии с которой в основу геометрии того или иного пространства положена определенная группа преобразований;

точка зрения Д. Гильберта, когда в основу геометрии положена структура пространства, определенная некоторой системой аксиом.

II этап. Геометрия Н.И. Лобачевского – новый период в развитии естествознания.

Излагаются общие вопросы аксиоматики, элементы геометрии Лобачевского, демонстрируется роль работ Н.И. Лобачевского, приведших к широким обобщениям в геометрии и их важнейшим приложениям в математике и естествознании. Опровергается взгляд на то, что евклидова геометрия – единственно возможное учение о пространстве.

III этап. Научный поиск: точна ли карта земной поверхности?

Сферическая геометрия (отличие от планиметрии можно обнаружить в сколь угодно малой части сферы).

Основные определения.

Свойства сферической геометрии:

1.2.1. **Т е о р е м а.** Кривая наименьшей длины, лежащая на сфере S и соединяющая точки P и Q этой сферы, – это дуга большого круга сферы S , проходящая через P и Q [2; 3].

1.2.2. Окружность радиуса ρ в сферической геометрии – множество точек, удаленных от одной фиксированной точки на расстоянии ρ . Если радиус сферы S равен R , то $\rho = R\varphi$, где φ – величина угла в радианной мере между лучами, идущими из центра сферы в центр окружности и в одну из ее точек. С точки зрения обычной

геометрии, мы имеем дело с окружностью радиуса ρ' . Из рис. 1.2.2 $R \sin \varphi = R \sin(\rho/R)$. Поэтому длина этой окружности равна $2\pi\rho'$, то есть $2\pi R \sin(\rho/R)$. Итак, окружность радиуса ρ имеет в сферической геометрии иную длину, чем в планиметрии и это отличие обнаруживается на сколь угодно малых окружностях.

1.2.3. Определим длину отрезка PQ , соединяющего две точки большой окружности сферы S . Сферическое расстояние между точками P и Q , принадлежащими сфере S , обозначим $d(P, Q)$. Итак, проводя рассуждения аналогично [1, 334], получим: $\rho(P, Q) = 2R \sin[d(P, Q) / 2R]$.

1.2.4. Т е о р е м а. Сумма углов любого треугольника в сферической геометрии больше двух прямых, то есть больше π [3, 13].

1.2.5. Т е о р е м а (теорема синусов для сферического пространства).

Пусть $a = d(B, C)$, $b = d(A, C)$, $c = d(A, B)$ – стороны сферического треугольника ABC , а R – радиус сферы. Тогда [1, 335]

$$\frac{\sin \hat{A}}{\sin \frac{a}{R}} = \frac{\sin \hat{B}}{\sin \frac{b}{R}} = \frac{\sin \hat{C}}{\sin \frac{c}{R}}$$

Вывод: представленная геометрия отличается от геометрии на плоскости даже в достаточно малых частях. Обнаруженное отклонение сферической геометрии от планиметрии позволяет сделать вывод, что невозможна точная карта даже достаточно малой части сферы. Однако, чем меньше область на сфере по сравнению с радиусом сферы, тем более точную наглядную картину мы получим. Это следует из формул длины окружности, доказательства теоремы о сумме углов треугольника.

Рассмотрим геометрию, которая отличается от геометрии на плоскости, но совпадает с ней в своих достаточно малых частях.

IV этап. Новые результаты:

2. Геометрия на цилиндрической поверхности (отличие от планиметрии нельзя обнаружить в сколь угодно малой части поверхности).

2.1. Основные определения.

2.2. Свойства геометрии на цилиндрической поверхности:

2.2.1. Т е о р е м а. При наложении полосы на цилиндрическую поверхность E любая кривая, содержащаяся в полосе, накладывается на кривую, лежащую на поверхности и имеющую ту же длину [3, 16].

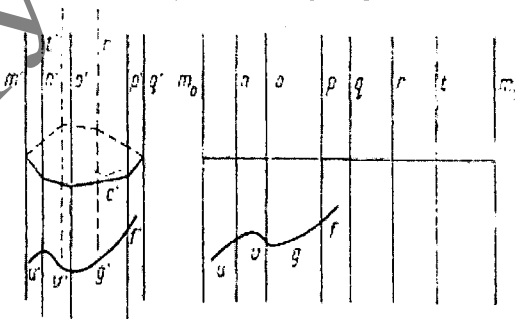


Рис. 1

Однако из равенства длин кривых неверно, что расстояние между точками полосы равно расстоянию между теми точками поверхности E , на которые они накладываются.

2.2.2. *Т е о р е м а.* Расстояние между точками $У$ и R цилиндрической поверхности равно длине наискратчайшей из таких линий f в полосе m_0m_1 , что f распадается на кривые f_1, f_2, \dots, f_n :

f_1 начинается в точке S , на которую разворачивается P , f_n заканчивается в точке T , на которую разворачивается R , а f_i заканчивается и f_{i+1} начинается в противоположных точках (для $i = 1, 2, \dots, n-1$) [3, 19].

В правиле для измерения расстояний, сформулированном в теореме 2.2.2, можно избавиться от использования разрывных линий.

Замечание: при изображении точек цилиндра точками полосы m_0m_1 , не всякая такая область изобразится полосой. При этом изображении необходимо заменить точки такой полосы ширины $s' < s/2$ эквивалентными им точками полосы m_0m_1 . При этом полоса, ограниченная прямыми p и q , изобразится в полосе m_0m_1 в виде двух полос (Рис. 2).

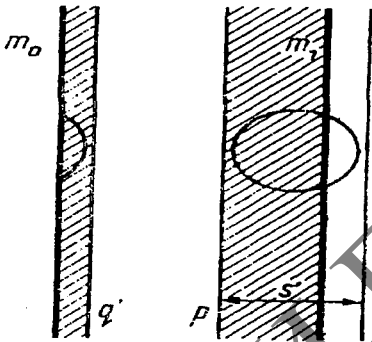


Рис. 2

2.2.3. *Теорема (основное свойство геометрии на поверхности E).* Геометрия на цилиндрической поверхности E совпадает с геометрией на плоскости в достаточно малых областях. Такой областью является, например, любой круг радиуса $r < s/4$, где s – длина направляющей c' [3, 25].

2.2.4. *Свойства прямых* [3, 25].

Итак, геометрия на цилиндрической поверхности во многом отличается от геометрии на плоскости, но этих отличий нельзя обнаружить, если не выходить за пределы круга радиуса $r < s/4$.

V. *Поиск:* один из нерешенных вопросов математики – описание совокупности геометрий, в малом совпадающих с плоскостью Лобачевского.

На наш взгляд, включение предложенных нами элементов в изложение раздела «Оснований геометрии», поможет раскрыть самую важную черту математики: внутреннее развитие математики, когда нужды одной области приводят к созданию новых областей, дополняется поразительным явлением ее единства – теории, созданные и развивающиеся в разных направлениях, оказываются тесно связанными.

Литература

1. Атанасян Л.С., Базылев В.Т. Геометрия: Учеб. пособие для студентов физ.-мат. фак. пед. ин-тов. В 2 ч. Ч.2. – М.: Просвещение, 1987.
2. Адамар Ж. Элементарная геометрия: Учеб. пособие. В 2 ч. Ч.2 (стереометрия). – М.: Учпедгиз, 1958.
3. Никулин В.В., Шафаревич И.Р. Геометрии и группы. – М.: Наука, 1983.

Summary

The author's technique of introduction of the students in scientific research in educational process is submitted by expansion of opportunities of the unit «the Bases of geometry».

Поступила в редакцію 01.11.02.

УДК 37.037

И.М. Масло, Н.А. Заяц

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ НОРМ ФИЗИЧЕСКОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ

В ходе проведения комплексных исследований на протяжении последних лет были изучены некоторые вопросы тренировки юных спортсменов. Результаты проведённых исследований показали, что при подготовке нужно учитывать индивидуальные особенности физической подготовленности, определяемые на основании комплексных критериев, включающих оценку морфо-функционального состояния организма, общей и специальной работоспособности.

Было установлено, что уровень работоспособности определяется величиной резервных возможностей функциональных систем, обеспечивающих устойчивость функционирования организма. Для детей и юных спортсменов с высоким, средним и низким уровнями работоспособности выявлены индивидуальные модели, характеризующиеся координационным, компенсаторным и напряжённым типами адаптации организма к физической нагрузке.

Изучение индивидуальных характеристик физической подготовленности в скоростно-силовых видах спорта и видах на выносливость позволило разделить юных спортсменов на четыре группы:

- с преимуществом быстроты;
- силы;
- скоростно-силовых качеств;
- выносливости.

Особенности физической подготовленности и функционального состояния в соответствии с уровнем физической работоспособности определяются на высоком, среднем и низком уровнями. Особенности психологической подготовленности юных спортсменов классифицируются по возрастным критериям, в основе которых лежат индивидуально-психологические особенности личности и высшие психические функции.

В связи с этим одним из основных требований в решении проблемы интеграции является ограничение круга входящих показателей. Это положение сохраняет свою правомерность и в исследованиях по спортивной тренировке, в том числе и в детском юношеском спорте. В настоящее время для оценки уровня физической подготовленности применяется широкий круг разнообразных тестов. Они имеют различную степень корреляции со спортивным результатом.

В то же время, с точки зрения критерия рациональности, только те контрольные упражнения могут быть признаны надёжными, которые определяют динамику физической подготовленности спортсменов по мере роста их мастерства и имеют сильную взаимосвязь со спортивным результатом. Это обусловлено тем, что этапы начальной спортивной специализации и углубленной тренировки характеризуются высокими темпами роста, а этап спортивного совершенствования –

стабилизацией показателей подготовленности спортсменов. Это положение легло в основу решения задачи по определению критериев индивидуальных способностей юных спортсменов.

В результате проведённых исследований установлено, что комплексные критерии оценки индивидуальных особенностей юных спортсменов должны отражать индивидуальную норму показателей, характеризующих комплекс свойств организма спортсмена, необходимых для успешного выполнения соревновательного упражнения. Контроль над исследуемыми параметрами по количественным и качественным характеристикам позволяет выявить динамику особенностей юных спортсменов и служит основанием для коррекции тренировочного процесса.

Для оценки способностей юных спортсменов наиболее адекватны комплексные критерии, отражающие мощность, экономичность и устойчивость функционирования опорно-двигательного аппарата, кардиореспираторной системы и энергообеспечения организма спортсмена. Эти критерии позволяют выявить индивидуальную структуру функциональной подготовленности организма юного спортсмена к соревновательной нагрузке.

Анализ специальной литературы показал, что вопросы определения индивидуальных норм физической подготовленности юных спортсменов недостаточно изучен, поэтому была разработана, апробирована и предложена методика определения индивидуальных норм физической подготовленности и функционального состояния юных спортсменов. В ней устанавливаются градации индивидуальных норм с помощью статистических процедур. За среднюю норму принимаются показатели тестов, соответствующие среднему результату в конкретном упражнении. Процедура определения индивидуальной нормы может быть такова:

- определение времени тренировки и её продолжительности;
- систематическое тестирование занимающихся по комплексу наиболее информативных тестов в течение определённого этапа;
- определение средних величин и стандартных отклонений.

Совершенствование нормативных основ подготовки юных спортсменов путём разработки методики индивидуальных норм требует проведения специальных исследований в конкретных видах спорта. Теоретической основой для разработки вопросов, связанных с повышением тренированности спортсменов, являются представления об индивидуальной, физической, морфологической и биомеханической реактивности систем организма.

Для разработки индивидуальных норм физической подготовленности были проведены годичные исследования, в которых приняли участие легкоатлеты 14-15 лет, специализирующиеся в беге на короткие дистанции, прыжках в длину.

В ходе исследования был проведён констатирующий педагогический эксперимент. Предварительно была определена динамика физической подготовленности по трём информативным тестам: бег 30 м с ходу, прыжок в длину с места, бросок ядра 6 кг назад через голову двумя руками. При этом учитывался лучший спортивный результат в основном соревновательном упражнении на данный период.

На основе полученных данных рассчитывались индивидуальные нормы в исследуемых показателях физической подготовленности, соответствующие лучшему на данный этап спортивному результату.

При определении индивидуальных норм для каждого спортсмена учитывались:

- для бегунов на короткие дистанции 14-15 лет (третьего года обучения) результат в беге на 100 м – 11,6-11,8; бег 30 м с ходу – 3,4 сек; прыжок в длину с места – 230-240 см; бросок ядра назад через голову – 11,80-11,20 м;
- для прыжков в длину соответственно основной вид – 5,90-6,00; 3,4 сек; 250-260 см; 11,90-12,30 м;
- вариация индивидуальных показателей текущего контроля в пределах $X \pm 0,5\sigma$ принималась за норму, вариация индивидуальных показателей в пределах $X \pm 2\sigma$ оценивалась как ухудшение или улучшение состояния спортсмена;
- принадлежность спортсмена к скоростному, скоростно-силовому профилю соответствовала текущей индивидуальной норме спортсмена, в других случаях величина нормы была либо больше, либо меньше.

Изменение результатов контрольных упражнений в пределах $X \pm 0,5\sigma$ за контрольный мезоцикл можно считать индивидуальной нормой для каждого этапа подготовки. Индивидуальная норма в показателях физической подготовленности соответствует лучшему спортивному результату на этапе и объективно характеризует текущее состояние спортсмена; отклонения от этапных нормативов объясняются методикой тренировки и принадлежностью спортсмена к конкретному профилю. Индивидуальная норма физической подготовленности зависит от варианта развития темпов биологического созревания организма, степени переносимости нагрузок, спортивного стажа, направленности тренировочного процесса и адаптации к комплексу внешних воздействий.

Для разработки индивидуальных норм функциональной подготовленности были проведены годичные исследования, в которых приняли участие юные бегуны на средние и длинные дистанции, учащиеся спортивных школ г. Мозыря третьего года обучения.

В исследованиях, в первую очередь, было необходимо определить среднегодовую динамику изменений показателей работоспособности для определения среднего уровня функциональной подготовленности бегунов 14-15 лет при сопоставлении общих и индивидуальных показателей работоспособности и выявить индивидуальный тип адаптации спортсмена на каждом из этапов обследования. Во-вторых, необходимо определить взаимосвязь эргометрических показателей, т.е. мощности, времени нагрузки с энергетическими параметрами, а также со спортивными результатами. Функциональное состояние определялось с помощью стандартной нагрузки «до отказа» на велоэргометре. Начальная мощность нагрузки 390 кг/мин вплоть до индивидуального отказа. Функциональное состояние оценивалось комплексно, исходя из следующих критериев: эргометрических уровней анаэробных и аэробных показателей и их соотношения, экономичности, эффективности и устойчивости показателей работоспособности.

Для определения индивидуальной функциональной нормы было апробировано два способа. Первый предполагает определение нормы нахождения среднеарифметической величины показателей работоспособности спортсмена на всех этапах обследования.

$$\Phi \text{ норма} = (M_{\text{обсл.}} + M_{\text{обсл.}} + M_{\text{обсл.}})/3.$$

Второй способ предполагает определение норм путём суммирования показателей работоспособности, достигнутой при высоком и низком уровне функционального состояния спортсмена по формуле:

$$\text{Норма} = (M_{\text{высокое ф. сост.}} + M_{\text{низкое ф. сост.}})/2.$$

Для определения типа адаптации на каждом этапе индивидуальные показатели сопоставляются со среднегрупповыми значениями, а также со спортивным результатом.

Таким образом, индивидуальной нормой текущего функционального состояния спортсмена, определяющей уровень его тренированности, служит диапазон (амплитуда) возможного изменения показателей, характеризующих ведущие функциональные системы организма, которые обеспечивают его работоспособность. Чем шире этот диапазон, тем выше уровень организации функциональных систем, выше уровень адаптации к физической нагрузке и, следовательно, выше индивидуальная норма функционального состояния организма спортсмена. Таким образом, в основу методики определения индивидуальной нормы функционального состояния организма юного спортсмена должно быть положено исследование диапазона функционирования систем, определяющих успешность выполнения основного соревновательного упражнения. Изменения исследуемых параметров по количественным критериям будут отражать динамику индивидуальной нормы функционального состояния организма и служить основой для коррекции тренировочного процесса.

Бег на средние и длинные дистанции по физиологической направленности относится к нагрузкам большой и умеренной мощности преимущественно аэробного характера.

В этой связи результативность спортсмена определяется прежде всего дееспособностью кардиореспираторной системы, обеспечивающей поддержание адекватных величин потребления O_2 . Анализ динамики и дифференцированный учёт диапазона изменения показателей ЧСС, АД, рН позволяет выявить индивидуальную норму реагирования дыхательной и сердечно-сосудистой систем организма при физической нагрузке как один из главных критериев резерва функциональных возможностей юного спортсмена.

В качестве критериев для оценки нормальности индивидуальной структуры реагирования кардиореспираторной системы юного спортсмена на нагрузку были выбраны следующие показатели:

1. Объём велоэргометрической нагрузки в стандартном велоэргометрическом тесте;
2. Интегральный показатель эффективности деятельности функциональной системы обеспечения организма кислородом;
3. Время восстановления УСС АД после тестирующей процедуры.

Таким образом, если при повторном тестировании объём велоэргометрической нагрузки не уменьшается более чем на 15%, т.е. по критериям, разработанным в отделе теории и методики юношеского спорта ВНИИФК (В.Г. Никитушкин 1992-1996), не снижается до более низкого уровня, физиологическая стоимость работы не увеличивается более чем на 20%, время восстановления ЧСС не превышает 15 мин нормотонической реакции АД. В связи с этим выявленные величины действительно являются индивидуальной нормой реакции юного спортсмена на физическую нагрузку и объективно отражают уровень его функциональных возможностей. В результате такой работы была разработана методика определения индивидуальной нормы физической подготовленности и функционального состояния юного спортсмена.

Summary

In article the technique of preparation of sportsmen-athletes is considered.

Поступила в редакцию 08.04.03.

*Э.М. Молчан***ДИАЛЕКТИКА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО
ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ**

Непосредственную основу духовно-нравственного воспитания составляют этические знания. Сами по себе эти знания еще не являются побудительной силой духовно-нравственного поведения. Но поскольку они становятся убеждениями, проникают в содержание чувств и представлений, придавая им более осознанный и действенный характер, постольку они включаются в само содержание духовно-нравственных ценностей. Нравственные знания в форме убеждений являются необходимой составной частью духовно-нравственных ценностей. Теоретически образованный человек ни в чем не полагается на слепую веру, сам духовно-нравственные ценности, нормы, идеалы он подвергает критическому анализу и полностью принимает их лишь будучи убежденным в их правильности, разумности. Такую убежденность может дать правильная ориентация на духовно-нравственные ценности.

В воспитании необходимо учитывать сложность и динамизм эпохи. Наличная совокупность моральных норм не может охватить всего многообразия конкретных жизненных ситуаций. В тех или иных аспектах духовно-нравственные ценности общества или его отдельных слоев отстают от быстро изменяющихся условий и приходят с ними в противоречие. Чтобы уметь выбирать правильное решение в сложной и до сих пор не встречавшейся ситуации, человек должен научиться творчески применять метод нравственного мышления.

Существенную роль в духовно-нравственном поведении личности играет ее культура. Образы и чувства, запечатленные в душе человека силой искусства, становятся побудительной силой его поступков. Поэтому важно, чтобы эти образы и чувства были проникнуты подлинно-духовным содержанием. Это необходимо учитывать в процессе духовно-нравственного воспитания.

Идея духовно-нравственного воспитания личности как формирования ее духовно-нравственных ценностей раскрыта в научно-педагогической мысли Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, Н.И. Пирогова и др. Духовно-нравственные ценности трактуются ими как основа разумного эгоизма, предполагающего удовлетворение таких личных интересов, которые соответствуют ценностям общества в целом. При этом удовлетворение ценностей общества происходит не за счет удовлетворения интересов отдельных личностей, а именно благодаря ему. Ведущими духовно-нравственными ценностями личности выступают ценности самоуважения и самоутверждения в обществе, сочетающиеся с потребностями в труде, познании, полезной разумной деятельности. Лишь в этом случае возможно решить дилемму между влечением и долгом. В жизни людей не существует разногласия между влечением и нравственным долгом, между эгоизмом и человеколюбием: это очень важная особенность. [4]

Подходы к решению проблем формирования духовно-нравственных ценностей личности представлены в работах Н.А. Добролюбова: «Не того можно назвать человеком истинно духовно-нравственным, кто только терпит над собой величие долга, а того, кто заботится слить требования долга с ценностями внутреннего существа, кто старается переработать их в свою плоть и кровь внутренним процессом самосознания и саморазвития, чтобы они... доставляли внутреннее наслаждение» [1].

Ведущее место Н.А. Добролюбов отводит развитию самосознания личности: «ценность самоуважения и... боязнь собственного суда будут покрепче тех нравственных перил, которые отделяют людей от старого закона, от разных мерзостей». Путь к самоутверждению личности на высоком уровне самосознания он видит в нравственном воспитании. Лишь в этой ситуации «...ум и чувство находятся в постоянной гармонии, потому что ум, направленный на любимый, полезный труд, всегда советует только то, что согласно с личной выгодой, совпадающей с истинными интересами человечества» [1, 20].

В процессе развития личности происходит борьба ценностей. Одни ценности становятся сильнее, значимее, подчиняют себе другие. Об этом писал Н.Г. Чернышевский: «Известная ценность развивалась в человеке так сильно, что удовлетворять ее принято даже с пожертвованием другими, очень сильными» [5]. Источником самой большой радости для человека является сотворение добра. Ориентация на такую ценность, как «добро», откроет для растущего человека основу ярких положительных переживаний, чувства удовлетворенности жизнью. В этом Чернышевский видел одну из самых важных задач воспитания.

Н.Г. Чернышевский вскрыл диалектическую взаимосвязь между соперживанием и долгом. Если в человеке развиты сострадание, симпатия, уважение, почтение к людям, то, оставляя эти чувства неудовлетворенными, он испытывает больше терзаний, чем удовольствия, когда освобождает себя от выполнения обязательств перед людьми. Долг имеет силу внутреннего мотива поведения при условии, если в человеке развит спектр гуманных чувств по отношению к другим.

Потребностное основание формирования духовно-нравственных ценностей личности характерно для трактовки ряда аспектов воспитания в педагогических взглядах Л.Н. Толстого [2]. Он рассматривает духовно-нравственные ценности как основной внутренний побудитель к деятельности, как источник активности личности в нравственном совершенствовании человечества. Нравственная ценность у Л.Н. Толстого характеризуется стремлением, желанием человека поступать так, как от него требует благо общества. Человек, действующий на основе духовно-нравственных ценностей, поступает соответственно со своими желаниями, но в самих желаниях человека получило свое отражение общественно значимое, нравственно должное. Главную задачу в формировании духовно-нравственных ценностей личности Л.Н. Толстой видит, прежде всего, в том, чтобы воспитать в человеке стремление нравственно действовать, но при этом действовать свободно, в соответствии со своими желаниями и стремлениями. Важным вопросом в этом сложном процессе духовно-нравственного воспитания личности является вопрос о том, каким нравственным содержанием наполнены желания и стремления человека: посвящаются ли цели служения личности общественному благу или носят антиобщественный эгоистический характер. Толстой считает, что воспитывать в человеке готовность служить общественному благу, нравственно действовать в соответствии с интересами других людей можно, только изменив внутреннее соотношение, ее побудительные силы, духовно-нравственные ценности. Для творчества Л.Н. Толстого характерно динамическое рассмотрение структуры духовно-нравственных ценностей личности: от ценностей детства в нравственных поступках, одобряемых окружающими, доставляющих удовольствие уважаемому ребенком воспитателю, родителям, от ценности в нравственных действиях по привычке, выработанной многократными упражнениями в процессе педагогического воздействия, – к ценностям отрочества и юности: поступать в соответствии с личными убеждениями, нравственными идеалами, сознанием общественного долга; к ценностям в нравственном самовоспитании, самосовершенствовании личности,

получающей свое наиболее яркое проявление в личности формирующегося человека в годы ранней юности. В содержание духовно-нравственных ценностей Толстой вкладывает созвучную нам сегодня ценность в нравственном идеале: стремление нравственно действовать; стремление обладать личными качествами и способностями, необходимыми для осуществления нравственного поведения; ценность и в моральном росте, и в нравственном самосовершенствовании, и в самовоспитании.

Некоторые важные факторы субъективного и объективного порядка, влияющие на формирование духовно-нравственных ценностей человека и общества, раскрыты в коллективных работах. Авторами выступают А.В. Баранов, И.Ф. Гончаров, С.И. Голод, Г.А. Евтеева, Е.И. Зейлигер, В.Г. Иванов, В.П. Кобляков и др. Развитые духовно-нравственные ценности, активное стремление к истине, к созиданию добра и красоты авторы обозначают словом «духовность». Кроме того, духовность включает в себя нравственность, идейность, гуманность, способность владеть своими чувствами.

Рассматривая основные источники и движущие силы развития духовно-нравственных ценностей и духовности, указанные авторы выделяют, прежде всего, практическую ценность, благодаря которой создается проблемная ситуация, не дающая человеку успокоиться и постоянно заставляющая его искать выход из положения. Второй фактор – материальные ценности. Третий фактор – ценность духовного общения людей, являющаяся важнейшим условием роста духовной культуры, возбуждающая психическую активность. ●

Проблемой особой важности в педагогике является сам момент обогащения духовных ценностей, то есть момент обогащения их уникальным, личностным смыслом. Духовная жизнь личности предполагает движение внутреннего мира человека, его динамику в процессе освоения объектов нравственно-эстетического плана. Духовная жизнь коллектива на основе глубинного переживания направлена на познание, освоение, развитие идеальных личностных духовных ценностей, личностных смыслов.

Необходимо учитывать и такой фактор духовно-нравственного поведения как осознание личностью правовой ответственности. Правосознание действует в одном направлении с духовно-нравственным сознанием и способствует его воплощению в жизненную практику. Отсюда следует, что и правовое воспитание вносит определенный вклад в формирование духовно-нравственного поведения членов коллектива.

Вообще трудно найти такие элементы психологии личности, которые прямо или косвенно не влияли бы на ее поведение. Но особенно важно значение для теории и практики духовно-нравственного воспитания имеют добродетели и пороки, которые часто используются для оценки нравственности той или иной личности.

Воспитателю важно не только иметь ясное представление об основных духовно-нравственных ценностях, но и об их системе и типологии, а также о месте духовно-нравственных ценностей личности в общей системе личностных ценностей. Всем этим теорию ценностей должна вооружить теория и практика духовно-нравственного воспитания.

Процесс формирования духовно-нравственных ценностей и составляет цель и результат духовно-нравственного воспитания, поскольку определенные знания в сфере нравственности, умения поступать «правильно» и даже соответствующие чувства-переживания – каждый из этих феноменов, взятый в отдельности, сфокусированный в ценностях, еще не гарантируют подлинно нравственное поведение и нравственное воспитание.

Выявленные нами тенденции и основные направления формирования духовно-нравственных ценностей позволяют сделать вывод:

духовно-нравственные ценности – сложное интегративное понятие, связанное с идеальной потребностью личности познания сущности своего предназначения, с производством, хранением и освоением этих ценностей, а также с элементами духовной жизни людей (наука, нравственность, искусство, философия и религия) и различными формами познания и образования.

Основным принципом формирования духовно-нравственных ценностей является принцип гармонии индивидуальных потребностей: рационально-логического и нравственно-эстетического компонентов духовной ценности, материальных и духовных ценностей личности.

Литература

1. Добролюбов Н.А. Избранные философские сочинения. М.: Госполитиздат, 1968, Т. 1.
2. Жук И.Г. К вопросу формирования нравственных потребностей в педагогической теории Л.Н.Толстого. В сб.: Проблемы формирования нравственных потребностей школьников. Научн. тр., вып. 105. Новосибирск, 1974.
3. Коростелева А.А. Формирование духовных ценностей старшеклассников: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук: / Акад. пед. наук, НИИ, теории и методов воспитания. М., 1992.
4. Мусаелян Г.А. Формирование нравственных потребностей личности. – Ер.: Айастан, 1990.
5. Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения. М.: Госполитиздат, 1951, Т. 3.

Summary

The main sources and motivators of the development of spiritual and moral values and spirituality have been considered in the present paper. The actuality of spiritual and moral upbringing in the modern social and cultural situation has been substantiated.

Поступила в редакцию 19.11.02.

УДК 372 .046.14

В.П. Рева

КАТЕГОРИЯ КУЛЬТУРЫ МУЗЫКАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ ПЕДАГОГИКИ ИСКУССТВА

Одна из примечательных особенностей современной культуры – возрастающая роль музыкального искусства в жизни общества. Стремительно разветвляющаяся сеть массовой коммуникации, обновляющиеся технологии тиражирования художественной информации предоставляют неограниченные возможности для общения с музыкой, в бесконечно разнообразных социокультурных ситуациях восприятия слушателям всех возрастных категорий, различной эстетической ориентации.

Связанное с процессом урбанизации, расширение форм потребления искусства актуализировало проблему воспитания культуры музыкального восприятия у детей как нормы эстетического освоения музыки для каждого из

возрастных периодов развития школьников. Музыкальное восприятие формируется на протяжении всей жизни человека, постепенно обогащается и конкретизируется. Сформировать его в педагогическом процессе как целостное, завершённое умение не представляется возможным. Содержание восприятия искусства даже у одного и того же слушателя постоянно меняется. Вместе с тем для каждого слушателя оно должно оставаться полноценным, сохранять жизнеутверждающую силу и эстетическую привлекательность. В этой связи воспитание культуры музыкального восприятия становится особенно актуальным для школы, одной из ключевых задач педагогики искусства. «Культура восприятия, – отмечает А.Г. Костюк, – это структурно-функциональная его организация, обуславливающая качество декодировки музыкально-эстетической информации в той мере, в какой это качество зависит от уровня музыкально-перцептивного развития воспринимающего» [1, 347].

Педагогический аспект проблемы состоит в исследовании музыкального восприятия как процесса переживания эстетических чувств, выраженных в музыке. Глубиной, интенсивностью и эмоциональной насыщенностью эстетических переживаний определяется личностная значимость искусства для слушателя, а на более масштабном уровне – эффективность его созидательного воздействия на духовный мир человека. Эстетические переживания затрагивают наиболее глубокие пласты эмоционально-образной сферы слушателя, делая его отзывчивее на движения чувств других людей. Искусство невозможно по-настоящему понять, не пережив его содержание. В этом смысле категория переживания в освоении искусства является как бы аналогом понимания, ориентиром в формировании личности.

Как психический процесс, эстетическое переживание возникает под воздействием привлекательных для человека объектов, приобретающих для него эстетическую значимость. Музыкальное искусство среди них занимает особое место. Концентрируя в себе опыт переживания жизни, биоэнергетику выражения чувств и эмоций, изящества художественной мысли, музыка самой своей природой ориентирована на переживание как особый способ коммуникации в мире. Вместе с тем многое здесь зависит и от самого слушателя, его эмоционального состояния, внутренней психической готовности. «Соотношение различных по направленности, так и по оттенкам эмоций, возникающих при восприятии искусства, – пишет Г.Х. Шингаров, – определяется как содержанием художественного произведения, так и особенностями воспринимающего субъекта» [4, 149].

По наблюдениям психологов, эстетическое переживание состоит из совокупности различных по направленности эмоций и допускает определенные количественные характеристики по продолжительности, интенсивности, глубине протекания, степени эмоциональной окрашенности, то есть поддается фиксации (Л.И. Божович, И.Д. Джидарьян, А.К. Дрёмов и др.). В педагогических целях это допускает возможность выделить отдельные фазы переживания музыки, отличающиеся друг от друга разным уровнем участия в нем эмоциональных и рациональных компонентов мышления. По этим критериям могут быть дифференцированы такие формы эстетического переживания, как эмоциональная реакция, настроение, эмоциональное состояние, эстетическое чувство. Градация этих форм позволяет конкретизировать процесс слухового восприятия музыкальных произведений, обосновать методику его развития у слушателей.

Дальнейшее осмысление воспринятого через механизмы ассоциативного мышления и творческого воображения придает переживанию необходимую глубину чувствования.

Эстетическому переживанию присущ динамичный, процессуальный характер. Его содержание обусловлено такими факторами, как источник

возникновения, степень соотношения разных по модальности эмоций, уровень эмоциональной воспитанности личности. Это позволяет рассматривать эстетическое переживание как один из основных критериев в оценке культуры музыкального восприятия человека. Возникновение эстетического переживания – первая форма, в которой личность «осознает» «тождество» своих духовных потребностей с содержанием воспринимаемого произведения искусства. «Только после того, как произошло «слияние» личности и произведения (то есть когда произведение искусства «открылось человеку, «заговорило» с ним), можно говорить о воздействии искусства на человека», – подчёркивает Ю.М. Шор. – «Художественное переживание и есть та деятельность, в рамках которой существует, разворачиваясь во времени, интимная связь искусства и человека» [6, 34-35].

Происходит как бы взаимодействие двух ценностно-смысловых миров – мира личности и мира художественного произведения. Оно может быть интерпретировано как эффект эстетического воздействия, эстетического наслаждения искусством. Полное слияние эмоционального мира слушателя и художественных эмоций, выраженных в произведении, обеспечивается механизмами сопереживания. В теории эстетического воспитания его принято рассматривать как «всеобщий и обязательный компонент восприятия искусства» (В.П. Крутоус, М.С. Каган и др.). В этом контексте сопереживание тесно сопрягается с такими понятиями, как «вчувствование» и «эмпатия», характеризующими способность человека уподобляться эмоциональному состоянию других людей, мысленно перевоплощаться в художественный образ.

Сопереживая, слушатель отождествляет себя с художественным образом, как бы принимая его в свой внутренний мир, получая тем самым возможность не только представить ту или иную ситуацию, но и пережить её смысл, осознать радость общения с искусством. «В процессе восприятия художественного произведения мы вбираем в себе часть духовного «Я» других людей, и от этого наша самооценка становится богаче и глубже, – подчёркивает И.П. Шитов. – В этом смысле процесс восприятия искусства представляет собой взаимодействие самооценок, одна из которых является средством удовлетворения потребностей другой. Поэтому художественное наслаждение родственно наслаждению от общения с духовно богатой личностью. Отличие лишь в том, что в художественном произведении личностные качества людей содержатся в концентрированной и ярко выраженной форме» [5, 214].

Сопереживание становится мощным силовым полем творческой деятельности человека, а способность сопереживания – одним из условий полноценного восприятия музыки, более высоким уровнем его культуры, в отличие тех случаев, когда слушателю остаётся доступным лишь общее эмоциональное содержание. Распознать эмоцию, выраженную в музыкальном произведении, еще не значит до конца понять его содержание. Важно установить с музыкой духовно-личностный контакт, переинтонировать содержание на свой индивидуальный код, суметь посмотреть на мир как бы глазами другого человека, «окружить восприятие жизненным контекстом, домыслить, театрализировать». Именно этот, антропоморфизированный уровень восприятия служит базовой основой воспитания, предпосылкой эстетического развития личности.

Действуя катартически, музыка может вызвать сопереживание через отождествление собственных чувств и ощущений с художественными эмоциями, выраженными в произведении, побуждая тем самым слушателя к воспоминанию и анализу событий из собственной жизни. Сопереживая, он как бы «проигрывает», ощущает и осознает свои поступки, глубже познает своё «Я», поднимаясь на новую ступень эстетического развития. Происходит активное преобразование своего

внутреннего мира, корректировка ценностных ориентаций, взглядов и идеалов с качественно новых позиций. «Музыкальные эмоции в плане содержания представляют собой иерархию художественных реакций человека на разных уровнях: от преходящего настроения, локального «аффекта», внушенного музыкальным материалом (ритм, мелос), до элементов мироощущения, мировосприятия, воспитываемых музыкальным искусством, его шедеврами» [2, 116]. Это позволяет человеку, переживающему искусство, подниматься на такие ступени духовного развития, которые в своей повседневной жизни он не смог бы достичь никогда.

Выражая эстетическое отношение к искусству, сопереживание во многом обусловлено индивидуальными особенностями воспринимающего. Глубина сопереживания свидетельствует, с одной стороны, об эффективности художественного воздействия музыки, а с другой, об уровне эстетической культуры слушателя, его потребности в восприятии искусства на таком уровне. Без решения субъекта, без чувственного стремления навстречу сопереживанию никакие музыкальные воздействия не смогут обратить его к искусству. Только при условии соответствия содержания музыки потребностям слушателя оно может способствовать переплавке эстетических переживаний в глубоко личные, стать его собственным духовным достоянием.

В этой связи огромное значение приобретают внутренние установки слушателя на восприятие музыки как на общение с другим человеком. В таком общении осуществляется «сокровенный процесс взаимодействия, взаимовлияния целостного «Я» воспринимающего субъекта с создаваемым этим же «Я» художественным образом» [3, 127]. Музыкальное восприятие в таких ситуациях приближается к внутреннему диалогу «Я» личности с её вторым «Я». На соотношении этих двух «Я» основано эстетическое наслаждение искусством.

Субъективный музыкальный образ, возникающий у слушателя, не может, вместе с тем, совпадать с объективным образом, задуманным автором. Это объясняется рядом причин, таких, как уровень жизненного опыта слушателя и композитора, развитость эстетического сознания? тезаурус воспринимающего и пр. Не может быть одинакового сопереживания, так же, как и двух людей с идеальным складом ума, психического развития, эмоциональной культуры. На это обстоятельство обращал внимание еще Б.В. Асафьев, указывая на сложность механизмов воздействия музыкального искусства. Несмотря на то что характер переживаний определяется самой музыкой, которая заставляет подчиниться определенному настроению, ни о каком точном переводе чувств, об узнавании того, что именно хотел выразить композитор или о сопереживании переживания автора, не может быть и речи.¹

Взаимодействие композитора и слушателя осуществляется только в процессе сотворчества, проявляющегося в активной созидательной деятельности последнего

¹ В истории культуры известно о дионисийском и аполлоническом видах сопереживания. В сознании дионисийских людей все искусства становятся поэзией. Люди, относящиеся к аполлоническому восприятию остаются в соприкосновении с художественным произведением созерцателями. Они понимают музыку как звучащий поток (О. Штиглиц, Р. Мюллер и др.).

В музыкальной эстетике высказывалось предположение о существовании двух типов переживания музыки, функционирующих аутентично друг от друга: тип, определяющий свои музыкальные переживания, не склонный видеть в них ничего специфического, и тип, усматривающий в музыкальных впечатлениях нечто специфическое, отличающееся от них. Большинство людей относятся к специфическому типу.

по воссозданию художественных образов в музыке. В сотворческой деятельности проясняется содержание воспринятого, логика использования выразительных средств, формы, жанровых особенностей, осуществляется прогнозирование интонационного развития, осмысливаются принципы организации музыкального произведения. «Конструирование» музыкальных образов предполагает огромное напряжение мыслей и чувств композитора. Однако и их расшифровка требует не меньших затрат духовной энергии слушателя. Художественные образы не наполняют сознание человека автоматически. Их личностное «присвоение» требует высокой культуры музыкального восприятия, завершающей стадией которого становится переживание красоты интонационно-образного преломления жизни в искусстве, наслаждение художественным опытом других людей. Исходя из этого сама сущность «культуры музыкального восприятия» обусловлена обнаружением в музыке личностных смыслов, переживанием художественных образов как духовных ценностей жизни. «Высокая культура восприятия, – отмечает А.Г. Костюк, – это функциональное совершенство его механизмов, пригодность их к верному отражению художественных шедевров, это проявление богатства «музыкального сознания и духовного облика слушателя» [1, 342].

Воссоздание художественных образов является творческим актом, наполняющим человека ощущениями радости, наслаждения, окрыленности, духовного пробуждения, вдохновения, открытия новых жизненных перспектив. Оно представляет возможность установления через музыку образ связи с жизнью, делает слушателя сопричастным к внутреннему миру других людей. Вытекающий отсюда педагогический аспект проблемы воспитания культуры музыкального восприятия у школьников состоит в формировании идеалов нравственно-эстетического освоения художественного мира музыки. Эталоны музыкального восприятия, приобретённые в детстве, запечатлеваются в памяти, оказывают влияние на мировосприятие и поведение человека, способствуют воспитанию личности с широким гуманистическим видением мира.

Литература

1. Костюк А.Г. Культура музыкального восприятия слушателя // Художественное восприятие. – Л.: Наука, 1971.
2. Холопова В.Н. Музыка как вид искусства. – М.: Изд-во Моск. конс., 1990. – Ч. 1.
3. Шербакова А.А. Восприятие музыкального произведения как форма общения // Искусство и общение. – Л.: ЛГИТМ и К, 1987.
4. Шингаров Г.Х. Физиологические основы и психологическое состояние человеческих переживаний // Эстетика и жизнь. – М.: Искусство, 1972. – Вып. 2.
5. Шитов И.П. Природа художественной ценности. – Киев: Выща школа, 1981.
6. Шор Ю.М. Художественное переживание как процесс // Методологические проблемы современного музыкознания. – Л., 1980. – Вып. 3.

Summary

The cultural standard of listener's musical perception is determined by various aesthetic forms of artistic content experience. In pedagogical process conditions such perception must be prepared appropriately.

Поступила в редакцию 16.01.03.

УДК 37.01

В.Т. Чепиков

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ

Одной из существенных педагогических проблем, имеющих непосредственное отношение к школьной практике, является определение сущности, выяснение структуры и механизмов воспитания как специально организованной обществом педагогической деятельности людей. Ее возникновение и функционирование связано с общественной потребностью в осуществлении определенной подготовки подрастающих поколений к жизни в обществе, т.е. с их **социализацией**. Социализация направлена на усвоение подрастающим человеком опыта социального поведения, который накапливался в ходе исторического развития общества и воплощает в себе не только опыт конкретной общности людей или существующего человечества, но и обобщенный исторический опыт многих поколений людей.

Воспитание как один из видов общественной деятельности людей призвано помочь подрастающему человеку овладеть опытом социального поведения и, таким образом подготовиться к жизни в обществе. Из этого можно заключить, что воспитание есть процесс целенаправленной социализации личности ребенка, основной смысл которой состоит в том, что усвоение подрастающими поколениями опыта социального поведения обеспечивает их включение в жизнь общества.

В философских работах под социализацией понимается процесс усвоения человеческим индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. В социально-этических исследованиях сущность социализации рассматривается как общий механизм социальной эволюции человека, превращения его в социальное существо.

В педагогике под социализацией следует понимать общественно организованный педагогический процесс усвоения подрастающими поколениями опыта социального поведения, в результате чего происходит их целенаправленная подготовка к общественной жизни, выполнению определенных социальных ролей и функций, а также личностное формирование и развитие. "Социализация, – отмечал Б.Т. Лихачев, – есть самая общая и абстрактная категория, отражающая процесс включения растущего и развивающегося биосоциального индивида во взаимодействие с социальными системами, окружающей средой, другими индивидами, благодаря чему происходит, с большой или меньшей степенью полноты, становление личности" [3, 30].

Конечно, содержание понятия социализации является более широким, чем содержание понятия воспитания. Социализация как процесс усвоения индивидом исторически сложившегося опыта социального поведения включает в себя весь комплекс внешних воздействий на личность как стихийно действующих влияний социальной среды, так и целенаправленных, специально организованных и контролируемых педагогических воздействий. Однако стихийная социализация не может обеспечить воспитание всех качеств личности, которые необходимы человеку для жизни в обществе. Поэтому «социализация ребенка, весь процесс превращения его из организма в психологически зрелого и морально полноценного члена общества должен осуществляться под контролем воспитания. Именно оно и есть активное и целенаправленное руководство формированием личности» [1, 58].

Если принять во внимание тот факт, что воспитательная деятельность учителей и родителей зачастую имеет своей целью еще и устранение негативного влияния на школьников стихийных воздействий социальной среды, недостатков в их деятельности и поведении, то в этом случае можно с определенной долей условности допустить, что воспитание есть педагогический процесс социализации школьников, направленный на организацию усвоения ими опыта социального поведения и осуществление их подготовки к жизни в обществе, благодаря чему происходит их включение в систему доступных общественных отношений.

В опыте социального поведения содержатся определенные образцы поведения человека, модель его отношений к окружающей действительности и взаимоотношений с другими людьми. Существующие в обществе социальные требования, нормы и принципы ограничивают определенными рамками и регламентируют поведение и деятельность человека в обществе. Являясь относительно независимым от повседневного опыта конкретного индивида, опыт социального поведения как бы фиксирует и закрепляет то, что уже есть в обществе, и направлен на формирование того, чем должен обладать каждый вступающий в жизнь человек. Речь идет о том, что общество через систему общественных требований, правил, норм и принципов не только задает направленность формирования своих членов, но и оценивает их поведение и деятельность. Именно система общественных требований, правил, норм и принципов позволяет реализовать социальные механизмы воздействия общества на людей, регулировать и оценивать их поведение и деятельность.

Ориентируясь на образцы деятельности и поведения, заключенные в общественных требованиях, нормах и принципах, школьники овладевают ими и таким образом приобщаются к жизни в обществе. Совокупность социальных норм и правил, характеризующих взаимосвязи школьников с окружающим миром, составляет то социальное содержание, которое в процессе воспитания ими усваивается, благодаря чему осуществляется их подготовка к жизни в обществе (социализация).

Изложенные выше теоретические посылки явились основой для возникновения в педагогике точки зрения на формирование и развитие личности школьника как на процесс воспитания его отношений, а под личностными качествами стали понимать закрепившиеся и ставшие привычными отношения, которые определяют устойчивость поведения человека в любых изменяющихся условиях [12, 322].

Такой подход к воспитанию получил в педагогике название деятельностно-отношенческой концепции, согласно которой в процессе воспитания следует обращать внимание на организацию отношений, так как «социальная сущность школьника определяется теми отношениями, в которые учащийся вступает в процессе деятельности и общения» [6, 14]. Поэтому в системе воспитательной работы, по мнению некоторых ученых, указанный подход к воспитанию определяет его глубинную сущность и является основополагающим.

Однако деятельностно-отношенческая концепция, как и понятие социализации, в большей степени, по нашему мнению, отражают социальный аспект процесса воспитания и социального формирования школьников, раскрывают только социальные механизмы его осуществления. Последние определяются теми общественными влияниями и педагогическими воздействиями, которые устанавливают и регламентируют систему социальных отношений школьников и обеспечивают их включение в жизнь общества.

Данная концепция не объясняет механизмы перевода опыта социального поведения во внутренний (психологический) план личности, из объективного

общественного явления в субъективное ее достояние (личностные качества). Дело в том, что, являясь объективным источником социальной подготовки растущего человека и его личностного формирования, опыт социального поведения сам по себе не определяет формирование положительных качеств личности школьника, а выступает только лишь как предпосылка этого процесса. Усвоение этого опыта и личностное формирование человека происходит в процессе его разнообразной деятельности и общения, в его «реальных действиях и поступках и в той внутренней работе, которая завязывается вокруг них и в них вплетается» [9, 191].

Включаясь в деятельность и общение, школьники способны воспринимать внешние педагогические воздействия и влияния, аккумулировать их и воплощать в своем поведении и деятельности. Если бы это не происходило, то само воспитание как специально организованный процесс целенаправленной педагогической деятельности был бы невозможен. Однако следует иметь в виду, что личность школьника не уподобляется резиновой губке, которая лишь впитывает в себя все внешние, в том числе и воспитательные, влияния и воздействия. Известно, что она может относиться к этим влияниям и воздействиям индифферентно или же внутренне противостоять им. Отрицательное внутреннее отношение личности к воспитательным воздействиям А.С. Макаренко называл «сопротивлением личности». В «Педагогической поэме» он писал: «Почему в технических вузах мы изучаем сопротивление материалов, а в педагогических не изучаем сопротивление личности, когда ее начинают воспитывать? А ведь для всех не секрет, что такое сопротивление имеет место» [5, 559].

Дело в том, что не все внешние влияния и воздействия вызывают соответствующие положительные изменения во внутренней психологической сфере личности школьника. Речь идет о том, что основополагающее значение в ее формировании имеют не сами по себе воздействия внешних факторов, а отношение воспитуемого к этим факторам, трансформация (интериоризация) внешних влияний во внутреннюю психологическую сферу личности, результаты внутренней переработки внешних воздействий, в том числе и воспитательных. От характера этой переработки и зависит направленность и эффективность личностного формирования и развития школьников.

Личностное формирование школьников нельзя рассматривать как результат непосредственных воспитательных влияний и механической проекции социального опыта на личностные качества. «Когда исходить из наивного механического представления, будто педагогические воздействия непосредственно проектируются в ребенка, – указывал С.Л. Рубинштейн, – отпадает необходимость специально работать над развитием, над формированием, строить педагогическую работу так, чтобы обучение давало образовательный эффект, не только сообщало знания, но и развивало мышление, чтобы воспитание не только снабжало правилами поведения, но и формировало характер, внутреннее отношение личности к воздействиям, которым она подвергается. Неверный подход к этой проблеме и ее неразработанность в нашей педагогике – одна из существенных помех в деле воспитания подрастающего поколения» [8, 319]. Поэтому было бы неправильно считать, что социальные влияния и педагогические воздействия, которые испытывают школьники, механически заставляют их следовать социальным требованиям, правилам и нормам, усваивать социальный опыт и определяют их личностное формирование и развитие.

В процессе участия школьников в деятельности и общении происходит усвоение ими знаний о социальных правилах, нормах и принципах, формирование на их основе соответствующих мотивов, умений, навыков и привычек, которые, интегрируясь во внутренней сфере, образуют те или иные личностные качества.

В этой связи для педагогической теории и школьной практики особое значение имеет личностный аспект воспитания, который отражает сущность личностно-ориентированного подхода к процессу воспитания. Этот подход в психологии сформулирован как личностный принцип, который требует исследовать психические свойства и качества как свойства и качества личности.

Принцип личностно-ориентированного подхода к воспитанию позволяет охарактеризовать те внутренние психологические изменения, которые происходят под влиянием усвоения школьниками опыта социальных отношений в содержании и структуре их личности, в формировании их личностных качеств.

Переход социальных отношений во внутренний, психологический, план личности, в ее качества в этике получил название персонификации отношений, под которой понимают «...сложный и противоречивый процесс взаимодействия информационного содержания социализирующих и регулирующих поведение личности факторов с различными типами сознательно-психических и идеологических процессов, свойств, отношений, образующих целостный личностный модус человека (потребности, интересы, убеждения, оценочные критерии, стремления)» [7, 54].

Понятие персонификации позволяет раскрыть внутренние механизмы осуществления личностного формирования школьников. Оно, по мнению И.Ф. Харламова, означает «процесс перевода разнообразных воспитательных влияний, осуществляемых школой и ее различными подразделениями в системе урочных занятий и внеклассной работы, в фактор индивидуального развития и формирования учащихся» [11, 264].

Однако, следует заметить, что ни в психологии, ни в педагогике это понятие не получило широкого распространения. Чаще всего личностный аспект формирования человека обозначается понятием индивидуализация. «С одной стороны, – указывал Б.Ф. Ломов, – личность все более полно включается в систему общественных отношений; ее связи с людьми и разными сферами жизни общества расширяются и углубляются; и только благодаря этому она овладевает общественным опытом, присваивает его, делает своим достоянием. Эта сторона развития личности часто определяется как ее социализация. С другой стороны, приобщаясь к различным сферам жизни общества, личность вместе с тем приобретает и все большую самостоятельность, относительную автономность, т.е. ее развитие в обществе включает процесс индивидуализации. Индивидуализация – это фундаментальный феномен общественного развития человека. Один из его признаков (и показателей) состоит в том, что у каждой личности формируется ее собственный (и уникальный) образ жизни и собственный внутренний мир» [4, 307-308].

К сожалению, в педагогических исследованиях феномен индивидуализации не подвергался детальному научному анализу, а само понятие как научная категория используется весьма редко.

Содержание понятия индивидуализации отражает не только те индивидуальные психологические изменения, которые происходят во внутренней сфере личности в результате усвоения ею опыта социальных отношений, но и внешние, субъективные, проявления этих изменений в ее поведении и деятельности. Сформировавшиеся во внутренней сфере личности качества в дальнейшем определяют ее поведение и деятельность, характер отношений к окружающему миру. «Возникнув как усвоение определенных форм поведения в деятельности, – отмечала Л.И. Божович, – устойчивые качества личности, в свою очередь, в порядке обратного влияния, начинают определять поведение ребенка, его деятельность, характер его взаимоотношений с окружающими людьми» [2, 346-347].

Феномен индивидуализации определяет сущность личностно-ориентированного подхода к воспитанию и позволяет раскрыть психологические механизмы превращения педагогических воспитательных воздействий и влияний в фактор индивидуального формирования личности школьника. Результатом этого процесса выступают личностные качества, которые, являясь внутренними предпосылками индивидуальности личности, обуславливают своеобразие ее внешних проявлений. В этой связи основным механизмом внутренней индивидуализации личности, т.е. усвоения ею социального опыта и перевода его в индивидуально-субъективную форму существования (личностные качества), выступает процесс интериоризации.

Процесс экстериоризации определяет механизм внешней индивидуализации личности. Внешние педагогические влияния и воздействия при переходе во внутренний мир человека приобретают психологическую форму существования, а затем через систему внешних действий и поступков, отношений реализуются в его поведении и деятельности.

Следовательно, индивидуальны не только личностные качества как компоненты психологической сферы личности школьника, но и их проявления в его поведении и деятельности, в отношениях к окружающему.

Процессы интериоризации и экстериоризации позволяют раскрыть механизмы усвоения человеком социального опыта и показать, как благодаря этому происходит его личностное развитие и организация поведения и деятельности. Речь идет о том, что, достигнув определенного уровня психического развития, личность начинает произвольно регулировать свое поведение и сознательно организовывать свою жизнь, т.е. ее поведение, деятельность, общение, связи и отношения, социальная активность, а следовательно, и дальнейшее нравственное формирование детерминируются внутренними психологическими свойствами. «Если первоначально поведение побуждается и направляется требованиями, идущими извне, от общественной среды, то в дальнейшем стимулом развития становятся собственные требования субъекта. Внешнее заменяется внутренним, и это внутреннее приобретает известную автономию. Оно само все более влияет на воздействие среды» [10, 25]. Это происходит в том случае, если ребенок не только выполняет требования окружающих, но и способен анализировать и оценивать свое поведение и деятельность.

Таким образом, личность школьника является результатом сложных диалектически взаимосвязанных процессов социализации и индивидуализации. Первые из них определяют социальную сущность воспитания и одну из сторон личности – ее социальность. Вторые выражают личностную сущность воспитания и другую из сторон личности – ее индивидуальность.

Литература

1. Божович Л.И. Избранные психологические труды: Проблемы формирования личности. – М., 1994.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском обществе, – М., 1968.
3. Лихачев Б.Т. Философия воспитания. – М., 1995.
4. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., 1984.
5. Макаренко А.С. Соч.: В 7-ми т. – М., 1958. – Т. 1.
6. Марьенко И.С. Нравственное становление личности школьника. – М., 1985.
7. Момов В. Человек, мораль, воспитание. – М., 1975.

8. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – М., 1957.
9. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М., 1976.
10. Слабодчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. – М., 1995.
11. Харламов И.Ф. Педагогика: Курс лекций. – Минск, 1979.
12. Харламов И.Ф. Педагогика. – Минск, 2002.

Summary

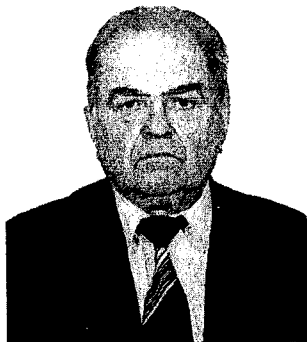
The mechanisms of the process of education are revealed through the rising generations mastering of the social experience as a result their training for their life in the society (socialization) takes place and the personality forming (individualization) realized.

Поступила в редакцию 12.12.02.

МДПУ ИМ. И.П. ШАНШКИНА

ПЕРСАНАЛІІ

Валентин Брониславович Качалко



12 марта 2003 г. доценту кафедры методики начального обучения исполнилось 65 лет.

Валентин Брониславович родился в д. Славенск Воложинского района Минской области. В 1953 году после окончания Филипинянской семилетней школы поступил в Ошмянское педагогическое училище, которое успешно окончил в 1957 году. После окончания педагогического училища до 1966 года работал в Жамойдинской восьмилетней школе учителем начальных классов и математики.

Для повышения образовательного уровня в 1959 году В.Б. Качалко поступает на факультет математики БГУ им. Ленина, который заканчивает в 1965 году. За время учебы в университете проявил способности в научно-исследовательской области преподавания математики в начальных классах.

С 1966 по 1968 год Валентин Брониславович работал инспектором Воложинского района, где зарекомендовал себя грамотным организатором и был приглашен для дальнейшей работы старшим научным сотрудником НИИ педагогики МП БССР в г. Минск.

В 1970 году рекомендовали Валентина Брониславовича для поступления в аспирантуру НИИ СиМО АПН СССР (г. Москва), которую он закончил в 1973 году по специальности «методика преподавания математики в начальных классах». В 1974 году В.Б. Качалко успешно в Москве защищает кандидатскую диссертацию по теме «Поисковая деятельность учащихся на уроках математики в начальных классах», за что ему присуждается ученая степень кандидата педагогических наук. Этой научно-исследовательской темой он занимается и после окончания в НИИ педагогики МП БССР.

С 1975 года В.Б. Качалко был приглашен на работу в МГПИ им. Н.К. Крулской заведующим кафедрой высшей и элементарной математики, а с 1977 года избран зав. кафедрой методики начального обучения. Он активно занимается наукой и с 1978 года по 1986 год работает проректором института по научной работе.

Валентин Брониславович ведет большую научную и педагогическую деятельность как доцент кафедры математики и методики математики, а затем, с 1987 по 1998 год, как заведующий кафедрой МНО. В настоящее время он успешно трудится на этой же кафедре.

Всю свою педагогическую жизнь – 45 лет – Валентин Брониславович занимается разработками проблем актуальных методов обучения математике, математической статистики в педагогических исследованиях. Он имеет более 70 научных и научно-методических работ, в том числе 8 учебно-методических пособий для студентов и учителей начальной школы. В.Б. Качалко – отличник народного образования БССР.

Кафедра методики начального обучения желает юбиляру крепкого здоровья, бодрости, долголетия и дальнейших успехов в научной и педагогической деятельности.

Анна Акимовна Иванова



2 января 2003 года отметила свой юбилей доцент кафедры русского языка Мозырского государственного педагогического университета Анна Акимовна Иванова.

«Наверное, самое трудное – это мужество многолетнего повседневного труда», – сказал как-то выдающийся педагог В.А. Сухомлинский. По отношению к Анне Акимовне такие слова справедливы в полной мере: более четырех десятилетий она занимается преподаванием.

Трудовая деятельность Ивановой А.А. началась в 1952 году. Тогда она работала учителем Окопской семилетней школы в Наровлянском районе. С 1953 по 1957 год обучалась в Мозырском государственном педагогическом институте. После окончания института преподает русский язык и литературу в средней школе, затем в Мозырском техникуме. С октября 1968 года работает в Мозырском госпедуниверситете. За время работы в вузе Анна Акимовна прошла путь от ассистента кафедры русского языка до доцента этой кафедры, кандидата филологических наук. Является автором 43 научных публикаций, в числе которых статьи, методические пособия, словари.

Предметом своих научных исследований А.А. Иванова избрала интереснейший культурно-языковой феномен – микротопонимы, защитила кандидатскую диссертацию по микротопонимии Мозырского Полесья. Сколько сил и любви отдано избранной теме! Анна Акимовна объездила все Мозырское Полесье (132 населенных пункта!), разговаривала со старожилами, по крупицам собирая ценнейший материал: народные названия поселений, урочищ, лесов, лугов, рек, криниц и мн. др. Этой теме ученый А.А. Иванова никогда не изменяла. Она постоянный активный участник многих научных конференций, на которых выступает с докладами, посвященными разным аспектам топонимики, имеет публикации в сборниках научных работ, изданных в Минске, Гомеле, Гродно, Мозыре. Одним из особо значимых подарков к юбилею стало для Анны Акимовны завершение работы над монографией «Микротопонимия Мозырского Полесья», которая уже вышла из печати. Как пишет в предисловии к монографии профессор института языкознания Национальной академии наук Республики Беларусь В.П. Лемтогова, «выход книги А.А. Ивановой является заметным событием в культурной жизни Республики».

Тех, кто знает А.А. Иванову, поражает ее поистине удивительная работоспособность, огромное количество творческих сил, энергия, которые вкладываются ею в подготовку высококвалифицированных учителей. Увлеченность делом, которым она занимается, передается студентам. Под руководством Анны Акимовны они с большим интересом работают над проблемами диалектологии, лингвистилистики, вопросами текстообразования; представляют отчеты по диалектологической практике в виде прекрасно оформленных альбомов, которые вот уже много лет украшают выставки студенческих работ. Анна Акимовна привлекает молодежь и к научной деятельности. Студенческие научные исследования, выполненные под ее непосредственным руководством, неоднократно получали высокие оценки на Республиканских конкурсах.

«Мужество многолетнего повседневного труда» доцента А.А. Ивановой не раз было оценено на официальном уровне: за добросовестный труд она награждена медалью «Ветеран труда», многими Почетными грамотами.

Коллектив университета, кафедра русского языка, друзья, коллеги желают Анне Акимовне крепкого здоровья, успехов в работе, активного творческого долголетия.

Евгений Иванович Сафанков



В мае этого года отметил свой 60-летний юбилей кандидат технических наук, доцент кафедры основ строительства и МПСД Евгений Иванович Сафанков.

Сафанков Е.И. окончил Карагандинский политехнический институт. В 1975 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук.

В Мозырском государственном педагогическом университете работает с 1980 года. В настоящее время – доцент кафедры основ строительства и методики преподавания строительных дисциплин. За это время зарекомендовал себя как грамотный и инициативный преподаватель, хорошо умеющий находить контакт со студентами и коллегами по работе. Учебные занятия проводит на высоком научно-методическом уровне. В педагогической деятельности умело применяет свой научный и методический опыт и передает его молодому поколению. Пользуется заслуженным авторитетом у студентов, преподавателей и сотрудников университета.

Сафанков Е.И. активно занимается внедрением в учебный процесс информационных образовательных технологий. При его непосредственном участии как руководителя творческого научного коллектива разработана авторская инструментальная компьютерная система "MediaTor", автоматизированная модульно-рейтинговая система контроля знаний студентов по десятибалльной шкале, компьютерный учебный курс по строительным, грузоподъемным машинам. Данные разработки успешно внедрены в учебный процесс для подготовки инженерно-педагогических кадров.

В настоящее время результативно работает в направлении по созданию модульно-мультимедийных учебников с учреждениями профтехобразования.

Евгений Иванович является автором свыше 70 научных и научно-методических публикаций, имеет 7 авторских свидетельств. Неоднократно награждался почетными грамотами, в том числе грамотой Министерства образования, награжден Почетным знаком «За заслуги в развитии профтехобразования», его научно-педагогическая деятельность отмечена в 2001 году стипендией Президента Республики Беларусь.

Коллектив инженерно-педагогического факультета искренне поздравляет Евгения Ивановича с юбилеем и желает дальнейших творческих успехов в педагогической и научной деятельности.

ХРОНІКА

26-27 марта в МГПУ состоялась II международная конференция «Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин». Инициатором проведения конференции, которая уже стала традиционной, явилась кафедра русского языка, сделавшая текст основным объектом своих исследований. Тематика конференции вызвала большой интерес, в её работе приняли непосредственное участие 110 представителей Республики Беларусь и ряда городов России и Украины. В числе участников были преподаватели вузов, научные работники, учителя школ, аспиранты, студенты старших курсов.

На конференции выступили многие видные учёные: доктора филологических наук, профессора В.А. Маслова, М.И. Конюшкевич, Л.В. Бублейник, советник министра образования РБ В.И. Ивченков, учёный секретарь Подкомитета по государственным премиям РБ в области науки и техники В.К. Щербин.

Обсуждение проблем теории текста и методики его изучения проходило на пленарном заседании и 9 секциях. По многим проблемам, связанным с преподаванием науки о тексте в вузе и школе, состоялся плодотворный обмен мнениями. Были высказаны предложения о более широком участии специалистов по тексту в разработке государственных стандартов и типовых программ, в написании учебников и учебных пособий. Выступавшие отмечали, что проведенная конференция дала возможность обменяться научными идеями по проблемам текста и методики его изучения, что даст возможность с большей эффективностью осуществлять принцип гуманизации филологического образования, подготовки каждого обучающегося как языковой личности.

24-25 апреля 2003 года в УО «Мозырский государственный педагогический университет» состоялась X Республиканская студенческая научно-практическая конференция «Инновации – 2003». Конференция в этом году переросла статус республиканской, так как в ней приняли участие студенты из различных вузов России и Украины. Было заявлено и прислано более 600 докладов. Всего в наш университет приехало более 100 участников из Бреста, Минска, Витебска, Гомеля и других городов республики.

Сотрудники научно-исследовательского сектора университета провели огромную организационную работу.

Проректор по научной работе С.Б. Кураш и начальник научно-исследовательского сектора Э.Е. Гречанников провели тщательный отбор материалов. Комиссия в составе: Л.Н. Боженко, С.И. Солохова, Т.Н. Липская, В.В. Кузьмич, Л.М. Сопот, Т.И. Татарина обеспечили редактирование и корректуру отобранных для публикации материалов. Кропотливая работа проведена на высоком профессиональном уровне.

Необходимо отметить, что редакционно-издательским отделом в кратчайшие сроки подготовлены и изданы материалы конференции к началу работы конференции. Под общей редакцией профессора В.В. Валетова сборник издан в 2 частях.

Работа конференции проходила в 20 секциях.

В докладах были рассмотрены актуальные проблемы по естественным, техническим, социально-экономическим и гуманитарным наукам.

Кроме работы в секциях, сотрудниками воспитательного отдела университета был организован досуг участников конференции.

При подведении итогов работы конференции были обозначены перспективные направления работы. Эта конференция была представлена как итог

целенаправленной и системной работы по вовлечению студентов в научно-исследовательскую работу и является одним из стимулов к творчеству. Этот положительный опыт является одним из приоритетных направлений деятельности научно-исследовательского сектора, является основой нравственного и гражданского воспитания личности студентов, а также идейно-политического воспитания молодежи, достойным развитием их политической культуры.

В УО «МГПУ» поддерживаются традиции по организации студенческой научно-исследовательской работы. По предварительным итогам республиканского конкурса научных работ студентов по естественным, техническим и гуманитарным наукам, куда были представлены 36 работ, 6 участников будут отмечены Дипломами I категории, 11 – Дипломами II категории, 11 – III категории. Студенты, награжденные Дипломами I категории, получают возможность опубликовать результаты своих научных исследований в сборнике статей лауреатов.

В 2003 году значительно активизировалось участие преподавателей, сотрудников, студентов нашего университета в Международных и Республиканских научно-практических конференциях и семинарах. Только за январь-апрель месяц 2003 года в такого рода мероприятиях приняло участие около 80 человек.

10 ЛЕТ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ СЕКТОРУ

В нынешнем году исполнилось 10 лет со дня основания научно-исследовательского сектора (НИСа). НИС был создан на основании Распоряжения Совета Министров Республики Беларусь и приказа ректора от 17 мая 1993 года. На определенных этапах научно-исследовательский сектор возглавляли доктор физико-математических наук, доцент Г.В. Кулак, кандидат физико-математических наук, доцент Н.Н. Егоров, кандидат исторических наук, доцент С.В. Телепень. В настоящее время отделом руководит кандидат физико-математических наук Э.Е. Гречанников.

Основной задачей НИСа является координация научной деятельности университета. НИС выполняет и другую важнейшую задачу – поиска финансовых средств на осуществление научной деятельности. Так, если в 1993 году в вузе выполнялись 8 научных тем, получавших финансовую поддержку из различных источников, то в нынешнем году их количество превышает данный показатель более, чем в 3 раза.

Результатом большой организационной работы, выполненной сотрудниками НИСа, стало укрепление научных связей с рядом вузов и научно-исследовательских организаций ближнего и дальнего зарубежья. При непосредственном участии отдела в последнее время проведен ряд серьезных научных мероприятий. Особенный резонанс имели такие представительные международные конференции, как «Оптика кристаллов» (26-30 сентября 2000 года), «Проблемы экологии и экологического образования Полесья в постчернобыльский период» (5-6 октября 2000 года), «Психолого-педагогические основы профессиональной подготовки учителя в условиях реформирования общеобразовательной и высшей школы» (28-29 ноября 2001 года), «Беларуская пачатковая школа: праблемы і перспектывы развіцця» (17-18 кастрычніка 2002 года), «Текст в лингвистической теории и методике преподавания филологических дисциплин» (11-12 апреля 2001 года; 27-28 марта 2003 года). Стало традицией проведение ежегодных студенческих и аспирантских научных конференций.

За время существования отдела сотрудники университета, которые в эти годы защитили докторские и кандидатские диссертации, постоянно ощущали помощь и поддержку сотрудников НИСа.

Весьма результативно с научно-исследовательским сектором сотрудничают аспиранты и студенты. Во всех формах НИРС в 2002 г. участвовало свыше 700 студентов. Количество студентов, участвовавших в научных кружках и группах, составило свыше 400 человек.

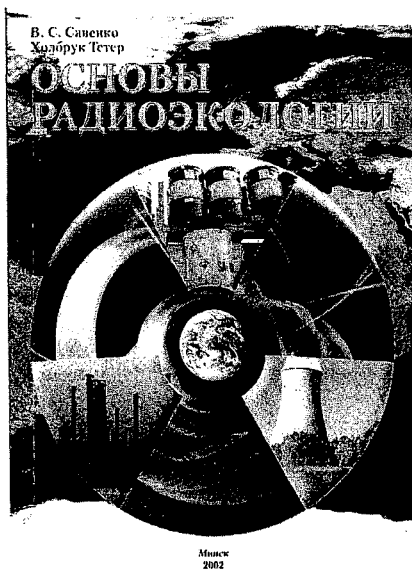
Большой объём кропотливо проделанной организационной работы был выполнен сотрудниками НИСа в период аттестации и аккредитации вуза на получение статуса учебного заведения университетского типа.

На данном этапе перед НИСом поставлен ряд новых задач, в числе которых – совершенствование и модернизация научно-исследовательского процесса и инфраструктуры университета, поиск актуальной научной тематики, развитие международных связей университета. Руководство вуза видит НИС в качестве настоящего штаба университетской науки.

Пожелаем сотрудникам НИСа дальнейшей успешной работы, творческого подхода к делу и удачи в решении задач, возлагаемых на них на одном из ответственных участков работы вуза.

БІБЛІОГРАФІЯ

В.С. Савенко, Холбрук Тетер. Основы радиоэкологии



Савенко В.С., Холбрук Тетер. Основы радиоэкологии. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.С. Савенко, Холбрук Тетер. – Мн., 2002. – 203 с.

ISBN 985-6651-08-5

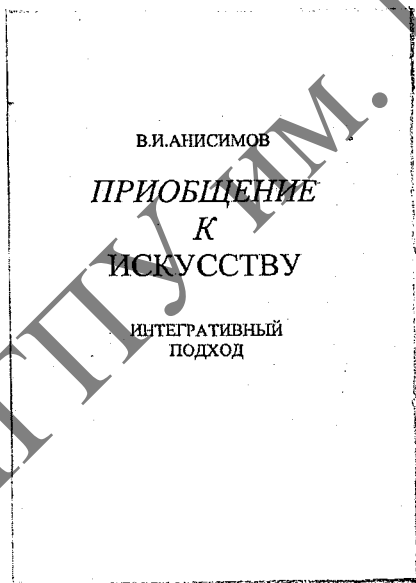
В пособии в доступной форме рассматриваются основные понятия о радиоактивных излучениях. Внимание акцентировано на практических рекомендациях населению, живущему на территориях, загрязненных радионуклидами. Рассмотрен физический аспект радиационных воздействий.

Рекомендуется для преподавателей вузов, студентов, учителей, школьников, населения, проживающего на территориях, загрязненных радионуклидами.

УДК 612.014.482:574.2

ББК 28.081.2я73

В.И. Анисимов. Приобщение к искусству



Анисимов В.И. Приобщение к искусству: интегративный подход. Лекции по спецкурсу для студентов-заочников. – Мозырь: МГПИ им. Н.К. Крупской, 2002. – 220 с.

ISBN 985-6613-64-2

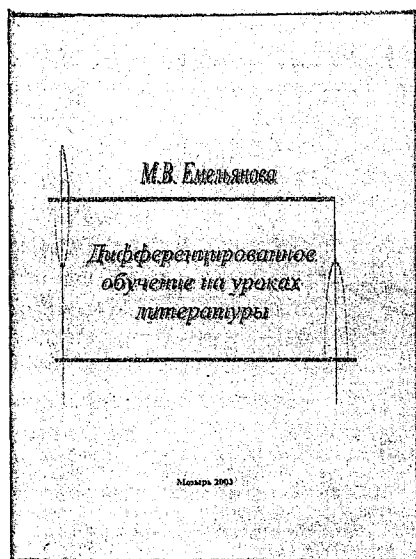
В курсе лекций определяются принципиальные основы целостного освоения художественной культуры (как связанного многообразия) через установление сходств-отличий между литературными оригиналами (романами, повестями и т.д.) и их художественными «переводами» на язык смежных искусств (в жанрах киноэкранизации, театральной инсценировки, книжной иллюстрации). Наводя таким образом «мосты» между искусствами, автор раскрывает методику взаимосвязанного, проблемно-сопоставительного изучения художественно-эстетических дисциплин, природу художественной интерпретации, сущность воплощения литературных идей и

образов представителями соседних областей творческой деятельности. Спецкурс адресуется преподавателям и студентам, всем, кого интересуют проблемы синтеза и взаимодействия искусств, идеи интеграции содержания образования в высшей и средней школе.

УДК 378.147.(07)

ББК 74.58я73

М.В. Емельянова. Дифференцированное обучение на уроках литературы



Емельянова М.В. Дифференцированное обучение на уроках литературы. – Мозырь: МГПУ, 2003. – 114 с.

ISBN 985-477-042-7

В данной работе рассматриваются психолого-педагогические и методические предпосылки дифференциации в обучении на уроках литературы, а также возможности дифференцированного изучения отдельных тем курса литературы в XI классе. Определены цели, содержание, приемы, соотношение форм учебной работы при дифференцированном подходе к изучению нравственного содержания литературных произведений. В работе предложены экспериментально обоснованные технологии дифференцированного изучения творчества А. Платонова, М. Булгакова.

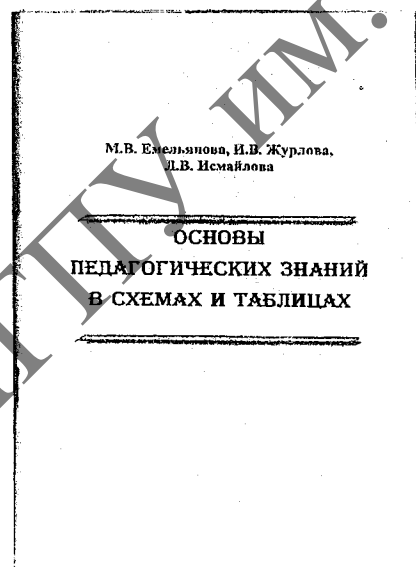
Автор надеется, что предложенный материал будет полезен методистам, учителям

и студентам в их научно-практической деятельности.

УДК 882(07)

ББК 74.261.8

**М.В. Емельянова, И.В. Журлова, Л.В. Исмаилова
Основы педагогических знаний в схемах и таблицах**



Емельянова М.В., Журлова И.В., Исмаилова Л.В. Основы педагогических знаний в схемах и таблицах: Пособие для студентов педагогических вузов. – 2-е изд., доп. – Мозырь: УО «МГПУ», 2003. – 125 с.

ISBN 985-477-051-6

Пособие включает содержание основных педагогических положений, систематизированное в таблицах и схемах. Предназначено для студентов педагогических вузов.

УДК 37.01(075.8)

ББК 74я73

В.И. Оляха

Спортивные упражнения для детей старшего дошкольного возраста

Оляха В.И. Спортивные упражнения для детей старшего дошкольного возраста: Пособие для студентов ВУЗов, обучающихся по специальности «Физическая культура и спорт» / В.И. Оляха – Мн.: Бестпринт, 2003. – 140 с.

ISBN 985-6722-08-X

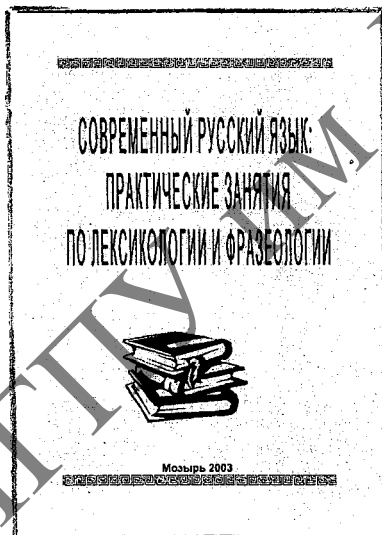
Рассматриваются вопросы спортивной деятельности детей старшего дошкольного возраста, позволяющие эффективнее решать задачу обучения детей двигательным действиям и ознакомить их с соревновательной деятельностью.

Пособие предназначено для студентов, воспитателей дошкольных учреждений, родителей.

УДК 796.2

ББК 74.267

Т.Н. Липская, Т.И. Татарина

Современный русский язык: практические занятия по лексикологии и фразеологии

Современный русский язык: практические занятия по лексикологии и фразеологии: Учебно-методическое пособие / Авт.-сост. Т.Н. Липская, Т.И. Татарина. – Мозырь: МГПУ, 2003. – 89 с.

ISBN 985-477-024-9

В пособие входят разработки практических занятий по лексикологии и фразеологии современного русского языка, а также задания для коллоквиума, схемы и образцы анализа лексических и фразеологических единиц.

В работе нашли отражение когнитивный и коммуникативно-прагматический подходы к изучению языка. В расположении материала и в процедуре разборов реализован текстоцентрический принцип, который предполагает анализ языковых объектов в логически завершённом тексте, рассмотрение их с точки зрения текстообразующих функций,

представление результатов языкового разбора в форме речевого произведения – текста-доказательства.

Представленный в пособии материал усилит внимание студентов к проблемам лексикологии и фразеологии, к тексту и роли в его моделировании лексико-фразеологических единиц языка.

Рекомендуется для преподавателей и студентов филологических факультетов вузов.

УДК 808.2.(076.5)

ББК 81.2Р-923

РЕЗЮМЕ

УДК 51

Л.А. Иваненко. Компьютерные технологии как средство организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов по математике // Веснік Мазырсакага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2003. – № 8. – С. 3.

Рассматривается проблема организации внеаудиторной самостоятельной работы по математике. Использование компьютерных технологий предлагается как один из возможных путей её решения.

Библ. – 6 назв.

УДК 519.214

А.Г. Федосенко. О распространении свойства характеристической функции, принадлежащей классу L , на многомерный случай // Веснік Мазырсакага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2003. – № 8. – С. 7.

Показано, что характеристические функции из класса L в R^d обладают тем же свойством, что и характеристические функции из класса L в R : характеристическая функция $\varphi(t)$ в R^d принадлежит классу L тогда и только тогда, когда для любого постоянного S , $0 < s < 1$ отношение $\frac{\varphi(t)}{\varphi(st)}$ есть х.ф.

Библ. – 9 назв.

УДК 517.917

В.В. Шкут. Качественное исследование одной автономной дифференциальной системы второго порядка // Веснік Мазырсакага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2003. – № 8. – С. 11.

В работе проведено качественное исследование кубической двухмерной системы при наличии у неё частного интеграла в виде одной алгебраической кривой шестого порядка.

Библ. – 3 назв.

УДК 519.240

М.Д. Юдин. Об аппроксимации распределений сумм m -зависимых случайных величин с ограниченными дисперсиями в метрике П. Леви // Веснік Мазырсакага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2003. – № 8. – С. 16.

Получена оценка в метрике П. Леви аппроксимации распределений сумм m -зависимых случайных величин сопровождающими распределениями, логарифм характеристических функций которых выражен по формуле, обобщающей формулу Колмогорова и составленной для первых n слагаемых. Предполагается, что сумма ковариаций случайных величин положительна.

Библ. – 6 назв.

УДК 539.3.620.23

В.С. Савенко, О.А. Троцкий. Способы повышения электропластичности металлов в сложных полевых условиях // Веснік Мазырсакага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2003. – № 8. – С. 21.

Рассмотрены способы повышения электропластичности металлов при действии импульсного электрического тока и постоянного магнитного поля с различными схемами токоподведения при обработке металлов давлением.

Библ. – 8 назв.

УДК 539.3.620.23

В.С. Савенко, О.А. Троицкий. Дополнительные механизмы пластификации металла в скрещенных электромагнитных полях // *Вестник Мазырсага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 25.

Одновременное наложение электрических и магнитных полей в условиях их ортогональности в процессе пластической деформации существенно интенсифицирует пластическую деформацию, не обуславливая тепловыми факторами и другими физическими эффектами.

Библ. – 6 назв.

УДК 535.42

А.А. Фирсов, В.В. Шепелевич. Поперечно-поляризованное взаимодействие световых волн в кубических фоторефрактивных пьезокристаллах // *Вестник Мазырсага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 28.

Исследовано поперечно-поляризованное двухволновое взаимодействие в кубических фоторефрактивных кристаллах при произвольной ориентации вектора голографической решетки с учетом пьезоэлектрического эффекта. Показано, что выбором ориентационного угла можно достичь значений относительной интенсивности дифрагированной компоненты сигнального светового пучка, значительно больших по сравнению с частными ориентациями, которые исследовались ранее.

Библ. – 12 назв.

УДК 631.44.065

В.А. Горкунов. Элементарная микроструктура склона как исходная единица почвенно-географических систем // *Вестник Мазырсага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 33.

В статье вводится понятие об исходной пространственной единице при картографировании неоднородностей почвенного покрова пахотных земель – элементарной микроструктуре склона (ЭМС). ЭМС представляет собой пространственную единицу почвенного покрова простого склона или его сегмента, состоящего из двух почв компонентов, преимущественно с однонаправленным изменением свойств, определяемых одним из факторов, дифференцирующих их в пределах почвенного ряда. Введение исходной единицы почвенно-географических систем – ЭМС – целесообразно с двух позиций. Во-первых, это открывает возможности построения иерархической типологии систем почвенно-географической таксономии на основе литоморфогенеза. Вторым существенным моментом, подтверждающим целесообразность выделения начального таксономического уровня – ЭМС, является то, что в большинстве случаев простой склон является той минимальной территориальной единицей, на которой возможно ведение сельскохозяйственного производства (как минимум огородничества, садоводства и т.д.).

Библ. – 9 назв.

УДК 801

С.М. Антонова. Глаголы говорения как динамическая модель языковой картины мира // *Вестник Мазырсага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 39.

Рассматривая системное устройство и функционирование ЛСГ «из центра», от доминанты, сквозь призму актуализации её системных свойств в сочетаемости, автор выявляет моделирующие способности русских глаголов ЛСГ говорения. Анализ ведется с учетом всех глаголов, соотносимых в тексте с процессом говорения

(ядерных и функционально-текстовых, общерусских, стилистически отмеченных и нейтральных, диалектных и авторских), и «проявляет» общеязыковую природу глагольной ЛСГ: это динамическая модель ЛСС, языковой картины мира и языка в целом. В концентрированном виде все свойства единиц ЛСГ воплощает её доминанта. Эксплицируются тождество и различие элементов ЛСГ на каждом из уровней сочетаемостью слова-доминанты. Общее и специфическое функциональных разновидностей языка в представлении ситуации говорения обнаруживает текст.

Бібл. – 20 назв.

УДК 808.26

Н.А. Барысенка. Устарэлыя назвы падаткаў у беларускай гістарычнай прозе 80-90-х гадоў XX стагоддзя // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 50.

У артыкуле на канкрэтным матэрыяле характарызуецца ўстарэлая падатковая тэрміналогія, ужытая ў мастацкіх творах гістарычнага жанру. Разглядаецца значэнне ўстарэлых назваў падаткаў, іх паходжанне, асаблівасці функцыянавання ў помніках старажытнай пісьменнасці і ў сучаснай лексічнай сістэме, стылістычная роля ў мастацкім тэксце.

Бібл. – 16 назв.

УДК 808.26-11

А.А. Валасенка. Лексіка-граматычныя асаблівасці састаўных вытворча-прамысловых тапонімаў Беларусі // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 53.

У артыкуле разглядаюцца лексіка-граматычныя асаблівасці найбольш тыповых мадэляў састаўных вытворча-прамысловых тапонімаў Беларусі.

Бібл. – 7 назв.

УДК 82-1 (476)

А.В. Ваньковіч. “І свет пад вясёлкай шчаслівай ...”: колеравая палітра паэзіі У. Верамейчыка // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 58.

У артыкуле аналізуецца колеравая палітра паэзіі У. Верамейчыка. Параўнанне колераабзначэнняў у розных зборніках выяўляе светабачанне паэта, мастацкую гармонію, нацыянальныя асаблівасці творчасці У. Верамейчыка.

Бібл. – 8 назв.

УДК 800.853

М.А. Карлова, В.В. Кузьмич. Літаратурная пародія как интертекст // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 64.

Рассматриваются дискурсивные аспекты такого текстового жанра, как литературная пародия.

Бібл. – 8 назв.

УДК 802.0-5

Н.В. Сигаї. Коммуникативный подход к изучению категории определенности-неопределенности // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 72.

Статья посвящена проблеме категории определенности-неопределенности, которая рассматривается с точки зрения коммуникативного подхода, с помощью которого в статье объясняется употребление артикля в зависимости от намерений

собеседников сообщить информацию об известном или неизвестном обоим предмете. Предложен алгоритм употребления артиклей с точки зрения коммуникации.

Библ. – 9 назв.

УДК 808.26

А.В. Солохаў. Прыслоўі-наватворы ў сучасным беларускім паэтычным маўленні // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 78.

На основе богатого фактического материала из произведений современной белорусской поэзии анализируются особенности образования индивидуально-авторских наречий, показываются их семантика и продуктивность.

Бібл. – 3 назв.

УДК 808.26

Л.В. Цалко. Крыніцы пушкінскіх метафар // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 84.

У артыкуле вызначаюцца крыніцы ўплыву на лексічны склад і структуру метафарычных канструкцый А.С. Пушкіна.

Бібл. – 12 назв.

УДК 801.3.26

В.В. Шур. Этымалагізацыя анімаў як мастацкі прыём у творах беларускіх пісьменнікаў // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 90.

На прыкладах з твораў Я. Коласа, Ф. Янкоўскага, Н. Гілевіча, Г. Далідовіча паказана майстэрства гэтых пісьменнікаў ў этымалагізацыі бнімаў у мастацкім тэксце пры стварэнні пераканальных літаратурных вобразаў.

Бібл. – 9 назв.

УДК 882.5.09+82.08(476)

О.К. Шинкаренко. Народно-легендарное и мифологическое в творческой системе В. Короткевича // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 95.

Статья посвящена одному из самых глубоких историко-философских произведений В. Короткевича – легенде “Ладья Отчаяния”. В работе дан сравнительный анализ этого многоуровневого текста и художественных произведений Ю. Брезана.

Основной причиной для сопоставления творчества обоих авторов является мотив памяти, сохранение которой выступает надежным гарантом, позволяющим избежать прежних ошибок и свидетельствующим о твердом усвоении уроков истории.

Бібл. – 8 назв.

УДК 681.3

А.Л. Голозубов. Использование персональных компьютеров в расчетах курсового проектирования по техническим дисциплинам // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 101.

В статье предложена методика использования ПК при расчетах курсового проектирования по деталям машин и теории механизмов и машин. Приведены основные сведения, позволяющие студентам и преподавателям, знакомым с основами работы на ПК, самостоятельно приступить к решению технических задач.

УДК 371:61

І.І. Капалыгіна. Праблема фарміравання высноў здаровага ладу жыцця ў пачатковай школе // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 105.

Тэарэтычны аналіз псіхафізіялагічных работ, даследванняў у вобласці дыдактыкі дазволіў раскрыць сувязь паміж навучальным працэсам малодшых школьнікаў і іх здароўем.

Бібл. – 4 назв.

УДК 378.637:514

І.Н. Кралевиц. Основания геометрии: один из подходов к изложению // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 110.

Представлена авторская методика введения студентов в научное исследование в учебном процессе путем расширения возможностей раздела «Основания геометрии».

Бібл. – 3 назв.

УДК 37.037

І.М. Масло, Н.А. Заяц. Методика определения индивидуальных норм физического и функционального состояния юных спортсменов // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 113.

Рассмотрена методика подготовки спортсменов-легкоатлетов.

УДК 37.034

Э.М. Молчан. Диалектика духовно-нравственного воспитания личности // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 117.

В статье «Диалектика духовно-нравственного воспитания личности» рассматриваются основные источники и движущие силы развития духовно-нравственных ценностей и духовности, обосновывается актуальность духовно-нравственного воспитания личности в современной социокультурной ситуации.

Бібл. – 5 назв.

УДК 372.046.14

В.П. Рева. Категория культуры музыкального восприятия в контексте педагогики искусства // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 120.

Культура музыкального восприятия слушателя определяется разнообразием форм эстетического переживания музыкального произведения. В условиях педагогического процесса такое восприятие должно быть соответствующим образом подготовлено.

Бібл. – 6 назв.

УДК 37.01

В.Ц. Чэнікаў. Сацыялізацыя і індывідуалізацыя асобы ў працэсе выхавання // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – 2003. – № 8. – С. 125.

Механізмы працэса выхавання раскрываюцца праз засваенне падрастаючымі пакаленнямі сацыяльнага вопыту, у выніку чаго адбываецца іх падрыхтоўка да жыцця ў грамадстве (сацыялізацыя) і адбываецца асобнае фарміраванне (індывідуалізацыя).

Бібл. – 12 назв.

АЎТАРЫ НУМАРА

- Иваненко Лариса Анатольевна ассистент кафедры математики и МПМ Мозырского государственного педагогического университета
- Федосенко Андрей Григорьевич аспирант кафедры теории вероятностей и математической статистики Белорусского государственного университета
- Шкут Василий Владимирович кандидат физико-математических наук, доцент, зав. кафедрой алгебры и математического анализа Мозырского государственного педагогического университета
- Юдин Михаил Дмитриевич доктор физико-математических наук, профессор кафедры алгебры и математического анализа Мозырского государственного педагогического университета
- Савенко Владимир Семенович кандидат физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой общей физики и МПФ Мозырского государственного педагогического университета
- Троицкий Олег Александрович профессор, главный научный сотрудник ИМАШ РАН
- Фирсов Алексей Александрович кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теоретической физики Мозырского государственного педагогического университета
- Шепелевич Василий Васильевич доктор физико-математических наук, профессор Мозырского государственного педагогического университета
- Горкунов Валерий Александрович кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры биологии Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова
- Антонова Светлана Михайловна кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Гродненского государственного университета им. Я. Купалы

Барысенка Наталля Аляксееўна	асістэнт кафедры беларускай мовы Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
Валасенка Алена Аляксандраўна	аспірантка кафедры беларускага мовазнаўства Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
Ваньковіч Алена Віктараўна	аспірантка кафедры беларускай літаратуры Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны
Карлова Марина Александровна	аспірантка кафедры рускага языка Мозырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
Кузьмич Владимир Васильевич	кандыдат філалагічных навук, доцент кафедры рускага языка Мозырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
Сігай Наталля Васільевна	бакалавр, прэподаватэль кафедры замежных моў Мозырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
Солахаў Аляксей Васільевіч	кандыдат філалагічных навук, загадчык кафедры беларускай мовы Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
Цалко Людміла Валер'еўна	аспірантка кафедры беларускага мовазнаўства Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
Шур Васіль Васільевіч	кандыдат філалагічных навук, дацэнт, прафесар кафедры беларускай мовы Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
Шынкарэнка Вольга Карпаўна	кандыдат філалагічных навук, дацэнт Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны
Голозубов Андрей Леонидович	кандыдат тэхнічных навук, заведуючы кафедрай машынабудавання
Капалыгіна Ірына Івановна	магістр педагогікі, учительница начальных классов школы-лицея № 19 г. Гродно

Кралевиц Ирина Николаевна	кандидат педагогических наук, доцент, декан физико-математического факультета Мозырского государственного педагогического университета
Масло Иван Михайлович	кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебной работе Мозырского государственного педагогического университета
Зяц Николай Алексеевич	преподаватель кафедры теории и методики физического воспитания Мозырского государственного педагогического университета
Молчан Эдуард Михайлович	аспирант кафедры педагогики Мозырского государственного педагогического университета
Рева Валентин Павлович	кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики музыкального воспитания, теории музыки и игры на народных инструментах Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова
Чепиков Виктор Тимофеевич	доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и психологии детства Гродненского государственного университета им. Я. Купалы

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статьи объёмом до 8 страниц печатного текста на русском или белорусском языке в одном экземпляре направлять по адресу: 247760 Гомельская обл., г. Мозырь, ул. Студенческая, 28. В этот объём входят таблицы, фотоснимки, графики, рисунки, список использованной литературы. Текст должен быть набран на компьютерной технике (Word 95, 97, 2000 for Windows), шрифт Times New Roman, 14.
2. В левом верхнем углу размещается индекс УДК.
3. Через 1 интервал в центре страницы помещаются инициалы и фамилия автора (авторов). Далее через 1 интервал заглавными буквами без переносов печатается название статьи. Ниже через два интервала, с абзацного отступа, печатается текст.
4. Термины и основные понятия печатаются жирным шрифтом.
5. Поля рукописи – левое, правое, нижнее, верхнее – по 25 мм.
6. К рукописи прилагаются:
 - а) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; учёная степень и звание, место работы, адрес для переписки, рабочий и домашний номера телефона);
 - б) рекомендация кафедры, научной лаборатории или учреждения образования;
 - в) рецензия специалиста в данной области;
 - г) реферат (аннотация) на русском или белорусском языке;
 - д) резюме на английском языке;
 - е) электронный вариант статьи на дискете 3,5" (Текст должен быть набран на компьютерной технике (Word 95, 97, 2000 for Windows), шрифт Times New Roman, 14).
7. Редколлегия журнала проводит экспертизу полученных материалов и может дополнительно рецензировать статьи. Основными критериями при оценке являются новизна, актуальность и информативность материала. Если по рекомендации рецензента рукопись возвращается на доработку, то она вновь рассматривается редколлегией и датой поступления считается день представления последнего варианта.
8. Приведённые в тексте статьи ссылки на источники литературы обозначаются порядковым числом в квадратных скобках по порядку цитирования. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-84.
Примеры оформления библиографического описания в списке источников, приводимом в статье:
 1. Літвіненка У.А. Фактары тэхналагічнага прагрэсу і праблема яго аптымізацыі // Весці Акад. Навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 1994. – № 2. – С. 19-26.
 2. Василевич Г.А. Верховный совет Республики Беларусь: Правовые вопросы деятельности. – Минск: Белорус. Кадр. центр «Профессионал», 1993. – 288 с.
 3. Larsen R.P. Computer-Aided Preliminary Layout Design of Customized MOS Array // IEEE Trans. of Computers. – 1971. – Vol. EC-20, № 5. – P. 512-523.
 4. Социология и психология чтения: Сб. ст. / Редкол.: Н.М. Сикорский (гл. ред.) и др. – М.: Книга, 1979. – 230 с.

Рукописи, оформленные без соблюдения этих правил, к рассмотрению не принимаются.

Желаем успеха!